

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

На правах рукописи

ЦЫДЕНОВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА

**НЕОЛИТ – БРОНЗОВЫЙ ВЕК
ЗАПАДНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ
(по материалам стоянок Красная Горка,
Ярцы Байкальские, Муханские Озера I)**

Специальность 5.6.3. Археология

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель –
доктор исторических наук
Медведев Виталий Егорович

Новосибирск – 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. История исследований и современное состояние изученности проблем неолита и бронзового века Западного Забайкалья	21
1.1. Дореволюционный период: начало изучения памятников неолита – бронзового века в Западном Забайкалье (конец XIX в. – начало XX в.)	21
1.2. Советский этап изучения памятников неолита – развитого бронзового века Западного Забайкалья: начало 20-х гг. XX в. – конец 80-х гг. XX в.:	27
1.2.1. Начало 20-х гг. XX в. – конец 30-х гг. XX в.	27
1.2.2. Вторая половина 40-х гг. XX в. – конец 80-х гг. XX в.	34
1.3. Современное состояние изученности неолита – развитого бронзового века Западного Забайкалья (начало 90-х гг. XX в. - начало XXI в.)	43
Глава 2. Новые комплексы неолита – развитого бронзового века Западного Забайкалья	54
2.1. Красная Горка	54
2.2. Ярцы Байкальские	61
2.3. Муханские Озера I	85
Глава 3. Культурно-хронологическая характеристика неолита – бронзового века Западного Забайкалья в контексте культур Востока, Юго-Востока Азии и сопредельных территорий	105
3.1. Начальный неолит	105
3.2. Ранний неолит	127

3.3. Развитый неолит	142
3.4. Поздний неолит	151
3.5. Развитый бронзовый век	156
Заключение	168
Список литературы	180
Список сокращений	208
Приложения	210

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы определена накоплением новых материалов и данных, вызвавших необходимость уточнения и пересмотра устоявшихся взглядов на неолит и бронзовый век Западного Забайкалья.

Неолит традиционно было принято связывать с так называемой «неолитической революцией», включавшей в себя возникновение гончарства и производящего хозяйства. Однако для Севера Азии справедливо предложено отсчет эпохи неолита вести с появления керамики. Такой подход обосновывается тем, что переход к производящим формам хозяйства происходил на этих территориях позже, чем в других частях света, в силу особенностей природных условий [Ошибкина, 1996].

Начало неолита в Азии связывают с появлением керамической посуды еще в плейстоцене. Древнейшие керамические комплексы позднеплейстоценового возраста известны и активно исследуются на Дальнем Востоке России, в Японии, в Корее, в Китае [Деревянко, Медведев, 1993; Васильевский, Крупянко, Табаров, 1997; Джалл и др., 2001; Лапшина, 2000; Жущиховская, 2004; Kuzmin, Keally, 2001; Kuzmin, 2006; Kuzmin, Vetrov, 2007; Boaretto et al., 2009; Sato, Izuho, Morisaki, 2011; Шевкомуд, Яншина, 2012; Wu et al., 2012; Hommel, 2012; Медведев, Филатова, 2014; Jordan et al., 2016; Деревянко и др., 2017; Kunikita et al., 2017; Li et al., 2017; Sato, Natsuki, 2017; Lee et al., 2019; Yue et al., 2020; Жущиховская, Мыльникова, 2020]. В большинстве из этих регионов степень их изученности неодинакова, а число их все еще немногочисленно. По этой причине выявление и изучение новых местонахождений с керамикой позднеплейстоценового - раннеголоценового возраста актуально.

Факт позднеплейстоценового возраста комплексов с ранней керамической посудой в Забайкалье, ранее известный только для усть-каренгских стоянок [Ветров, 1985, 2012; Кузьмин и др., 2000; Джалл и др., 2001; Kuzmin, Orlova, 2000], получил подтверждение в новых исследованиях Студеного 1 и Усть-Мензы 1 [Разгильдеева, Решетова, Попов, 2008;

Разгильдеева, Куникита, Яншина, 2013]. Правда, ранние датировки слоев с ранней керамикой Студеного 1 и Усть-Мензы 1 оспариваются М. В. Константиновым, который склонен относить их к атлантическому периоду [2016].

Исследования усть-каренгской культуры и новых комплексов с древнейшей керамикой актуализируют необходимость внесения дополнений в историко-культурную схему неолита Западного Забайкалья.

Существующая культурно-периодизационная характеристика неолита – энеолита Западного Забайкалья была предложена еще в конце 70-х гг. XX в. Л. Г. Ивашиной [1979] и опиралась она на прибайкальскую периодизацию А. П. Окладникова [1970]. Однако, и сама схема А. П. Окладникова претерпела к 80-м гг. XX в. поправки, когда были получены и введены в научных оборот радиоуглеродные даты [Конопацкий, 1982; Мамонова, Сулержицкий, 1989]. Позже на проблемы в периодизациях неолита – бронзового века Байкальского региона указывал Ю. С. Гришин [2000]. Для раннего бронзового века обширных территорий от Байкала до пустыни Гоби, включая и Западное Забайкалье, А. Д. Цыбиктаровым была предложена отдельная культурно-периодизационная схема [2006]. Однако, новые данные, в том числе новые материалы и абсолютные даты по неолиту - бронзовому веку Западного Забайкалья, дополняют или пришли в противоречие с существующими периодизациями Л. Г. Ивашиной и А. Д. Цыбиктарова. Соответственно, актуален пересмотр некоторых положений этих периодизаций. Выбор хронологических рамок работы обусловлен как раз тем, что не всегда исследователями правильно датировались те или иные материалы. В ряде случаев ранненеолитические материалы относили к эпохе ранней бронзы или смешанные комплексы неолита-бронзового века характеризовались как однородные [Ивашина, 1979, 1983; Цыбиктаров, 2006].

В периодизационной схеме Л. Г. Ивашиной выделены следующие этапы: мухинский раннего неолита; нижнеберезовский средненеолитический; бухусанский поздненеолитический; фофановский этап энеолита.

Мухинский ранненеолитический этап (конец V – IV тыс. до н.э.) был выделен на материалах стоянки Мухино. Характеризовался он нуклеусами-скребками (клиновидными), скреблами, чопперами, даурскими остриями, костяными гарпунами, сетчатой или шнуровой керамикой. Вопросы хронологии Мухинской стоянки все ещё остаются нерешенными, а основные характеристики мухинского ранненеолитического этапа не нашли подтверждения в материалах последних раскопок [Ярославцева, 1993, 1996].

Нижнеберезовский средненеолитический этап (III тыс. до н. э.) был выделен на основе материалов нижних слоев Нижне-Березовской и Посольской стоянок. Позднее исследованиями читинских археологов установлена многослойность Посольского поселения, выделено 11 культурных слоев [Константинов, Базарова, Семина, 1995]. Анализ керамических материалов Посольска (коллекции 1964 г.) также показал их неоднородность и принадлежность к разным хронологическим этапам неолита – бронзового века [Цыденова, Хамзина, 2006]. Вместе с тем, с выделением этого этапа можно согласиться, но при условии уточнения его характеристик.

Бухусанский поздненеолитический этап (конец III – начало II тыс. до н.э.) был обоснован на материалах I группы могильника Фофаново и ранних погребений могильника Бухусан, и соотнесен с китойским поздненеолитическим этапом периодизации А. П. Окладникова [Окладников, 1970; Ивашина, 1979]. В то время как, М. М. Герасимов отнес I группу погребений могильника Фофаново к раннему неолиту [Герасимов, 1955], что позднее было подтверждено радиоуглеродными датами. Ранние могилы Фофаново датированы 7,5-7 тыс. л.н., погребения №20 и №21 Бухусанского некрополя были определены в пределах 6,6-6,4 тыс. л.н., а для погребений №6 и №13 получены даты в диапазоне 4,7-4,5 тыс. л.н. [Мамонова, Сулержицкий, 1989]. Соответственно, возникла необходимость пересмотра этого этапа.

К фофановскому энеолитическому этапу (II тыс. до н. э.) была отнесена II группа погребений Фофаново (глазковских) и стоянка Харга I, что

обосновывалось сходством керамических материалов и наличием медно-бронзовых изделий. Характеристики этого этапа должны быть пересмотрены, так как новые абсолютные даты по Харге I и анализ материалов выявили неоднородность комплекса. Кроме того, для изучаемой территории выделены северо-байкальская и хэнтэйская культуры раннего бронзового века [Цыбиктаров, 2006; Емельянова, Харинский, 2008; Харинский, Емельянова, Рыков, 2009].

В раннем бронзовом веке предполагается появление производящего хозяйства в Западном Забайкалье. Онованием для таких выводов послужили материалы Нижне-Березовского поселения, стоянки Харга I [Ивашина, 1983, 1996; Цыбиктаров, 2006]. Однако имеющиеся и накопленные на сегодня данные, в том числе, приводящиеся в данной работе не опубликованные абсолютные даты, обуславливают необходимость критического анализа идей о существовании в Забайкалье раннего скотоводства в конце неолита – раннем бронзовом веке.

В целом, пересмотр и систематизация всех имеющихся на сегодня данных по неолиту – развитому бронзовому веку Западного Забайкалья позволят реконструировать процессы культурогенеза для этого периода в более широком кросс-региональном контексте. Такая необходимость отражена, в том числе, в трудах по неолиту и бронзовому веку сопредельных историко-культурных областей Прибайкалья, Восточного Забайкалья, Якутии, Дальнего Востока, Монголии и Северного Китая, где корреляции с синхронными материалами Западного Забайкалья часто занимают немаловажное место [Ларичев, 1959; Дорж, 1971; Окладников, Кириллов, 1980; Гришин, 1981; Савельев, 1989; Константинов, 1994; Алексеев, 1996; Вебер, Линк, 2001; Вебер и др., 2004; Базалийский и др., 2006; Nag site. Report..., 2010; Горюнова и др., 2012; Onuki, 2014; Горюнова, 2015; Идэрхангай и др., 2016; Константинов, Екимова, Верещагин, 2016; Goryunova, Novikov, Weber, 2020].

Объектом исследования выступает неолит - бронзовый век Западного Забайкалья, **предметом исследования** являются - поселенческие комплексы неолита и бронзового века Красная Горка, Ярцы Байкальские, Муханские Озера I.

Целью исследования является динамика культурогенеза и хронология эпохи неолита и бронзового века Западного Забайкалья.

В рамках данной цели поставлены следующие **задачи**:

- анализ литературных данных по комплексам неолита – бронзового века Западного Забайкалья;
- характеристика комплексов неолита – бронзового века Красной Горки, Ярцов Байкальских, Муханских Озер I. Техничко-типологический анализ коллекций каменных артефактов памятников, морфо - типологический и технологический анализ керамических материалов этих комплексов;
- определение места новых материалов и уточнение локальной культурно-хронологической схемы для неолита – бронзового века Западного Забайкалья;
- сравнительный анализ комплексов неолита – бронзового века с одновременными комплексами сопредельных территорий, а также севера и востока Азии.

Территориальные рамки исследования определяются границами Западного Забайкалья – среднегорной области к востоку от оз. Байкал. Границей, разделяющей его от Восточного Забайкалья, является Яблоневоый хребет, а от Предбайкалья – оз. Байкал. С юга и юго-востока границами являются Хэнтэй-Даурское поднятие (основная его часть располагается на территории Монголии), а с юго-западной стороны хребты Восточно-Саянских гор. К северу расположено Байкало-Патомское нагорье. А северо-восточные границы проходят по еще одному крупному орографическому элементу - Витимскому плоскогорью. Южная граница с Юго-Западным Забайкальем проходит по отрогам Малханского хребта.

Хронологические рамки определены временем существования рассматриваемых в работе комплексов неолита – бронзового века в диапазоне

12 тыс. л.н. ~ 3,0 тыс. л.н., что соответствует позднему плейстоцену – среднему голоцену геологической периодизации [Gibbard, 2015]. В работе приводятся некалиброванные и калиброванные даты.

Краткая характеристика природно-климатических условий финала плейстоцена и голоцена Западного Забайкалья. Поздний плейстоцен соотносится по региональной шкале геологической периодизации с сартанской стадией (24-10,8 тыс. л.н.). Период сартана соответствует MIS 2, а голоцен MIS 1 по международной шкале [Воробьева, Медведев, 1984; Воробьева и др., 2011]. Границей плейстоцена и голоцена в калиброванных значениях считается 11,7 тыс. л.н., в некалиброванных 10 тыс. л.н., что соответствует новейшим данным и глобальной геологической периодизации [Gibbard, 2015].

По данным спорово-пыльцевых анализов отложений болот, малых озер предгорных равнин по разным побережьям оз. Байкал и донных осадков южной и средней котловины самого озера период около 18-16 тыс. л.н. был влажный и не экстремально холодный, что сопровождалось распространением древесно-кустарниковой растительности. Условия среды в период между 16-14,5 тыс. л.н. ухудшаются и становятся неблагоприятными для древесной растительности. Около 14,5—12,5 тыс. кал. л.н. климат становится более влажным и мягким и этот период соответствует европейскому интерстадиалу Аллеред (Allerød). Наиболее теплые спектры показывают отложения, датирующиеся 13,5 тыс. кал. л.н., когда произрастали лиственные деревья. С глобальным ухудшением климата в период 12,5-11,7 тыс. кал. л.н. сопоставим процесс отступления лесов и доминирования ксерофитных трав. Эти спектры указывают на холодный, но в тоже время влажный климат в молодом дриасе [Bezrukova, 2012; Решетова, Безрукова, 2016]. Время атлантического оптимума определяется в 10,5-6 тыс. кал. л.н. и характеризуется увлажнением и потеплением климата, что отражается в пыльцевых записях увеличением площадей темнохвойных пород. Значительных изменений климата до позднего голоцена, судя по всему, не

происходило и только около 2,8-2,7 тыс. л.н. наблюдается снижение числа темнохвойных и увеличение тундровых ассоциаций, что говорит о более низких температурах зимнего времени [Безрукова и др., 2011]. Отмечается, что хоть такая перестройка климата и менее значительная, но соответствует глобальному ухудшению климата.

Источниковая база. В работе использованы источники, которые можно разделить на следующие группы:

- Главную источниковую основу диссертации составили материалы поселенческих комплексов неолита и бронзового века – Красная Горка (1603 экз. и 21 экз. фрагментов костей), Ярцы Байкальские (1956 экз. и 21 экз. костных остатков), Муханские Озера I (2114 экз. и 823 экз. фрагментов костей). Общее количество находок 6538 экз. Сюда же относятся абсолютные даты, полученные для этих комплексов.

- Важными источниками, в том числе для сравнительного анализа, с согласия авторов раскопок, стали коллекции поселенческих комплексов Посольск (раскопки Е. А. Хамзиной, 1964 гг.), Харга I, Кулькисон (раскопки Л. Г. Ивашиной, 1978-79, 1981 гг.), а также новые радиоуглеродные даты. По этим коллекциям имеются краткие изложения материалов или публикации предварительного характера, подробных работ практически нет [Ивашина, 1979, 1983; Ивашина, 1983; Цыденова, Хамзина, 2006]. В силу разных причин эти коллекции представляют собой смешанные комплексы и требуют другого подхода к изучению, как например, применения метода прямого датирования керамики. По этой причине они не были включены в работу в качестве основных источников работы, как и небольшие коллекции подъемных сборов из разных районов Западного Забайкалья. Однако все вышеуказанное не умаляет их значения для общего понимания периода неолита – бронзового века в регионе.

- В источниковую базу работы, в качестве коррелятивного материала, включены коллекции и абсолютные даты по неолиту-бронзовому веку востока

Монголии, полученные автором в результате совместных экспедиционных работ с монгольскими коллегами.

- Другой источниковой основой для коррелятивных построений и общих выводов выступили литературные и архивные источники по синхронным материалам Западного Забайкалья и сопредельных территорий Предбайкалья, Юго-Западного и Восточного Забайкалья, а также Приамурья и Приморья, Монголии, Китая, Кореи, Японии, изданные на русском, монгольском, английском, японском, китайском языках. Некоторые из опубликованных материалов лично изучались автором во время стажировок и командировок в Монголию, Японию, Китай.

Методика исследования. В работе использованы такие общенаучные методы и приемы, как описание, обобщение, классификация, аналогия, корреляции. Также применялись частнонаучные методы археологии: технико-типологический анализ артефактов из камня; морфо-типологический анализ керамики.

Традиционно исследователи неолита, главным образом, изучают керамические комплексы и их основным методическим орудием являются методы изучения керамики. Однако специфика неолита Забайкалья заключается в том, что древнейшая керамика появилась в комплексах с наборами каменных изделий, имеющих позднепалеолитический облик. Отсюда возникает необходимость применения методов изучения каменных артефактов, используемых преимущественно для анализа палеолитических коллекций. Прежде всего, это касается реконструкции первичного расщепления. Методической основой изучения изделий из камня послужил технико-типологический анализ. При изучении керамики использовались методы морфо-типологического анализа, основанные на характеристике форм сосудов, способов их декорирования и орнаментации, а также методы визуального изучения технологических приемов изготовления, восстанавливаемых по толщине стенок, спаям лент, приемам формовки и т.д. Хронологическое определение комплексов выполнено как методами

относительного датирования – стратиграфическим, методом аналогий и корреляций, так и методами абсолютного датирования по углю, костным остаткам, пищевому нагару на сосудах. Использовались также результаты палинологических и палеонтологических определений.

Методы анализа каменных артефактов

Технико-типологический метод. Основным методом исследования при описании коллекций каменных артефактов выступил технико-типологический метод.

Технология первичного расщепления может быть реконструирована различными методами. Наряду с ремонтажом или аппликативным методом исследователями используется технико-типологический метод [Аксенов, 1981; Гиря, 1991; Нехорошев, 1993, 1999], заключающийся в реконструкции процесса расщепления на основе изучения морфологии и типологии всей совокупности заготовок (преформ), нуклеусов, технических сколов и других продуктов дебитаж. В представляемой работе использован технико-типологический метод. Особое внимание обращалось на отдельные характеристики заготовок, нуклеусов и сколов, которые могут свидетельствовать о тех или иных приемах, как например, степень выпуклости поверхности скалывания, редукция ударной площадки или «перебор» карниза и т.д. [Нехорошев, 1993, 1999].

Для определения типов нуклеусов представляется важным понятие «принцип расщепления», обоснованный П. Е. Нехорошевым [1993]. По его мнению, определения нуклеусов напрямую связаны с расположением плоскости/плоскостей расщепления, т.е. принципом расщепления. Принимая его доводы, применительно к типам нуклеусов, распространенных в эпоху неолита – палеометалла, в рамках данной работы используем следующие определения: торцовые, клиновидные, призматические и микропризматические одно- и двухплощадочные. В описания микропризматических нуклеусов включаем также такие устоявшиеся и традиционно принятые в археологии определения, как конические,

карандашевидные, бочонковидные нуклеусы [Кирюшин, Нохрина, Петрин, 1993; Деревянко, Маркин, Васильев, 1994].

Отдельные признаки нуклеусов определялись на основании понятий «киль» (приостренное основание) и «гребень» (противоположный рабочему торцу край) [Медведев, 1981; Деревянко, Маркин, Васильев, 1994].

Технико-типологический подход строится на анализе не только пренуклеусов и нуклеусов, но и технических сколов оформления нуклеусов, подживления их ударных площадок, таких как реберчатые и лыжевидные сколы, сколы подработки ударных площадок (в т.ч. так называемые сколы - «таблетки»). Отметим, что применительно к сколам с ребром, встречающимся в коллекциях, используем понятия реберчатые пластинчатые сколы. Это определение является общераспространенным для пластинчатых снятий, снимавших гребень и оформлявших фронт скалывания нуклеуса, а также используется для сколов, с помощью которых создавалась ударная площадка на ребре бифаса и предшествовавших снятию лыжевидных сколов ее подживления [Деревянко, Маркин, Васильев, 1994].

Типологические определения проводились на основе разработок по описанию и типологическому анализу коллекций каменных артефактов [Медведев, Михнюк, Лежненко, 1974; Медведев, 1981; Деревянко, Маркин, Васильев, 1994]. Также применялась типология каменного инвентаря для неолитических коллекций, разработанная Ю. Ф. Кирюшиным, Т. И. Нохриной и В. Т. Петриным [1993]. Деление на типы выражалось в группировке анализируемых артефактов с разбивкой по отдельным морфо-типологическим параметрам (тип, форма, метрические данные, вторичная обработка и др.). Все исследуемые каменные артефакты были разделены на типологические группы: заготовки-преформы, нуклеусы, технические сколы, формальные орудия (скребки, ножевидные изделия, пластинки-вкладыши, резцы, скобели и т.д.) и неформальные, а также сколы без следов работы.

Приемы вторичной обработки рассматривались следующие: ретушь; резцовый скол; шлифование; подтеска; оббивка; анкоши; пикетаж; абразив.

Методические разработки по приемам ретуширования, а точнее форме, способам нанесения, углу рабочего края и локализации ретуши использовались при описании ряда типов орудий – проколов, скребков, резцов, пластинчатых изделий с ретушью [Кирюшин, Нохрина, Петрин, 1993; Деревянко, Маркин, Васильев, 1994; Бородовский, Глушков, Матющенко, 2005; Колобова, 2006].

При типологической классификации скребков учитывались также следующие признаки: метрические характеристики, заготовка, характер и локализация ретуши и др. [Кирюшин, Нохрина, Петрин, 1993]. Выделялись скребки концевые, боковые, комбинированные и т.д. [Медведев, Савельев, Лежненко, 1981].

Наконечники стрел группировались по способам ретуширования, формам и размерам пера, форме и обработке насада, а также типу скола-заготовки (пластинка, отщеп) [Медведев, 1981].

По локализации резцовых сколов [Медведев, Савельев, Лежненко, 1981] выделены резцовые инструменты следующих типов: угловые, трансверсальные, срединные и боковые.

Методы анализа керамики

Существующие методы изучения керамики в основном направлены на выявление культурно-значимой и дифференцирующей информации, потенциально заключенной в керамике [Shepard, 1954; Бобринский, 1978].

Морфо-типологические методы изучения керамики. Морфо-типологические методы на сегодняшний день хорошо разработаны и предполагают анализ по двум основным классификационным схемам: 1) классификация по морфологии; 2) классификация по орнаменту [Глушков, 1996].

Первичная систематизация керамики производилась на основании анализа морфологических характеристик фрагментов (венчик, тулово, дно). Форма сосудов в силу различной степени археологизации керамики не всегда поддается восстановлению и далеко не каждый сосуд может быть склеен

полностью. Тем не менее, морфологический анализ может быть проведен на основании отдельных сохранившихся частей. Так, на основании анализа формы венчиков и донцев сосудов относился нами к той или иной номенклатурной группе (простой, закрытый, профилированный и т.д.), разработанных Н. А. Савельевым и О. И. Горюновой [Горюнова, Савельев, 1981].

Следующим шагом в изучении керамики является классификация по орнаменту. Орнамент может быть нанесен краской или выполнен рельефообразующими способами. Рельфообразующие способы, в свою очередь, делятся на негативные (отпечатки с помощью штампов, прочерчивания, протаскивания орнамента и т.д.) и позитивные (налеп, аппликация). Неолитическая керамика Байкальского региона декорировалась исключительно в технике рельефного орнаментирования и преимущественно негативными отпечатками различных штампов.

Для описания и типологического анализа негативно-рельефного орнамента и его элементов существуют разные методики. Так, например, И. Г. Глушковым предложена классификация орнамента по технике, по способам и приемам орнаментации и т.д. Классификация по технике «предполагает определение и систематизацию отпечатков по орудиям, которыми они были нанесены» [Глушков, 1996, с. 65]. В классификации по приемам орнаментации, основанной на принципе механического движения орнамента относительно поверхности сосуда, выделяются: 1) штампование (отступление, шагание, прокатывание и т.д.); 2) прочерчивание (протягивание, протаскивание); 5) наложение; 6) накалывание; 7) вырезание и т.д. На анализируемых образцах выявлено использование следующих орнаментов-штампов: лопатка-стек (отступление, протаскивание); гребенчатый штамп (шагание, отступление); пунктирный валик (прокатывание). Ими создавались отдельные элементы орнамента, из сложения и разного сочетания которых образуются орнаментальные композиции. В основе классификаций по орнаменту, в большинстве случаев,

лежит выделение типологических рядов с повторяющимися орнаментальными композициями.

Понятия орнамента и декора исследователями предложено разграничивать, поскольку декор может иметь функцию собственно декорирования (ангоб, глазурь и т.д.), а также иметь техническую (технологическую) обусловленность. Для второго предложено понятие «технический» декор [Горюнова, Савельев, 1981]. Примерами и основаниями для выделения понятия технического декора являются сетчатые и шнуровые отпечатки.

Устойчивые сочетания орнаментальных композиций, декора и формы могут нести культурно-дифференцирующую нагрузку и на их основе могут быть выделены типы керамики. Так, на материалах неолита и раннего бронзового века Предбайкалья и отчасти Западного Забайкалья выработаны типологические определения керамики, относящейся к разным стратиграфическим, хронологическим и культурным контекстам [Савельев, 1986; Бердникова, 1986; Номоконова, Горюнова, 2004; Абдулов, Пилипчук, 1982; Емельянова, Харинский, 2008; Ветров, 2011; Базалийский, 2012; Новиков, Горюнова, 2015]. Помимо понятия «тип» рядом иркутских исследователей вводится таксономически более высокого ранга понятие «пласт» [Савельев, 1986; Бердникова, 1986; Ветров, 2011].

В данной работе использовались типологические разработки иркутских археологов, обобщенные Н. А. Савельевым, которым по поселенческим материалам для Предбайкалья построена следующая схема хронологии керамических типов и пластов [Савельев, 1989]: а) «сетчатый» пласт (7000-5000 л.н.); б) хайтинский «шнуровой» пласт (6800-5000 л.н.); в) «казачинский» пласт (6000-5200 л.н.); г) посольский пласт (4880 л.н.); д) «пунктирно-гребенчатый» пласт (древнее 4500 л.н.); е) усть-бельский пласт (4080 л.н., 4150 л.н.).

Технология изготовления керамики. Значение метода реконструкции технологии изготовления керамики для получения культурно-значимой

информации признано и подтверждено различными авторами на материалах из разных регионов [Бобринский, 1978; Глушков, 1996; Жущиховская, Залищак, 1990; Мыльникова, 1999; Мыльникова, 2007; Цетлин, Рыкунов, 2012]. Технологические признаки морфо-типологически сходных керамических групп могут быть дополнительным подтверждением культурной однородности или же, наоборот, показателем изменчивости, возможно, под инокультурным влиянием.

Так, Бобринским А. А. предложен историко-культурный подход к изучению археологической керамики. Она предполагает поэтапное выполнение технико-технологического анализа керамики из 13 последовательных ступеней, позволяющих реконструировать те последовательные задачи, которые решают гончары. Десять из них характерны как для технологических цепочек производства древних сосудов, так и современных, а остальные необязательные и могут дополнять их. В свою очередь все эти задачи включены в три основные стадии производства: подготовительную, созидательную и закрепительную [Бобринский, 1978]. Большинство специалистов схема, предложенная А. А. Бобринским, используется, как и сам историко-культурный подход [Мыльникова, 2007; Медведев, Цетлин, 2013].

Технологию керамического производства И. Г. Глушковым предлагалось изучать примерно в рамках тех же параметров. По его мнению, она включает в себя следующие основные этапы: 1) подбор сырья и приготовление формовочной массы; 2) формовка сосудов; 3) обработка поверхности; 4) обжиг [Глушков, 1996]. Методы реконструкции этих технологических цепочек изготовления керамических сосудов условно им разделены на два основных направления: визуального изучения и изучения естественнонаучными методами [Глушков, 1996].

Для выявления технологических приемов изготовления сосуда в рамках представляемой работы изучались визуально. Проведенная нами работа по реконструкции технологии изготовления керамических сосудов

основывавалась на методиках, отработанных на значительных сериях экспериментальных реплик и предложенных А. А. Бобринским [1978], И. Г. Глушковым [1996], а также широко используемые исследователями [Жущиховская, 2011; Разгильдеева, Куникита, Яншина, 2013; Шевкомуд, Яншина, 2013]. Сосуды и их фрагменты группировались по толщине, техническому декору, составу включений в тесте, по следам спаев на изломах, цветности и т.д. По апплицирующимся фрагментам или фрагментам, сохранившим следы соединения и лепки, реконструировались программы формовки полого тела сосуда и оформления днища.

По толщине сосуды были поделены на тонкостенные – 0,2-0,6 см, стенками средней толщины – 0,7-0,8 см, толстостенные – от 0,9 см [Яншина, 2004]. По размерным характеристикам фрагменты сосудов для удобства описания подразделены на: крупные – > 4 см; средние – от 2 до 4 см; мелкие – < 2 см; керамическую крошку – < 1 см.

Понятия орнамента и декора исследователями предложено разграничивать, поскольку декор может иметь функцию собственно декорирования (ангоб, глазурь и т.д.), а также иметь техническую (технологическую) обусловленность. Для второго вводится понятие «технический» декор [Горюнова, Савельев, 1981]. Примерами и основаниями для выделения понятия технического декора являются сетчатые и шнуровые отпечатки.

Для объяснения некоторых особенностей керамических изделий привлекались результаты экспериментов, полученных и опубликованных другими исследователями, а также собственный небольшой экспериментальный опыт.

В работе использованы методы статистического анализа, позволившие дополнительно аргументировать преемственность между комплексами начального неолита Красной Горки и раннего неолита Ярцов Байкальских.

Научная новизна. Для неолита и бронзового века Западного Забайкалья получены новые материалы и данные: новые коллекции, абсолютные даты,

спорово-пыльцевые записи и т.д. Сопоставление этих новых данных с ранее известными позволило дополнить, а в ряде случаев значительно скорректировать и обобщить существующие культурно-хронологические схемы неолита – развитого бронзового века Западного Забайкалья.

Защищаемые положения:

- Новые данные подтверждают позднеплейстоценовый возраст начального неолита в Забайкалье.
- Ранний неолит на данной территории имеет местное происхождение, он берет начало в традициях начального неолита.
- На протяжении раннего, развитого и позднего неолита на исследуемой территории доминируют гончарные традиции шнуровой керамики хайтинского и посольского типов, что свидетельствует о единстве культурных традиций населения.
- В позднем неолите на восточное побережье озера Байкал проникла усть-бельская керамическая традиция, которая смешалась с местной традицией шнуровой керамики.
- В период развитого бронзового века южное, восточное и северное побережья озера Байкал населяли носители позднеглазковской культуры и северо-байкальской культуры.
- На юге, юго-востоке региона и на восточном берегу озера Байкал в финале развитого неолита была распространена хэнтэйская культура, верхняя хронологическая граница которой не моложе 2,8 тыс. л.н.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования изложены в 74 публикациях – в коллективной монографии «История Бурятии», тезисах, материалах конференций, статьях на русском и иностранных языках, в том числе в изданиях, рекомендованных ВАК и индексируемых в базе цитирования Web of Science (7 статей). Результаты исследований были представлены в виде докладов на научных сессиях ИМБТ СО РАН (2009-2018), а также региональных, российских и международных конференциях в Улан-Удэ (2000-2018), Чите (2003, 2014), Иркутске (2005,

2011, 2012), Новосибирске (2006), Санкт-Петербурге (2007, 2021), Кызыле (2014), Красноярске (2016), Ханое (2009), Улан-Баторе (2010, 2014, 2016, 2017), Токио (2011, 2015), Нагое (2015), Хух-Хото (2015), Чаньчуне (2017), Далайноре (2018), Дублине (2019), Пекине (2019).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы, списка сокращений и приложений, состоящих из иллюстраций, таблиц и диаграмм.

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть полезны при написании монографических работ, а также составлении спецкурсов и учебных пособий для студентов ВУЗов по археологии Забайкалья и сопредельных территорий. Материалы использовались при создании тематических музейных экспозиций и выставок, а также при обновлении археологической экспозиции Музея БНЦ СО РАН.

ГЛАВА 1

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕННОСТИ ПРОБЛЕМ НЕОЛИТА - РАЗВИТОГО БРОНЗОВОГО ВЕКА ЗАПАДНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ

Историю изучения археологических памятников Западного Забайкалья, в том числе, относящихся к неолиту – развитому бронзовому веку (рис. 1), можно условно подразделить на три этапа: дореволюционный этап; советский этап, состоящий из двух периодов; современный этап.

1.1. Дореволюционный период: начало изучения памятников неолита – развитого бронзового века в Западном Забайкалье (конец XIX – начало XX в.)

На данном этапе развития неолитоведения Западного Забайкалья была заложена первая основа для дальнейших исследований. Большое значение для развития археологии Западного Забайкалья имели работы экспедиций ИРГО и его региональных отделений (СОИРГО, ВСОИРГО и ТКОПОИРГО), которые заложили первые основы для дальнейшего изучения неолита – развитого бронзового века Западного Забайкалья. Немаловажное значение имело и создание Краеведческих музеев, поначалу работавших под эгидой ВСОИРГО в г. Иркутске и ТКОПОИРГО в г. Троицкосавск. Организованы они были в основном представителями местной интеллигенции и политическими ссыльными. К этому времени относятся первые сборы археологических материалов и выделение на их основе неолита – бронзового века для Западного Забайкалья.

В самом начале этапа сборов материалов первые находки определялись в широком диапазоне, а именно каменным веком. Начало выделения уже собственно неолита приходится на время зарождения и становления сибирского неолитоведения в целом. Так, в 1880 г. Н. И. Витковским были начаты раскопки могильника в устье р. Китой [Савельев, 1989]. В 1912 г. Б. Э. Петри было открыто и начато исследование первого в Сибири многослойного поселения в бухте Улан-Хада, ставшего и по сей день остающегося

эталонным. Именно при раскопках Улан-Хады Б. Э. Петри разработана методика послойного исследования памятника и тем самым заданы стандарты раскопок подобных объектов. На материалах этих раскопок Б. Э. Петри обосновывает эволюционистский подход к интерпретации исторических процессов [Петри, 1928; Савельев, 1989; Горюнова и др., 2000, 2012].

Одни из первых находок каменного века в Западном Забайкалье описаны И. С. Поляковым, первооткрывателем Костенок. Летом 1867 г. по заданию ВСОИРГО им была предпринята 19-ти дневная поездка из г. Иркутска в Тункинскую долину и далее по Забайкалью. Основными целями экспедиции были этнографические и естественно-научные исследования, но у с. Тунка были собраны и археологические материалы. На песчаных дюнах по берегам речек Ахалик и Тунка он раскопал разрушавшееся погребение монгольского времени, а также собрал разновременные предметы. Каменные артефакты и фрагменты керамики, по наблюдениям исследователя, происходили из залегающей ниже почвенного слоя слоистой толщи аллювия. Хотя в одновременности керамики и камня он сомневался. Самым распространенным типом изделий из камня в собранной коллекции были наконечники стрел, классификацию которых пытался выполнить исследователь. Редкими оказались две находки скульптурных фигурок рыбок из камня. Фрагменты керамики от сосудов с ямками по краю венчика [Поляков, 1869; Константинов, 1994].

Несколькими годами позднее геологом И. Д. Черским в Итанцинской пещере найдены кости косули, кости человека и костяной гребень из рога оленя, которые были отнесены к эпохе палеолита [Константинов, 1994]. В следующем 1881 г. И. Д. Черский пригласил для совместных работ в Забайкалье Н. И. Витковского. Ими были обследованы нижнее течение р. Джиды, долина р. Чикой, окрестности Мухор-Шибири, побережье оз. Байкал от устья р. Селенга до р. Кика, но сведений об археологических изысканиях этой экспедиции не сохранилось [Тюменцев, 1956].

Важнейшие археологические исследования конца XIX–XX в. производились на юге Западного Забайкалья и совершенно не случайно. Именно здесь, в г. Троицкосавск (ныне г. Кяхта), экономическом и культурном центре Западного Забайкалья конца XIX – начала XX вв., сформировался круг интеллигенции, силами которой в 1890 г. был создан Краеведческий музей и в 1894 г. было организовано Троицкосавско-Кяхтинское отделение Приамурского отдела Императорского Русского Географического общества [Кудрявцев, 1930]. Видным деятелем общества и его руководителем был Ю. Д. Талько-Грынцевич, посвятивший жизнь изучению культур древних кочевников [Коновалов, 2012]. В основном он делал упор на раскопки курганов и погребений бронзового века – средневековья, но в 1901 г. им было раскопано неолитическое погребение в местности Тулту-Дабан недалеко от с. Зарубино [Талько-Грынцевич, 1902].

Троицкосавск в конце XIX – начале XX вв. стал отправным пунктом для многих экспедиций, направлявшихся в Монголию и Китай: Н. М. Прежевальского, Г. Н. Потанина, В. А. Обручева, П. К. Козлова и др. [Цыденова, Батоцыренов, Тулохонов, 2019]. Здесь побывали многие известные люди того времени. Одним из них был В. В. Птицын, опубликовавший очерки об исследованиях древностей края по результатам экспедиции по р. Селенге. Им и его помощниками «учителем Усть-Кяхтинской народной школы А. П. Мостицем, а также местными обывателями Е. С. Самариным и Усть-Кяхтинским старшиной» собраны глиняные черепки, каменные артефакты в устье р. Сава и вокруг с. Усть-Кяхта, а также обнаружены погребение возле с. Зарубино, стоянка в урочище Удунга, стоянка у с. Тарбагатай [Птицын, 1890]. Не будучи ученым и признавая это, В. В. Птицын не делает каких-либо выводов о принадлежности находок к тому или иному периоду или культуре, но высказывает сомнения на счет сосуществования древнего человека и мамонта на территории Забайкалья.

Мостицем А. П., учеником И. Т. Савенкова, заинтересовавшимся археологией еще во время учебы в Красноярской учительской семинарии,

проводились и собственные целенаправленные археологические исследования по выявлению и изучению стоянок и поселений каменного века. Им были обследованы окрестности с. Усть-Кяхта, где он на тот момент работал учителем. В итоге были собраны коллекции каменного века вокруг с. Усть-Кяхта, открыты стоянки Ивашка, Харанхой, Дюрбены, Зарубино, собраны материалы в пади Липовской, по рр. Сава и Сужа. Все это нашло отражение в его первом научном труде [Мостиц, 1894]. Его доклад о результатах этих исследований на собрании отделения получил высокую оценку [Протокол обыкновенного общего собрания ТКОПОИРГО, 1984]. В собранной А.П. Мостицем коллекции были представлены каменные предметы: наконечники стрел, скребки, нуклеусы и сколы «из черного речного камня». Керамика представлена фрагментами толсто и тонкостенных сосудов с орнаментов в виде прочерченных линий (прямых и волнообразных), с отпечатками штампа лопаточки, насечками (прим. автора - по всей видимости, это были фрагменты разновременных сосудов). Описываются медные наконечники и ножи, котел «скифского» типа. Из украшений – сердоликовая бусина [Мостиц, 1894]. Позже, когда он был принят в Троицкосавско-Кяхтинское отделение, им были организованы разведочные работы по рр. Селенга и Чикой. В 1895 г. он осуществил сплав по р. Селенге от с. Наушки до г. Верхнеудинска (ныне г. Улан-Удэ). Основной задачей экспедиции было выявление новых стоянок и поселений каменного века. В ходе этих работ участниками экспедиции были собраны подъемные материалы на песчаных выдувах под Байцинским мысом, на выдувах и в оврагах возле Билютайской паровой пристани, а также были выявлены стоянки в местности Ехэ-Хундуй, в местности Хара-Хабсагай, у с. Номоконово, у с. Селенгинск (Старый Селенгинск) и с. Мокрово. Материал был собран разновременный и многочисленный. Каменные наконечники стрел, скребки, ножи, нуклеусы были отнесены исследователем к каменному веку. На некоторых из стоянок были собраны фрагменты керамики, часть из которых А. П. Мостиц определил, как древние без более подробного анализа и классификации [Мостиц, 1896]. По результатам сплава была составлена

карта всех известных археологических местонахождений, включая не только стоянки, но и и могильники разных эпох [Лбова, Хамзина, 1999]. Летом следующего 1986 г. исследователем была предпринята археологическая разведка по р. Чикой от с. Кудара до с. Поворот. В ходе работ были открыты стоянки у д. Береговой, с. Мыльниково и с. Поворот, где собраны «глиняные черепки, каменные ножички и скребки», а также изделия из кости и кости животных, куски железного шлака и др. [Мостиц, 1897]. Однако продолжить свои многообещающие исследования А. П. Мостицу было не суждено, он умер от тифа в 1899 г. [Труды ТКОПОИРГО, 1900, с. 53].

Поиски новых стоянок продолжались его коллегами и единомышленниками по Троицкосавско-Кяхтинскому отделению. Активным деятелем общества П. С. Михно производились сборы археологических материалов по Забайкалью и Северной Монголии, составлена карта распространения археологических памятников в районе озера Гусиное [Лбова, Хамзина, 1999]. Надо отметить, что круг его интересов не ограничивался археологией и был гораздо шире. Им собраны обширные ботанические и зоологические коллекции, пополнившие фонды Троицкосавского музея [Труды ТКОПОИРГО, 1900]. Заслуги П. С. Михно как видного краеведа, внесшего большой вклад в изучение не только древностей Забайкалья, но и биологического разнообразия края, высоко оценивали не только его коллеги [Попов, 1927], вручением медали отметил их и ИРГО [Цыденова, Батоцыренов, Тулохонов, 2019].

Вклад в открытие памятников неолита Западного Забайкалья внесли также сотрудники музея Восточно - Сибирского отделения ИРГО (ныне Иркутский областной краеведческий музей).

В 1900 г. консерватором музея А. М. Станиловским во время поездки с ботаническими целями вокруг оз. Байкал были собраны каменные и керамические материалы на оз. Котокель [Свинин, 1992].

На юго-западе региона, в Торской и Тункинской котловинах, в горной Оке археологическими разведками, проводившимися В. И. Подгорбунским, Н.

И. Витковским и многими другими, были открыты многочисленные дюнные стоянки [Подгорбунский, 1923; Лбова, Хамзина, 1999].

Подгорбунским В. И. летом 1916 г. проводилось археологическое обследование Торской и Тункинской котловин, куда он был командирован Казанским университетом. Все обнаруженные им стоянки Торской котловины расположены по берегам р. Иркут. Три из них по правому берегу: 1. возле с. Тибельти; 2. на правом притоке р. Иркут – р. Тыбыргей; 3. в окрестностях с. Торы. На левом берегу – стоянки на песках Монсык и Тайлаган. Материалы этих стоянок исследователь датировал неолитом – железным веком. К неолиту отнесены три фрагмента керамики с сетчатыми отпечатками, каменные отщеп и наконечник стрелы из нижнего слоя буро-желтого песка (2 слой) стоянки Тибельти, полученные из небольшого шурфа. Находки из вышележащего почвенного слоя отнесены к железному веку. Подъемные материалы с остальных стоянок предположительно датированы эпохой металла. В Тункинской котловине им открыты стоянки: 1. у д. Казачьей за р. Ахалик; 2. возле с. Тунка («от Затунки до озера Курочкино») (прим. - по-видимому, стоянка открыта во второй раз и ранее о ней писал И. С. Поляков); 3. за озером Курочкино; 4. у озера Хал. На левом берегу р. Ахалик возле д. Казачья заложены шурфы по обе стороны дороги. Первый шурф выявил два уровня залегания материала: в почвенном слое – фрагменты тостостенных и плоскодонных сосудов; в слое буро-желтого песка – нуклеус, две пластины, хрупкие фрагменты тонкостенных сосудов - со шнуровыми оттисками, фрагмент с «ямочным орнаментом», фрагменты с «зубчато-елочным орнаментом». Второй и третий шурфы с левой стороны дороги, ведущей в д. Казачья, выявили также два уровня залегания материалов: в верхней уровне, в почвенных слоях и прослоях, найдены фрагменты пластин панциря, железные предметы, фрагменты котла, фрагменты керамики с налепным орнаментом; в слое желто-бурого песка найдены «кремневые орудия и черепки хрупкие, красные в разрезе, покрытые рябчатым (плетенкой) и ямочным орнаментом». На стоянках у с. Тунка и озера Хал был собран разновременный подъемный

материал – железные предметы, фрагменты керамики неолита и железного века. На стоянке у озера Курочкино были заложены два шурфа. В первом в нижнем почвенном слое были найдены материалы железного века. В слое буро-желтого песка найдена заготовка наконечника треугольной формы. В разрезе 2 в слое песка, залегающем над первым почвенным слоем найдены три массивных фрагмента слегка отогнутого наружу венчика сосуда с «угловым линейным орнаментом». В буро-желтом песке – кремневый нуклеус [Подгорбунский, 1923]. Эти исследования В. И. Подгорбунского, вероятно, являются первыми раскопками в истории изучения неолита Западного Забайкалья, пусть и небольших площадей, но с наблюдениями стратиграфических позиций материалов.

Для данного этапа характерно выделение собственно комплексов неолита и бронзового века, сбор и накопление первых материалов данного периода.

1.2. Советский этап: начало 20-х – конец 80-х гг. XX в.

К началу этапа относятся первые попытки осмысления и обобщения всех накопленных по всему Байкальскому региону материалов. С конца 20-х годов XX в. начали проводиться первые раскопочные работы на памятниках неолита и бронзового века Западного Забайкалья. С 50-х годов работы ведутся в том числе и специалистами археологами – кадровыми сотрудниками местных научных учреждений. К концу этапа накопленные и наработанные материалы нашли отражение в обобщающих монографических изданиях.

В целом, для советского периода характерен марксистский подход в интерпретации исторических процессов, где неолит – бронзовый век рассматривались в рамках первобытно-общинного строя [Савельев, 1989].

1.2.1. Начало 20-х – конец 30-х гг. XX в.

Главной «движущей силой» в этот период стали участники прежнего ВСОИРГО, а также сотрудники Краеведческого музея г. Иркутска и вновь созданных после революции и в первые годы советской власти образовательных, научно-краеведческих организаций – Иркутского

госуниверситета, Буручкома, Бурят-Монгольского Научного общества им. Доржи Банзарова. В этот период расширяется география поисков археологических памятников, предприняты первые раскопки памятников неолита и бронзового века - Нижне-Березовского поселения и могильника Фофаново. К этому периоду относятся первые работы по обобщению накопившихся данных.

Работы по поиску и изучению памятников древности в Западном Забайкалье начала XX-го века и первых лет советской власти связаны во многом с именем Б. Э. Петри и его воспитанников – представителей иркутской археологической школы. В археологическом кружке Иргосуна (Иркутского государственного университета) под его руководством сформировалась целая плеяда замечательных ученых: П. П. Хороших, А. П. Окладников, Г. П. Сосновский, М. М. Герасимов, Г. Ф. Дебец и др. Почти каждый из них в той или иной степени внес вклад как в отечественную и мировую археологию в целом, так и в изучение неолита – бронзового века Забайкалья, в частности.

В 1924-1929 гг. Г. Ф. Дебецем по заданию ВСОРГО обследовались долины рр. Уда и Селенга, Чикой и берега оз. Котокель [Дебец, 1925; Дебец, 1928], изучены материалы музеев г. Кяхта и г. Чита. В долине р. Уды собраны материалы у с. Новая и Старая Курба, с. Санномыского, с. Верхние Тальцы, с. Новая Брянь и др. В районе Еравнинских озер собраны артефакты неолитического возраста на оз. Сосновое и возле с. Ширинга. Находки были представлены микронуклеусами, наконечниками стрел, пластинами, фрагментами штриховой керамики с различной орнаментацией [Дебец, 1928].

По итогам этих исследований Г. Ф. Дебецем и на основе материалов Краеведческого музея г. Иркутска, подъемных материалов из окрестностей Иркутска М. П. Овчинникова, П. П. Хороших на Малом море и в Баргузине, А.П. Окладникова на р. Лене, в каменном веке Байкальского региона были выделены три «неолитоидных», по его мнению, культуры:

- Ангаро-байкальская поздне-неолитическая, распространенная на Байкале, по р. Баргузин, в бассейне р. Ангара, Верхней Лене.

Характеризуется топорами с ушками, каменными изображениями рыб, нуклеусами-резцами, керамикой с оттисками стека и сетчатой керамикой.

- Даурская поздне-неолитическая, которая распространена в Юго-Восточном Забайкалье, в северной Монголии и Маньчжурии, по р. Уде и «спорадически» в районе «Селенгинско-Чикойского треугольника». Характеристики: острия с выемками, микроскребки, конические нуклеусы и нуклеусы-скребки, пластины, шлифованные топоры, шнуровая или шриховая керамика яйцевидной формы с оттисками гребенчатого, прямоугольного и треугольного штампов. Встречаются фрагменты с «пунктирными линиями (инструмент - зубчатое колесо)». К этой культуре были отнесены и материалы Сретенского могильника, который, по мнению исследователя, обнаруживает сходство с ангаро-байкальской культурой.
- Селенгинская ранне-неолитическая (?). Характеристики: скребла и одно- двусторонние остроконечники, нуклеусы-скребки, (торцовые клиновидные нуклеусы), отсутствие керамики и наконечников стрел. Керамика отсутствует. Исследователь считал, что эта культура обнаруживает сходство с материалами Верхоленской горы и предположительно должна относиться к концу четвертичного периода [Дебец, 1930].

Впоследствии Г. П. Сосновским было доказано, что материалы селенгинской культуры следует относить к палеолиту [Сосновский, 1928, 1933].

В 1925 г. по заданию ВСОРГО проводились археологические изыскания в долине р. Селенги в нижнем ее течении и по южному и южному побережью озера Байкал И. И. Веселовым [Веселов, 1925]. Согласно подробным рукописным материалам и отчетам, именно в это период им открыто Посольское поселение [Веселов, 1925], а не в 1949 г. А. П. Окладниковым, как принято считать [Окладников, 1975; Ивашина, 1979]. Кроме того, были

открыты разновременные стоянки и средневековые могильники возле сел Ньюки, Кабанск, Колесово, Творогово, Шигаево, Степной Дворец, Брянск, Фофаново. Все эти памятники отмечены на нарисованной им от руки карте [Веселов, 1925]. В 1929 г. И. И. Веселовым было обследовано восточное побережье озера Байкал в районе с. Усть-Баргузин, где на правом берегу р. Баргузин найдены орнаментированные фрагменты керамики, отнесенные к раннему неолиту. Вместе с керамикой на стоянке собраны каменные артефакты и изделия из металлов «неопределенного назначения». К рукописному отчету прилагаются план расположения стоянки и рисунки обнаруженных предметов [Веселов, 1932]. Правда, надо отметить, что по большей части фрагменты керамики, судя по рисункам, должны быть отнесены к бронзовому веку, так как большинство из них представляет собой фрагменты с налепным валиком и фрагменты плоских днищ сосудов.

В 1927 г. А. П. Окладниковым во время его первой самостоятельной экспедиции в низовье р. Селенга был открыт могильник неолита – бронзового века Фофаново, ставший позднее широко известным в науке. А также выявлен ряд стоянок неолита: в с. Кабанск, у с. Ньюки, возле с. Фофаново [Окладников, 1927].

Б. Э. Петри обобщил все материалы собственных исследований, результаты работ своих учеников и опубликовал исторический обзор по древней истории Байкальского региона [Петри, 1922; Петри, 1928]. В этих работах ново-каменный период описывается преимущественно на материалах его собственных раскопок ныне эталонной многослойной стоянки Улан-Хада и экспедиций по Прибайкалью и оз. Хубсугул, с привлечением данных М. П. Овчинникова по стоянкам на р. Ангаре, П. С. Михно по стоянкам у г. Троицкосавск, около г. Читы А. К. Кузнецова и на Верхней Лене – А. П. Окладникова и других материалов. Используются данные погребальных комплексов: Н. И. Витковского по Китойскому могильнику, М. П. Овчинникова и М. М. Герасимова по Глазковскому некрополю [Петри, 1922; Петри, 1928]. В этих трудах он приходит к выводу об общности неолита

Прибайкалья, Забайкалья и монгольского Прихубсугулья, объединяя его в единую Байкальскую культуру. Предполагает, что начало неолита «Бурятского края» совпадает с переходом к современному климату, характеризуется микролитической техникой и вкладышевыми орудиями из кости, изобретением лука и стрел, использованием шлифованных нефритовых топоров и каменных рыбок-приманок, а также тонкостенной керамикой с различной штамповой орнаментацией и декором в виде сетчатых и текстильных отпечатков [Петри, 1928].

К началу 20-х гг. XX в. центром научной жизни в регионе становится г. Верхнеудинск (ныне г. Улан-Удэ), где создаются новые учреждения науки. В 1921 г. был открыт Прибайкальский Областной Музей. После создания Бурят-Монгольской АССР в 1923 г. он был реорганизован в Бурят-Монгольский Краевой Музей (ныне Музей истории Бурятии имени М. Хангалова). В 1922 г. создан Бурятский ученый комитет (Буручком), преобразованный в 1929 г. в Бурят-Монгольский Институт культуры (ныне ИМБТ СО РАН). В 1924 гг. учреждено Бурят-Монгольское Научное Общество им. Доржи Банзарова [Кудрявцев, 1930]. С 1925 г. Научное Общество начало издательскую деятельность, стало выпускать свое периодическое издание «Бурятиеведение», в котором оперативно публиковались результаты исследований. С 1928 г. эта работа велась совместно с Буручком. Эти две организации содействуют проведению археологических изысканий на территории Забайкалья не только членами Общества и Буручкама, но и исследователями из других учреждений - Г. Ф. Дебецем, Г. П. Сосновским, М. П. Грязновым и др. Членами Общества и Буручкама также проводились археологические разведки и раскопки, иногда совместно с сотрудниками Троицкосавского музея и ТКОПОРГО. Так, ученым секретарем Научного Общества В. В. Поповым проводились раскопки и разведочные работы по долинам рр. Селенга, Чихой, Хилок, Уда. В окрестностях г. Верхнеудинск участниками Бурят-Монгольского Научного общества В. Е. Ольховиком, П. Г. Брянским, Ф. А. Кудрявцевым, В. В. Поповым, Н. А. Удаловым было

обнаружено Нижне-Березовское поселение, где были найдены роговые гарпуны, кости животных и каменные орудия. В 1926 г. стоянка осматривалась В. В. Поповым и ленинградским ученым Г. И. Боровкой, который был в г. Верхнеудинск проездом по пути в Монголию. Ими собраны каменные орудия, кости животных и керамика. Летом того же года В. В. Поповым продолжены сборы археологического материала на Верхнеудинской стоянке каменного века, расположенной на правом берегу р. Селенги «между пароходной пристанью и перевозом». В августе им обследовалась долина р. Джида с целью осмотра «киргизских» могил и древних стоянок. На песчаных выдувах у д. Баян-Хасун найдена стоянка каменного века, где кроме изделий из камня собраны фрагменты керамики с различными орнаментами [Ербанов, Цыбиков, Попов, 1927].

В те же годы в Научном Обществе работает археолог П. П. Хороших, который проводит не только археологические исследования, но и этнографические. Летом 1927 г. он совершает поездку в Баргузинский район, где «впервые открыл досторические стоянки в долине реки Баргузина и в Баргузинском заливе» [Хороших, 1928]. Обобщая результаты работ Б. Э. Петри, Е. И. Титова, И. И. Веселова и др., проведенных по северному, западному и восточному побережьям оз. Байкал, исследователь приходит к выводу о том, что переход к новокаменному веку связан с потеплением климата и дает общую характеристику данного этапа. Неолитические обитатели края, по его мнению, занимались преимущественно рыболовством и реже охотой, ведя оседлый образ жизни. Материалом для их орудий труда выступали различные породы камня – кремень, кварц, халцедон, нефрит и др., а также рог и кость. Каменный инвентарь составляли скребки, песты, наконечники стрел, ядрища, шлифованные нефритовые топоры и долота. Глиняная посуда имела разнообразные формы и «украшения». Также исследователь предполагал, что неолитический человек у Байкала в охоте на диких животных использовал собаку [Хороших, 1928].

В 1928 г. по инициативе Буручкома и Бурят-Монгольского Научного Общества Монгольской комиссией Академии наук организована археологическая экспедиция, состоявшая из командированных из г. Ленинград Г. П. Сосновского, Д. М. Нурк и А. М. Виноградовой, сотрудника Буручкома Б. Б. Бамбаева. Большое содействие было оказано В. В. Поповым, который помог определиться с объектами исследования, указав местонахождение самых интересных из них. Задачей экспедиции были работы рекогносцировочного характера и для начала было решено обследовать территории вокруг г. Верхнеудинска, г. Троицкосавск и по долине р. Селенга. Были изучены археологические памятники разных эпох, в том числе каменного века. Возле г. Верхнеудинск были проведены небольшие по площади раскопки разведочного характера на неолитическом поселении в Нижней Березовке. Среди находок упоминаются: керамика, каменные орудия, кости лошади, косули, оленя и череп человека. На юге региона Г. П. Сосновским и заведующим Краеведческим музеем П. С. Михно были обследованы стоянки вокруг с. Усть-Кяхта, по р. Сава, стоянки у с. Зарубино и местности Харанхой. Собраны каменные орудия, скорлупа яиц страуса и др. [Сосновский, 1928].

Первыми раскопками памятника именно периода неолита – бронзового века на территории Западного Забайкалья были раскопки на Нижне-Березовском поселении, проводившиеся Г. П. Сосновским в 1928-29 гг. [Архив ЛОИА, фонд Г. П. Сосновского 42, № 164, № 297]. На поселении наряду с каменными изделиями и неолитической керамикой были обнаружены кости домашних животных, на основании чего делался вывод о ранней доместикации [Архив ЛОИА, фонд Г. П. Сосновского 42, № 164, № 297].

Большое значение имели раскопки крупнейшего могильника неолита и бронзового века возле д. Фофаново, проводившиеся в 1931 г. и 1934-1936 гг., 1959 г. под руководством М. М. Герасимова. В результате работ на некрополе были выделены три группы могил: неолитическая, близкая китойской;

глазковская раннего бронзового века и третья группа с неясной культурной принадлежностью [Герасимов, Черных, 1975].

1.2.2. Вторая половина 40-х – конец 80-х гг. XX в.

Развитие археологической науки в регионе было неразрывно связано с судьбами исследователей, а те, в свою очередь, с историческими событиями того времени. Репрессии конца 30-х гг. и Великая Отечественная война 1941 – 1945 гг. не прошли бесследно. В 1937 г. был арестован по делу о немецкой диаспоре и расстрелян Б. Э. Петри, такая же участь постигла и некоторых из его учеников [Сирина, 2002]. В блокадном Ленинграде погиб Г. П. Сосновский. Возобновляется и вновь активизируется деятельность по изучению археологических древностей края только в послевоенное время. Со второй половины 40-х и в 50-е гг. работы в основном ведутся учеными из центральных научных учреждений страны – А. П. Окладниковым, Н. Н. Мамоновой, М. М. Герасимовым и др. С конца 50-х гг. начинаются новостроечные работы, в которые включаются исследователи из центральных и местных учреждений, а затем и сотрудники различных научных учреждений г. Улан-Удэ.

Важным вкладом в археологию неолита – бронзового века Западного Забайкалья следует признать работы Бурят-Монгольской археологической экспедиции 1947 г., под руководством А.П. Окладникова. Этой экспедицией были предприняты раскопки Нижне-Березовского поселения, уточнившие стратиграфию культурных слоев и определившие двухслойность памятника. Нижний слой был отнесен к неолиту, а верхний к бронзовому веку. Кости домашних животных оказались привязаны к верхнему слою развитого бронзового века и вопрос о ранней доместикации в эпоху неолита, поставленный Г. П. Сосновским, потерял актуальность [Окладников, 1952; Ивашина, 1979].

В 1948-1951 гг. Бурят-Монгольская экспедиция под руководством А. П. Окладникова обследует долину р. Селенга от г. Улан-Удэ до с. Кабанск и с. Фофаново. Обследуется Нижне-Березовское поселение, где выделено два

культурных горизонта. Верхний горизонт содержал триподы, бронзовые изделия, кости животных, в том числе лошади и быка. Нижний горизонт включал каменные и керамические материалы, костяные гарпуны, грузила, рыболовные крючки и др. В нижнем течении реки на Фофановском некрополе экспедиция исследовала 39 могил, по большей части полуразрушенные и отнесенные к серовскому (одно погребение), китойскому, глазковскому и шиверскому периодам. У с. Острог и с. Никольское найдены и раскопаны одиночные неолитические погребения. При исследовании Итанцинской пещеры А. П. Окладников обнаружил предметы, отнесенные им к скифскому времени и предположил, что гребень, найденный И. Д. Черским, датируется тем же периодом. Кроме того, в пещере были найдены и находки неолитического времени – кремневые отщепы и скульптурная фигурка рыбки [Окладников, 1950а; Окладников, 1951].

В эти годы экспедицией А. П. Окладникова был открыт ряд новых местонахождений неолита – бронзы, и одним из значимых результатов стало обнаружение в 1949 г. Посольского поселения [Окладников, 1975; Ивашина, 1979]. Правда, это открытие, по-видимому, нужно считать повторным, так как ранее эта стоянка описана в рукописи И. И. Веселова [Веселов, 1925].

Первым бурятским археологом Э. Р. Рыгдылоном в 1950 г. было осмотрено Нижне-Березовское поселение. Найден археологически целый сосуд, имевший округлое дно, шнуровые отпечатки по тулову и орнаментацию стеком в верхней части [Рыгдылон, 1950].

В 1954 г. Л. П. Хлобыстиным проводились разведочные работы на Ушканьих островах [1963], где им были найдены стоянки неолита – раннего бронзового века. Эти стоянки интерпретировались как временные стоянки глазковцев - охотников на нерпу [Хлобыстин, 1963].

К 50-60-м годам относятся и первые опыты обобщения неолитических материалов, накопленных по Забайкалью к этому времени. Эти обобщения выполнены А. П. Окладниковым и В. Е. Ларичевым [Окладников, 1955; Ларичев, 1964; История Сибири, 1967].

Ларичевым В. Е. дана краткая характеристика неолита всего Забайкалья. Им предложено выделять «даурскую» ранненеолитическую культуру для этих территорий. Несложно заметить, что такое определение неолита Забайкалья во многом опиралось на разработки Г. Ф. Дебеца [1930]. Основными характеристиками этой культуры, по его мнению, выступают «даурские» остря, выполненные на микропластинах, полученных с конических, призматических и гобийских (торцовых клиновидных – прим. автора) микронуклеусов, а также скребков, резцов и т.д. [Ларичев, 1964]. Керамика преимущественно с отпечатками шнура. Последующий этап позднего неолита связан с «даурской» культурой. Сосуды также со шнуровыми отпечатками и оттисками отступающей лопатки. Широко распространены вкладышевые орудия, языковидные скребки, наконечники стрел, гарпуны и рыболовные крючки. На этом этапе в Забайкалье, по мнению ученого, ярко выражены связи с китойской культурой Приангарья. Погребальную культуру поздненеолитических обитателей Забайкалья также соотносит с китойской культурой Приангарья. Сходства видит в скорченности костяков, посыпке охрой и шлифованных орудиях из нефрита. К ним относит погребения на Новой Шишковке в г. Улан-Удэ и в Тулту-Дабан на юге Западного Забайкалья. «Даурскую» культуру В. Е. Ларичев признает гибридной, связанной с культурами Приангарья, Якутии, Монголии, Маньчжурии [Ларичев, 1964]. Неолит и ранний бронзовый век Западного Забайкалья, точнее восточного побережья оз. Байкал, в обобщающих трудах по Прибайкалью и Сибири представлен в основном материалами могильника Фофаново [Окладников, 1955; История Сибири, 1967].

С конца 50-х – в начале 60-х гг. и до конца 80-х гг. XX века в работу по исследованию древностей Бурятии активно включились местные научные учреждения, для работы в которых привлекались профессиональные археологи. В БИОН СО АН СССР в тот период начинали работать выпускники ленинградской и иркутской археологической школ Е. А. Хамзина и П. Б. Коновалов. В Бурятский краеведческий музей была приглашена выпускница

МГУ Л. Г. Ивашина. В 70-80-ые гг. в БИОН СО АН начинают работать выпускники местного БГПИ – С.В. Данилов, Н.В. Именохоев, а также выпускник ИГУ - А.П. Трифонов.

В 1953 г. на Новой Шишковке в г. Улан-Удэ Е. А. Хамзиной обследовано полуразрушенное погребение, датированное китойским временем [Мамонова, 1957; Хамзина, 1959].

В те же годы Н. Н. Мамоновой обнаружен небольшой могильник из 5-6 могил у г. Тологой II. Одно из погребений было определено как китойское, остальные как глазковские [Мамонова, 1957].

В 1954 г. А. П. Окладниковым раскопано погребение в пади Хамнигота недалеко от монгольской границы. Отнесено оно было к глазковскому времени по аналогии с погребением в Шилкинской пещере [Мамонова, 1957].

В том же 1954 г. геологом Л. Н. Иваньевым найдено погребение возле с. Могсохон на р. Кодун. Автор раскопок посчитал погребение серовским [Иваньев, 1959], но Н. Н. Мамонова отнесла к китойскому типу [Мамонова, 1957].

Антропологические материалы этих погребений изучались Н. Н. Мамоновой и привели ее к выводу об антропологической неоднородности неолитического населения Забайкалья [Мамонова, 1957].

Большой вклад в изучение древней истории Байкальского региона внесла новостроечная Иркутская археологическая экспедиция АН СССР 1959 г. под общим руководством М. П. Грязнова. В задачи экспедиции входило исследование памятников по побережью оз. Байкал в связи с предполагаемым поднятием уровня воды при строительстве Иркутской гидроэлектростанции [Грязнов, Максименков, 1992]. На территории Бурятии работали археологические отряды этой экспедиции, под руководством Е. А. Хамзиной и П. Б. Коновалова, обследовавшие восточное побережье оз. Байкал и придельтовую зону р. Селенги. К этому периоду относятся раскопки Е. А. Хамзиной на Посольской стоянке 1959 г., позже раскопочные работы на памятнике были продолжены ею в 1964 г. Археологический материал был

зафиксирован в 2 слоях, отнесенных к неолиту и раннему бронзовому веку, и представлен массово фрагментами керамических сосудов. Каменный материал встречен реже, за исключением большого числа грузил из галек. По керамике данного поселения был выделен «посольский» керамический тип, широко известный на обширной территории от Предбайкалья до красноярско-канской лесостепи [Макаров, 2005; Ветров, 2011]. Материалы этих экспедиций пока не опубликованы в полной мере. Восточное побережье озера Байкал, от дельты Селенги до р. Баргузин обследовалось отрядом под руководством П. Б. Коновалова. Наиболее значимым результатом работ этого отряда стало обнаружение и изучение поселения в Ярцах Байкальских, где на береговой линии был заложен раскоп, выявивший слой бронзового века [Коновалов и др., 1964].

В 1958 г. свои работы на территории Западного Забайкалья продолжил А. П. Окладников. В этот период начаты раскопки стоянки Санний мыс, верхний слой которой был отнесен к неолиту. Коллекция каменных артефактов Санного мыса содержит микронуклеусы, наконечники стрел треугольной формы с симметричными жальцами, тесло, отщепы и сколы. Керамика со шнуровым декором, судя по описаниям, обнаруживает сходство с «посольским» типом, имеет треугольное утолщение венчика в виде «карниза» [Окладников, 1971]. В том же 1958 г. А. П. Окладниковым и краеведом Г. Д. Ленхобоевым была открыта стоянка Мухино, отнесенная к раннему неолиту. Первые стационарные раскопочные работы на ней проводились в 1962 г. П. Б. Коноваловым [Коновалов, 1962].

С 70-х гг. Л. Г. Ивашина начала целенаправленные поиски и изучение стояночных и погребальных комплексов именно неолита и раннего бронзового века на территории Бурятии. Археологической экспедицией Бурятского республиканского краеведческого музея под её руководством были развернуты работы на территории Еравнинского района, где обнаружены и исследованы около 15 стоянок эпохи неолита - ранней бронзы (Исинга, Тулдун I-III, Харга I и др.), а также разновременный могильник

Бухусан, включавший и неолитические погребения [Ивашина, 1979]. Позже Л. Г. Ивашиной, уже работавшей в БИОН СО АН, были открыты и изучались местонахождения эпохи неолита и раннего бронзового века в Кижингинском (Кулькисон и др.) [Ивашина, 1983], Закаменском (Михайловка, Хуртага и т.д.), Иволгинском (Кибалино) районах Бурятии [Ивашина, 1993; Лбова, Хамзина, 1999].

В 1967 г. было обнаружен и раскопано П. Б. Коноваловым одиночное погребение у с. Дунда-Киреть, которое было определено им как китойское [Коновалов, 1975].

Также в 1967 г. в Баргузинской долине Е. А. Хамзиной открыты и раскопаны погребения глазковцев в Онкулях [Хамзина, 1974].

С конца 1970-х гг. иркутскими исследователями М. П. Аксеновым, В. М. Ветровым и археологом из БИОН СО АН А. П. Трифоновым начаты исследования древностей северо-востока Бурятии – долины рр. Витим, Муя, Каренга, выявлены новые стоянки и ранненеолитическое погребение в Нижней Джилинде [Ветров и др., 1993].

В 1977-1979 гг. в Курумканском и Джидинском районах Бурятии проводили разведочные работы в зонах строительства оросительных систем сотрудники ИИФФ СО АН СССР Н. А. Боковенко и И. В. Асеев. В результате открыт ряд дюнных стоянок у с. Хасхал и с. Аргада. Возле с. Аргада зафиксировано разрушенное погребение, отнесенное к неолиту [Боковенко, 1978; Асеев, 1980].

Вторая половина 1970-ых – начало 1980-х гг. стали для неолита – раннего бронзового века Западного Забайкалья периодом обобщения накопленных материалов, выделения культур и создания культурно-периодизационных схем. В результате раскопок могильника Фофаново М. М. Герасимовым и Е. Н. Черных выделены три хронологические группы погребений: I группа синхронизировалась с китойской культурой и была отнесена к раннему неолиту, II группа отождествлялась с глазковской и III группа с неясной культурной традицией [Герасимов, Черных, 1975].

В 1979 г. Л. Г. Ивашиной издана монография «Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии», где были сведены в одной работе и обобщены все имевшиеся на тот момент материалы по неолиту и раннему бронзовому веку Бурятии. Собственно это была первая работа обобщающего плана для неолита и раннего бронзового века Западного Забайкалья. Автором ее была разработана периодизационная схема для этой эпохи, которая опиралась на периодизацию А. П. Окладникова, разработанную для предбайкальского неолита-энеолита. В этой схеме содержатся следующие этапы:

1. Мухинский – раннеэнеолитический (Мухино, Ошурково, позже сюда отнесено и Кибалино), конец V – IV тыс. до н.э. Характеризуется этап каменным инвентарем, состоящим из «галечных орудий в виде чопперов, скребловидных орудий и нуклеусов-скребков (клиновидных нуклеусов), даурских пластинчатых изделий», что признается продолжением позднеэнеолитических и мезолитических традиций. Есть небольшое число костяных изделий – острий, гарпунов. Керамики мало и представлена она на Мухино фрагментами круглодонных сосудов с заглаженными текстильными отпечатками (сетчатыми);

2. Нижнеберезовский – среднеэнеолитический III тыс. до н. э., к которому отнесены нижние слои Нижнеберезовской (слой 2) и Посольской стоянок, датированных на основе параллелей со слоями V - VI Белькачи примерно 5000 л.н. Характеристиками данного периода признаются двухсторонне ретушированные наконечники стрел треугольной формы с прямым или вогнутым основанием, призматические нуклеусы, микропластины, скребки и т.д. Костяной инвентарь разнообразен, отмечаются в большом количестве гарпуны, шилья, острия и стерженьки составных рыболовных крючков. Керамические сосуды с приостренным или округлым дном, с гладкой или штрихованной поверхностью, орнаментированная разными вариациями отступающей лопатки, гребенчатыми оттисками, ямочками, прочерченными линиями и т.д. Венчики имеют утолщенный край в виде «карниза».

3. Бухусанский – поздненеолитический, конец III – начало II тыс. до н.э. Выделен на основе погребений I группы могильника Бухусан и I группы могильника Фофаново, соотносимых с китойской культурой. По аналогии с прибайкальской периодизацией А.П. Окладникова, где китойская культура определена поздним неолитом [Окладников, 1970], данный этап отнесен к позднему неолиту [Ивашина, 1979]. Отмечается как сходство - в окраске погребенных охрой, в наличии гарпунов, вкладышевых ножей, кинжаловидных острий, так и ряд отличий забайкальских «китойских» погребений от классических ангарских, как, например, наличие каменной кладки у погребений Бухусана. Сюда же, к этому этапу, отнесено большинство одиночных погребений, раскопанных в разное время в разных районах Бурятии: погребение у с. Дунда-Киреть [Коновалов, 1975], погребение у с. Поворот, раскопанное А. П. Окладниковым [Окладников, 1950б], разрушенное погребение в окрестностях г. Улан-Удэ в местности Новая Шишковка [Хамзина, 1959].

4. Фофановский – энеолитический, II тыс. до н. э. К этому этапу отнесены глазковская группа погребений Фофаново (II группа) и синхронизируемые с ней материалы поселения Харга I, а также погребение 8 могильника Бухусан. Этим же временем позже было определено поселение Кулькисон, где был найден фрагмент бронзового кольца [Ивашина, 1983]. К особенностям данного периода отнесены редкие находки медно-бронзовых изделий наряду с массовым каменным и керамическим материалом. Керамика Харги I и II группы Фофаново (глазковской) признается сходной, основанием для чего признается наличие орнаментальных вариаций отступающей лопатки [Ивашина, 1979]. Для погребального комплекса глазковской группы могильника Фофаново характерны двусторонне-выпуклые нефритовые топоры, украшения из нефрита, костяные изделия – односторонние гарпуны с выступами у основания, костяные стерженьки рыболовных крючков с отверстиями, бронзовые пластинчатые ножи, крючки, иглы. Сходным с

такими ножами признается нож из погребения 8 могильника Бухусан [Ивашина, 1979].

Для понимания обоснования данной периодизации забайкальского неолита следует обратиться к исследованиям в соседнем Предбайкалье, для неолита и раннего бронзового века которого была разработана в конце 30-х и опубликована в 50-х гг. А. П. Окладниковым культурно-периодизационная схема. Во многом сходную периодизацию, за исключением хиньского этапа, в те же годы предлагал И. В. Арембовский: исаковский, серовский, китойский, глазковский этапы [Арембовский, 1940]. Схема развития неолита-раннего бронзового века Прибайкалья А. П. Окладникова основана преимущественно на материалах погребальных комплексов [Окладников, 1950б; Окладников, 1955; Савельев, 1989]. Выглядела она следующим образом:

1. хиньский этап – V тыс. до н.э.;
2. исаковский – IV тыс. до н.э.;
3. серовский этап - III тыс. до н.э.;
4. китойский этап – вторая половина III – начало II тыс. до н.э.;
5. глазковский – 1700-1300 гг. до н.э.

1. Хиньский этап мезолита выделен на основе единичных погребений с немногочисленным инвентарем, включающим «даурские» острия, двусторонне обработанные наконечниками стрел иволистной формы, острия из кости и шифера;

2. Исаковский этап неолита характеризовался треугольными наконечниками стрел с жальцами и двухсторонней обработкой, вкладышевыми ножами, шлифованными теслами, а также керамикой с сетчатыми отпечатками;

3. Серовский этап - это время распространения шлифованных топоров и тесел из зеленого нефрита, рыбок-приманок из камня и кости, костяных гарпунов с плечиками-выступами, луков усиленных накладками. Керамика была представлена сосудами с сетчатыми отпечатками, в том числе

дымокурами, а также экземплярами с пунктирными горизонтальными и вертикальными линиями.

4. Китойский этап выражен погребениями с обильной засыпкой охрой и инвентарем, состоявшим из нефритовых топоров и тесел, плоских ножей из аргиллита, выпрямителей, специфических каменных стерженьков составных рыболовных крючков «китойского» типа. Из костяных орудий сопроводительного инвентаря наиболее яркими изделия - это гарпуны с округлым отверстием в основании, вкладышевые кинжалы и костяные острия. Из украшений – мраморные кольца, подвески из расщепленных клыков кабана и т.д.

5. Глазковский этап раннего бронзового века характеризовался появлением первых изделий из меди и бронзы – листовидных ножей, рыболовных крючков, игл, шильев, колец. В этот период продолжали использоваться и каменные орудия – скребки, нефритовые топоры и тесла, наконечники стрел, орудия из кости – вкладышевые ножи, кинжалы, гарпуны с выступами в основании, иглы, шилья, игольники. Сосуды кругло и остродонные, гладкостенные, со шнуровыми, штриховыми или вафельными отпечатками, орнаментированные оттисками различных штампов-лопаточек, «жемчужинами». Украшения в виде дисков и колец из нефритов, бусины из перламутра и пиррофиллита.

Другого мнения по периодизации придерживался М. М. Герасимов, который помещал китойский этап перед серовским [Герасимов, 1955; Герасимов, Черных, 1975].

Позднее, первые радиоуглеродные даты, полученные по китойским погребениям и опубликованные А. К. Конопацким, показали их более ранний возраст [Конопацкий, 1982, с. 71-72, табл. 1].

1.3. Современное состояние изученности неолита – бронзового века: 90-е гг. XX в. – начало XXI в.

К началу этого периода в археологических исследованиях стали использоваться методы естественных наук, и прежде всего, методы

абсолютного датирования, стратиграфии, палинологии и др. В соответствии с полученными датами и новыми данными, происходит пересмотр некоторых представлений о неолите – бронзовом веке Западного Забайкалья. Так, уточнены стратиграфии стоянок Мухино и Посольск [Ярославцева, 1993; Константинов, Базарова, Семина, 1995], получены радиоуглеродные даты, уточняющие хронологию неолита – бронзового века [Мамонова, Сулержицкий, 1989].

Кроме того, на начальный период этапа приходится расширение географии изучения археологических памятников Бурятии. Этот процесс был тесно связан с активным хозяйственным освоением земель и необходимостью историко-культурных согласований по ним, а также развертыванием деятельности органов охраны историко-культурного наследия по постановке на государственный учет памятников археологии. Так, плановыми работами сотрудников БИОН СО РАН, Музея истории Бурятии совместно с НПЦ Охраны памятников при проведении паспортизации и мониторинга археологических местонахождений открыто большое число новых памятников, в том числе и неолитических стоянок по всей территории Бурятии, которым, правда, не всегда отводилось достаточного внимания, поскольку специалисты в основном имели иные сферы научных интересов вне неолита [Лбова, Хамзина, 1999]. Развернувшиеся охранно-спасательные работы были обеспечены притоком новых кадров. Так, с конца-80-х - начала 90-х гг. в республике начинают работать выпускники ИГУ Л. В. Лбова, Б. Б. Дашибалов, В. И. Ташак, Е. В. Ташак, В. П. Конев и Л. Г. Ярославцева, а также выпускники ТГУ А. Д. Цыбиктаров, БГПИ Э. Р. Гречищев. Продолжаются и плановые работы по изучению неолита-бронзового века Западного Забайкалья, а также открытия новых памятников этого периода в ходе разведочных и раскопочных экспедиционных работ по другим научным темам сотрудников БИОН СО АН СССР (с 1998 г. ИМБТ СО РАН), ЧГПИ (ныне ЗабГУ), ИГУ и ИГПИ, музея истории Бурятии, НПЦ Охраны памятников истории и культуры Республики Бурятия.

Вместе с тем, Л. Г. Ярославцевой, В. П. Коневым продолжаются и плановые работы по исследовательским темам по неолиту – бронзовому веку Западного Забайкалья.

В 1986 и 1988 гг. сотрудником музея этнографии народов Забайкалья Л. Г. Ярославцевой проводятся работы на Мухинской стоянке. Ею было установлено подробное стратиграфическое деление памятника, выделено 7 культурных горизонтов, датируемых в пределах позднего палеолита (слой VII) – неолита (слои IV-V) – бронзового века (слои III-I) [Ярославцева, 1993, с. 133]. Нижний VII слой вскрыт на небольшой площади, получено единичное число каменных находок – заготовка призматического нуклеуса, чопперы, концевой скребок, отщепы, сегменты пластин. Керамики не было найдено. Горизонт VI характеризуется конических форм нуклеусами, скребками, резцами (угловыми, боковыми, трансверсальными), пилками, остриями, проколками, отщепами и сколами, а также несколькими фрагментами керамики со штриховыми отпечатками. I – V культурные горизонты предварительно на основании принадлежности к четвертой пачке – почвенным отложениям, датированы финальным неолитом – бронзовым веком (4,5 – 2 тыс. л.н.). Коллекция каменных находок IV – V слоев содержит микропризматические нуклеусы, резцы, острия и проколки, скребки концевые и боковые, вкладыш «со следами струйчатой обработки», абразивы. Фрагментов керамики в слое V немного, сосуды имели простые формы и прямые венчики, на стенках штриховой техникой декор. В слое IV встречен гладкостенный фрагмент с отпечатками зубчатого штампа. Среди находок имеются костяные изделия – лощило, острия, ложечковидный резервуар. Изделий из металла не обнаружено [Ярославцева, 1993, с. 136].

В. П. Коневым раскопано несколько ранненеолитических погребений на Фофановском могильнике [1996]. Результаты работ представлены позднее в коллективной монографии [Лбова, Жамбалтарова, Конев, 2008]. Им же были предприняты новые исследования Нижне-Березовского поселения, материалы

которых не опубликованы, а небольшая коллекция хранится в фондах Музея БНЦ СО РАН.

Л. Г. Ивашиной опубликованы результаты работ конца 70-х – начала 80-х гг. по изучению поселению Кулькисон в долине р. Кодун, отнесенного к раннему бронзовому веку. В этой же работе дается общая характеристика раннего бронзового века на материалах стоянок Харга I и Кулькисон. Позднее ею обосновывается мнение о появлении первых зачатков скотоводства в это период на основе данных по Харге I, для коллекции которой были сделаны определения костей домашних животных [Ивашина, 1996]. В этот же период опубликованы результаты обнаруженного и раскапывавшегося в 1977 г. поселения Кибалино. Материалы слоя 2 этого памятника были определены как ранненеолитические [Ивашина, 1993].

Значительным шагом в изучении неолита – бронзового века Западного Забайкалья стали публикации результатов радиоуглеродного датирования, проведенного Н. Н. Мамоновой и Л. Д. Сулержицким по материалам целого ряда памятников Байкальского региона [Мамонова, Сулержицкий, 1989]. Полученные для погребений I группы могильника Фофаново даты подтвердили мнение М. М. Герасимова об их ранненеолитическом возрасте.

В 1968 г., 1988-1990 гг. отрядом читинских археологов проводились исследования на поселении Посольск, материалы работ опубликованы в предварительной форме [Константинов, Базарова, Семина, 1995]. Были заложены шурфы, выявившие 9 культурных горизонтов. Из них к неолиту предварительно отнесены слои 2А - 2В, слои 1А – 1Е определены бронзовым веком. В горизонтах 2А – 2В зафиксирован фрагмент стерженька «китойского» типа, наконечники стрел треугольной формы двусторонне-обработанный и с краевой ретушью, микропластины с краевой ретушью и без ретуши, скребки, отщепы и сколы. Керамика шнуровая и гладкостенная, в основном «посольского» типа. По гумусу слоя 2 получена радиоуглеродная дата для поселения – 5750 ± 110 л.н. (ГИН-5792). В горизонтах 1А – 1Е зафиксированы шлифованное тесло, обушковый нож с бифасиальной

подробткой, фрагмент ножа на плитке, долотовидное изделие на сработанном нуклеусе и т.д., а также фрагменты керамики с прямым венчиком и оттисками различных штампов, в том числе керамика «посольского» типа (переотложены?). Среди предметов, которые были экспонированы на современной распаханной поверхности, выделяется бронзовый кинжал [Константинов, Базарова, Семина, 1995].

Археологические работы продолжались и в северо-восточной части Западного Забайкалья, в долинах рек Витим, Муя, Каренга и др. В. М. Ветровым [Аксенов и др., 2000; Ветров, 1992]. Результатом работ стало выделение усть-каренгской и усть-юмерченской культур неолита. В. М. Ветров первым обосновывает древний возраст усть-каренгской керамики [Ветров, 1981]. Он же вводит понятие Начального неолита для древнейшего этапа забайкальского неолита, термин принятый уже для дальневосточных памятников с ранней керамикой. Для усть-каренгской культуры описаны сосуды с приостренным дном и богатой орнаментацией, выполненной «шагающей гребенкой». На внутренних стенках сосудов имеются горизонтальные расчесы. Коллекция каменных артефактов сохраняет во многом позднепалеолитические традиции и представлена торцовыми клиновидными нуклеусами, концевыми скребками, резцами [Ветров, 1992; 1995; 2012]. Поздненеолитическая усть-юмурченская, охватывающая период от второй половины III - первой половины II тыс. до н.э., характеризующаяся призматическими нуклеусами, микропластинками, «даурскими» остриями, бифасиально обработанными подтреугольной формы наконечниками стрел, микроскребками и т.д., а также шнуровой керамикой с внешним карнизом или наплывом с внутренней стороны по венчику (Ветров, 1992). Аналогии усть-юмурченским сосудам приводятся очень широкие от Енисея и до юга Забайкалья, Якутией на севере. Определяется ее близость с керамической традицией «посольского» пласта [Ветров, 2011].

В результате работ начала 2000-х гг., проводившихся под руководством В. М. Ветрова, выявлен ранненеолитический могильник Старый Витим-2,

расположенный в устье р. Муя. При плохой сохранности костяков все же установлено их положение – скорченное, также прослеживается посыпка их охрой. Набор сопроводительного инвентаря – нефритовые тесла, топоры, бусы из агальматолита, в одном случае удалось зафиксировать составной кинжал с костяной основой и двусторонним лезвием из халцедоновых пластинок [Ветров, 2001, 2002].

Изучением памятников неолита – бронзового века восточного побережья оз. Байкал, занимались иркутские археологи О. И. Горюнова и Ю. П. Лыхин. На побережье Чивыркуйского залива открыты и изучались многослойные объекты, включающие неолитические горизонты, такие как Окуневая IV и Катунь I. Для комплексов этих стоянок, отнесенных авторами к среднему неолиту, характерно присутствие сетчатой, хайтинской и посольской керамики, стерженьков китойского типа, а для раннего бронзового века сосуда глазковской культуры [Горюнова, Лыхин, 1985; Номоконова, Горюнова, 2004].

Исследования на северном и северо-западном побережье оз. Байкал, проводившиеся Т. А. Абдуловым в 80-ые гг. [Абдулов, Пилипчук, 1982], с начала 2000-х гг. продолжены А. В. Харинским и Ю. А. Емельяновой. Ими исследованы и изучаются по настоящее время ряд местонахождений – Байкальское III и IV, Богучанская XIII, Северобайкальск I, Лысая Сопка I. На основе керамики северо-байкальского типа, впервые описанной Т. А. Абдуловым [Абдулов, Пилипчук, 1982], а также особенностях структуры и материалов поселений Ю. А. Емельяновой и А. В. Харинским обосновывается выделение самостоятельной северо-байкальской археологической культуры бронзового века [Емельянова, Харинский, 2008; Харинский, Емельянова, Рыков, 2009]. Хронологические рамки ее существования определены абсолютными датами в пределах середины 2,4-1,2 тыс. до н.э. [Емельянова, Харинский, 2008]. Ареал распространения памятников северо-байкальской культуры включает в себя также и восточное побережье оз. Байкал, поскольку

керамика этого типа встречена на поселениях Окуневая IV и Посольское [Горюнова, Лыхин, 1985; Цыденова, Хамзина, 2006].

Одной из дискуссионных тем неолита Забайкалья продолжает оставаться проблема ранней керамики. Так, М. В. Константинов не признает новых радиоуглеродных дат, относящих комплексы Усть-Каренги, Студеного I (слои 8-9), Усть-Мензы I (слои 5-8) [Ветров, 2012; Разгильдеева, Куникита, Яншина, 2013], к так называемому начальному неолиту. Появление первой керамической посуды в регионе он относит на основе интерпретации ее стратиграфических позиций ко времени около 6,5-7 тыс. л.н. [Константинов, 2016]. Следует признать, что действительно, часть из полученных им дат выглядят удревленными. Так, например, слой 9 Студеного I датирован 17700 ± 400 л.н. (ГИН-5494) [Константинов, 1994]. Но в целом, работы М. В. Константинова и его коллег в Юго-Западном Забайкалье, результаты раскопок многослойных стоянок оказали большое влияние на понимание не только палеолита, но и неолита – бронзового века Юго-Западного Забайкалья, территориально близкого к изучаемому нами региону [Семина, 1985; Константинов, 1994; Константинов, Екимова, Верещагин, 2016].

В то же время все еще продолжалась дискуссия по проблеме «китойской» принадлежности неолитических погребений Забайкалья. Так, Л. В. Ивашина, высказала мнение о существовании в неолите на этой территории лишь отдельных элементов китойской традиции [Ивашина, 2000]. В данной статье она признает также ранний возраст части погребений Бухусана, опираясь на результаты радиоуглеродного датирования [Мамонова, Сулержицкий, 1989].

В последующем в монографии по погребальным комплексам неолита – раннего бронзового века Забайкалья [Лбова, Жамбалтарова, Конев, 2008] представлен обзор большинства погребальных комплексов известных на сегодняшний день в Забайкалье, а также введены в научных оборот ранее не публиковавшиеся материалы раскопок могильника Фофаново А. П. Окладникова и В. П. Конева. Авторами делается вывод о китойской

принадлежности ранненеолитических могил, в том числе большинства раскопанных в разные годы одиночных погребений.

Проблема антропологической дифференциации забайкальских палеоантропологических серий неолита-раннего бронзового века и определения их байкальским или центрально-азиатским расовым типом не потеряла актуальности [Герасимова и др., 2010].

В монографии Ю. С. Гришина, посвященной проблемам периодизации неолита и раннего бронзового века в Байкальском регионе [2000], делается критический обзор предложенных схем в свете данных радиоуглеродного анализа, а также в связи с корреляциями материалов разных памятников. Так, этот автор обращает внимание на несоответствие выводов Л. Г. Ивашиной и данных абсолютного датирования. Радиоуглеродная дата по погребению 8 (2940 ± 100 л.н. ГИН-4406) делает его несколько моложе глазковских погребений Фофановского могильника и приближает ко времени плиточных могил [Мамонова, Сулержицкий, 1989]. Кроме того, этот автор подвергает сомнению сходство бронзового ножа из Бухусана с листовидными ножами из II группы погребений Фофаново, указывая на их морфологическое различие. Высказывает сомнение по поводу вывода Л. Г. Ивашиной об аналогичности керамических материалов поселения Харга с глазковскими сосудами, причем первые, по его мнению, в большей степени сохраняют черты неолитоидности [Гришин, 2000].

Обобщению археологии Байкальского региона от эпохи камня до средневековья посвящена работа И. В. Асеева [2003]. В ней он представил, в том числе, интерпретацию материалов неолита и раннего бронзового века Предбайкалья, Западного и Восточного Забайкалья. В работе он дает описание материалов слоя 1 Усть-Кяхты 3, в том числе фрагментов керамики, отмечая важность темы перехода от палеолита к неолиту. В целом, И. А. Асеев опирается на существующие культурно-хронологические схемы, разработанные для неолита Бурятии Л. Г. Ивашиной [1979], а для Восточного Забайкалья А. П. Окладниковым и И. И. Кирилловым [Кириллов, 1979;

Окладников, Кириллов, 1980]. Дополняет эту хронологию этапом перехода к неолиту, обосновывая материалами Усть-Кяхты 3. Кроме того, соглашается с ранними датировками китойской культуры, отмечая вероятность и позднего существования этой культуры, сосуществования ее с сероской культурой. При этом признает сходство забайкальских погребальных комплексов неолита с китойской традицией [Асеев, 2003].

Бронзовый век и вопросы его периодизации также все еще во многом остаются дискуссионными. Для данного периода и обширной территории Забайкалья и Монголии А. Д. Цыбиктаровым, на основе анализа и обобщения опубликованных материалов, предложена культурно-хронологическая схема, состоящая из восточной степной (селенгинско-даурская культура), восточной лесной (хэнтэйская культура), а также западной и южной культурных областей [Цыбиктаров, 2006]. Однако эта схема также имеет много спорных моментов, как по датировке, так и культурной идентификации материалов разных памятников, что будет рассмотрено ниже.

Поскольку к изучаемому региону относятся, прежде всего, селенгинско-даурская и хэнтэйская культуры, рассмотрим их обоснования.

1. К селенгинско-даурской культуре восточной степной области отнесены ряд памятников Западного и Восточного Забайкалья (поселение в Нижней Березовке (слой 2), Харга I, Кулькисон, Дворцы, Жигуржинка 1 и др.; могильники Ножий, Тологой II), а также Восточной Монголии (погребение в Норовлийн уул, стоянка Хуйтэн-Булаг). Основными характеристиками признаются: появление производящего хозяйства в виде скотоводства и земледелия, появление редких бронзовых изделий, единство керамических традиций [Цыбиктаров, 2006].

2. Хэнтэйскую культуру А. Д. Цыбиктаров выделяет на основе материалов верхних горизонтов многослойных поселений Студеное 1 (слой 1б), Усть-Менза 1 (слои 2, 2б, 2д) и Усть-Менза 2 (слой 2), Алтан (слои 4-8), Кристинкина пещера, а также погребения Усть-Менза 3, Усть-Менза 5, петроглифы Шаман-гора. Каменный инвентарь в основном сохраняет черты

прежнего неолитического времени, однако увеличивается число крупных орудий – пестов, молотов, отбойников, вероятно использовавшихся при добыче руды. Присутствуют редкие изделия из бронзы. Керамическая традиция признается единой, хотя характеристик для нее не приводится [Цыбиктаров, 2006]. Вместе с тем, понятие «хэнтэйской» культуры недостаточно разработано и требует обоснования.

Для Приольхонья и побережья оз. Байкал О. И. Горюновой обоснована новая хронология с конца неолита – до позднего бронзового века. Поздний неолит представлен позднесеровскими погребениями с датами 4590-4300 л.н., развитой бронзовый век – позднеглазковскими погребениями, датированными в интервале 4000-3200 л.н.; поздний бронзовый век – захоронениями мухорского типа (погр. 13 могильника Улярба 3890 ± 40 (ГИН-4475)), шумилихинского типа (4800-4040 л.н.). Позднеглазковские погребения исследователь определяет развитым бронзовым веком по аналогии с материалами позднего этапа кротовской культуры Западной Сибири и окуневской культуры. К мухорской группе относит погребение ребенка под № 22 (1948 г.) Фофаново, в котором был найден бронзовый кинжал карасукского типа [Горюнова и др., 2004].

В целом, на сегодняшний момент существует ряд дискуссионных проблем в неолитоведении и археологии палеометалла Западного Забайкалья. Пока еще не в полной мере введены в научный оборот материалы раскопок Нижне-Березовского и Посольского поселений, Харги I, Кулькисона и др. Не преодолена ситуация дефицита абсолютных дат по большинству поселенческих и ряду погребальных комплексов. Нет возможности корреляции материалов погребений и поселений, зачастую в силу их слабой освещенности в публикациях, но также по причине отсутствия керамики в большинстве погребений неолита. Не разработаны вопросы преемственности от позднего палеолита к начальным этапам неолита, а также разных этапов и культур неолита и бронзового века между собой. Существует проблема хронологического определения материалов, опять же в силу необеспеченности

радиоуглеродными датами. По этой причине не всегда и не все материалы были правильно отнесены к тем или иным этапам неолита или бронзового века. Все это в совокупности усложняет понимание культурно-исторических процессов неолита – палеометалла и порождает разнополярные или порой ошибочные мнения, что было отмечено еще Ю.С. Гришиным в монографии, посвященной проблематике периодизации неолита и раннего бронзового века Предбайкалья и Забайкалья [2000]. За последние 20 лет получены новые археологические материалы и данные, как представленные в данной работе, так и опубликованные в научной литературе. Они позволяют внести дополнения и изменения в существующие культурно-периодизационные схемы неолита и бронзового века изучаемого региона.

ГЛАВА 2

НОВЫЕ КОМПЛЕКСЫ НЕОЛИТА – БРОНЗОВОГО ВЕКА ЗАПАДНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ

В данной главе дана краткая характеристика прородно-климатических условия финала плейстоцена и голоцена Западного Забайкалья, представлены описания материалов поселенческих комплексов Красная Горка, Ярцы Байкальские, Муханские Охера I. В той или иной мере эти материалы дополняют или уточняют уже известные данные и актуализируют необходимость внесения изменений в существующие периодизационные схемы неолита-бронзового века Западного Забайкалья.

2.1. Красная Горка

Территории к востоку от озера Байкал в Сибири являются одними из немногих регионов в Евразии, где керамику начали использовать уже в позднем плейстоцене и раннем голоцене (рис. 2). Одним из памятников, где обнаружена древнейшая в регионе керамика, является стоянка Красная Горка.

В ходе археологических разведок 2000 г., проводившихся по побережью озера Большое Еравное, а также долине, впадающей в него, р. Тулдун, было обнаружено несколько новых местонахождений, в том числе стоянка Красная Горка.

Памятник находится на северо-востоке Западного Забайкалья, в районе крупных озер Еравнинской системы, на одном из террасовидных уступов, обрамляющих северный берег оз. Большое Еравное, высотой около 6 м над урезом воды в озере. Стоянка занимает уплощенную вершину уступа, в основном участок у его края. На северном берегу оз. Большое Еравное, на восточной стороне которого известен ряд археологических памятников эпохи неолита, расположена местность, называемая Красной Горкой. Она представляет собою протяженные вдоль всего берега присклоновые шлейфы, обрывающиеся террасовидными уступами к воде и рассеченные оврагами на 8 мысовидных участков. Высота этих мысовидных уступов варьирует в

пределах 6-7 м над уровнем озера. Стоянке Красная Горка расположена на четвертом по счету с востока мысовидном увале (рис. 3, 4).

Общая площадь вскрытия раскопа составляет 49 кв. м.

Проведенные на памятнике работы выявили следующую стратиграфическую ситуацию (рис. 5):

Литологические слои	Мощность, м
• Слой 1 - Почвенно-дерновый горизонт.	0,05
• Слой 2 - Супесь темнокаштанового цвета. В верхней части слой плотный, слежавшийся, несколько пылеватый. От нижележащего отличается большим содержанием мелкой дресвы, а также отделен от него прослойкой дресвы. Цвет почти черный, темнее нижележащего слоя. Культурный слой 1а.	0,15 – 0,25
• Слой 3 - Супесь каштанового цвета, с меньшим включением дресвы. Культурный слой 1б.	0,15 – 0,25
• Слой 4 - Супесь светло-бурого цвета, пылеватая. Имеет более рыхлую структуру, чем вышележащий слой 1. Заполнен крупными дресвичками. Культурный слой 2.	0,15 – 0,25
• Слой 5 - Гравийный слой желтого цвета, у северной и южной стенок переходит в скальное основание.	0,10 – 0,15
• Слой 6 – скальное основание.	> 0,10

Всего зафиксировано три культурных слоя: 1а - развитого бронзового века; 1б – позднего неолита (?), с немногочисленными и типологически невыразительными находками; 2 – начального неолита. Приурочены они к литологическим слоям 2, 3 и 4 соответственно.

Раннекерамический комплекс располагается ближе к подошве слоя светло-бурой супеси – литологического слоя 4. В общей сложности материал культурного слоя 2 состоит из 1603 артефактов, 21 мелких фрагментов костей и нескольких мелких угольков. Каменные артефакты этого культурного слоя имеют палеолитический облик. Одной из характерных черт коллекции каменных изделий является то, что основным сырьем для артефактов были кремни - 69,8%, следующим по встречаемости сырьем являются яшмоиды - 24,3%, халцедон - 5,2% и на другие материалы приходится - 0,7 % (сланец, кварцит, горный хрусталь).

Каменные изделия (Табл. 1).

Нуклеусы: 29 экз. (1,9%), подразделяющиеся на следующие типы [рис. 6, 7].

Торцовые клиновидные микронуклеусы: 19 шт. (1,25%) (рис. 6 – 1, 3, 4; 7 – 1-6).

Микропризматические (конические) нуклеусы: 9 шт. (0,6%) (рис. 6 – 2; 7 – 7).

Призматический нуклеус: 1 шт. (0,07%) (рис. 6 – 5).

Технология первичного расщепления иллюстрируется также заготовками нуклеусов и техническими сколами.

Заготовки нуклеусов (преформы): 15 экз. (0,9%) (рис. 7 – 6,7; рис. 8).

Заготовки клиновидных нуклеусов с грубоватой бифасиальной оббивкой: 14 экз., заранее придавалась клиновидная форма оббивкой, плоская ударная площадка подготавливалась обычно также на этапе заготовки; 1 экз. - фрагмент заготовки.

Технические сколы – 28 экз. (1,8%): сколы подработки ударной площадки – 15 экз. (в т.ч. "таблетки" – 6 экз. (0,4%), в том числе удлиненные сколы типа «таблетки», снимавшиеся с фронта, сколы подработки ударной площадки, снимавшиеся с латералей - 9 экз. (0,6%)) (рис. 6 – 8-10); реберчатые сколы подготовки фронта – 4 экз. (0,26%); резцовые сколы - 9 экз. (0,6%), сколы подготовки трансверсальных резцов (рис. 13 – 12-14).

Орудия

Микропластины-вкладыши: 116 экз. (рис. 9), часть из которых использовались в качестве вкладышей. Только 12 (0,8%) из 116 экземпляров имеют ретушь, в то время как остальные 104 (6,8%) использовались без вторичной подправки и имеют следы утилизации.

Ножевидные орудия, выполненные на пластинчатых заготовках: 47 экз. Все они небольших размеров, самое крупное из них – 1 экз. (0,07%), выполнено на целой пластине длиной около 7 см (рис. 10). Общее число ножевидных изделий с ретушью на пластинчатых сколах и отщепах составляет 11 экз. (0,7%), с ретушью утилизации – 36 экз. (2,4%).

Мелкое острие: 1 экз. (0,07%) на пластинчатом сколе. Оформлено отвесной, крутой, полукрутой дорсальной ретушью в дистальной части предмета.

Проколки: 3 экз. (0,2%) на микропластинах и отщепе.

Резцы: 17 экз. (1,13%) (рис. 11, 12, 13). Представительную группу орудий составляют *резцы*, подразделяющиеся на несколько типологических групп по их формам и размерам:

Резцы на небольших (1,5-2,0 см в длину) пластинчатых отщепах и сколах – 9 экз. (рис. 11 – 1-4; рис. 13 – 1-4). Среди них: трансверсальных - 6 экз.; комбинированный, с трансверсальным и боковым резцовыми сколами – 1 экз.; комбинированный, срединный резец и острие – 1 экз.

Трансверсальные резцы на пластинках – 2 экз. (рис. 13 – 5).

Трансверсальные резцы на пластинчатых сколах и отщепах среднего размера (2,0-2,5 см) – 3 экз. (рис. 13 – 6, 7, 8).

Трансверсальные резцы на крупных (2,5-4,0 см) пластинчатых отщепах и сколах – 3 экз. (рис. рис. 12 – 1-4; 13 – 9, 10, 11). Из них 2 экз. – это комбинированные инструменты на пластинчатых отщепе и сколе, у которых на одном из концов оформлен рабочий край скребка и на другом резец.

Еще одно изделие выполнено на отщепе и является комбинированным орудием – срединным резцом в проксимальной и острием в дистальной части, оформленным крутой, полукрутой дорсальной ретушью.

Следует отметить, что некоторые из этих резцовых рабочих краев оформлены в проксимальной части - 12 экз.

Бифасы: 6 экз. (0,4%) (рис. 14 – 1, 2). Все они не являются заготовками клиновидных нуклеусов, какими являются бифасы в комплексах типа юбецу, и представлены фрагментами разных размеров. Еще одним отличием от бифасов юбецу является форма, здесь нет изделий, имеющих листовидную форму. Более или менее целых изделий – 2 экз. Один имеет ассиметрично треугольную форму, то есть одно лезвие слегка выпуклое, второе более ровное. Другой бифас симметрично треугольный. Размерность их примерно

одинаковая от 5-7 см в длину. Остальные представлены фрагментами острой части, причем, судя по всему, они также принадлежали треугольной формы изделиям. Один из фрагментов изготовлен из яшмоида, остальные из серых кремней.

Скребки: 33 экз. (2,2%). Еще одна группа орудий представлена скребками. Они могут быть подразделены на несколько типов, описанных ниже.

Концевые скребки на пластинчатых отщепах и сколах – 11 экз. (0,7%).

Боковые скребки на отщепах и пластинчатых сколах – 19 экз. (1,25%).

Скребки с округлой формы рабочим краем на отщепах – 3 экз. (0,2%) (в том числе обработанные почти по всему периметру).

В основном скребки данной коллекции выглядят несколько полиморфно, поскольку в качестве заготовок для их изготовления чаще всего использовались случайные, разноразмерные и подходящие по форме отщепы и сколы, а не целевые сколы – заготовки определенного размера и типа. Кроме того, у большинства скребков рабочий край сформирован крутой краевой однорядной ретушью.

Скребки с ретушью утилизации – неформальные орудия: 22 экз. (1,5%) (рис. 15 – 1-5). Выполнены на различных отщепах и сколах без специальной вторичной обработки. Имеют ретушь утилизации.

Скобели: 7 экз. (0,5%). Немногочисленная группа орудий представлена *скобелями*, выполненными на пластинчатых отщепах. Рабочий край оформлен в виде выемки мелкой ретушью (отвесной, пологой или мелкой краевой).

Струги: 1 экз. (0,07%) выполнен на желваке средних размеров и узкой, удлиненной формы, который сохраняет первичную корку, на двух узких торцовых частях оформлены довольно крупными полукрутыми снятиями рабочие края.

Сколы без следов работы: 1178 экз. (78%). Из них:

Микропластины без ретуши: 96 экз. (6,3%).

Микропластины в основном с неправильной огранкой, по причине чего они были, видимо, выбракованы.

Пластинки без ретуши: 16 экз. (1,06%). Целая - 1 экз., остальные - различные фрагменты. 2 экз. имеют неровную огранку.

Пластины без ретуши: 1 экз. (0,07%), без дистала, небольшого размера.

Пластинчатые отщепы без ретуши: 207 экз. (13,6%).

Пластинчатые сколы без ретуши: 39 экз. (2,6%), в том числе микроскол - 1 экз.

Отщепы без ретуши: 678 экз. (44,8%), в том числе: микроотщепов – 293 экз.

Сколы без ретуши: 141 экз. (9,3%), в том числе микросколы - 9 экз.

Гальки и желваки со следами обивки или следами забитостей: 9 экз. (0,6%).

Коллекция также включает в себя несколько *галеk* со следами забитостей – 8 экз. (использовались в качестве отбойника?). Галька удлиненной узкой формы с негативами сколов с двух концов - 1 экз.

Керамика

Керамика, найденная вместе с каменными орудиями, имеет коричневый цвет, грубое тесто с примесью песка и растительных волокон (рис. 16, 17). В общей сложности найден **91 фрагмент**, не считая керамической крошки. Все фрагменты группируются следующим образом по толщине и орнаменту и принадлежат, как минимум, четырем сосудам:

Сосуд № 1: 11 экз. Фрагменты тонкостенных сосудов без орнамента (толщина 0,4-0,5 см). Из них 1 фрагмент венчика орнаментирован тонкими линиями нарезки по ровному срезу, 4 экз. со следами растительной примеси.

Сосуд № 2: 9 экз. Фрагменты тонкостенных сосудов со сглаженными шнуровыми отпечатками.

Сосуд № 3: 8 экз. Фрагменты керамики средней толщины (0,6-0,7 см) со сглаженными шнуровыми отпечатками.

Сосуд № 4: 63 экз. Большая часть фрагментов керамики представлена гладкостенными фрагментами средней толщины, без орнамента. Среди них есть 1 фрагмент венчика с прямым срезом и 1 экз. часть приостренного днища.

Имеющиеся апплицирующиеся фрагменты свидетельствуют о том, что соединение частей сосудов производилось встык. Спаи соединялись примазывающим движением теста от соединяемых частей разнонаправленными движениями – вверх, вниз как изнутри, так и снаружи. Часто наблюдается двухслойность фрагментов, вероятно, иллюстрирующих соединения двух частей теста внахлест (рис. 16 – 3, 7; рис. 17). Также двухслойность наблюдается на фрагментах приостренного днища (рис. 17), что было следствием намеренного его утолщения для усиления. В целом же, технологию формовки реконструировать сложно из-за небольшого количества диагностичных фрагментов, можно предполагать, формовку из широких и плоских лент. Технологической особенностью является использование примесей в виде разнотернистого песка и растительных волокон.

Костные остатки:

Мелкие неопределимые фрагменты - 20 экз.;

Amphibia gen. indet., плечевая кость – 1 экз. Определение выполнено к.б.н. Н. А. Щепиной (ГИН СО РАН).

Всего археологических находок: 1603 экз., а также 21 экз. мелких костей и фрагментов костей животных.

2.2. Ярцы Байкальские

Памятник расположен на восточном побережье оз. Байкал, в местности Ярцы Байкальские (рис. 18). Открыт в ходе разведочных работ Байкальской экспедиции Бурятского КНИИ СО АН СССР П. Б. Коноваловым в 1963 г. Тогда же производились первые раскопочные работы. Поскольку подъемный материал в основном фиксировался в обнажениях береговой террасы, постоянно подмываемой водами оз. Байкал, раскопы были заложены в 10-15 метрах от края береговой линии, западнее старой дороги Верхнеудинск – Усть-Баргузин. Полученные находки были определены предварительно неолитом – ранним бронзовым веком [Коновалов, 1964]. В раскопках принимал участие В. В. Свинин. Вся коллекция была передана им в Иркутский областной краеведческий музей для дальнейшей обработки и публикаций. Однако материал так и остался неопубликованным. Первоначальный осмотр памятника показал, что в результате увеличения уровня водного зеркала озера, границы раскопов 1963 г. оказались размывы и дальние от берега углы их еле читались в борту берегового уреза. Судя по отчету П.Б. Коновалова, раскопки велись на прибрежной полосе и материал, скорее всего, относится к эпохе бронзового века, причем не к ранним его этапам. По береговым обнажениям, образовавшимся как следствие постоянного подмыва водами озера, собран подъемный материал: фрагменты толстостенных сосудов (плоскодонных, баночной формы), каменные изделия (отщепы, скребки и т.д.).

Территория памятника на основании работ тех лет характеризовалась как свободный от леса участок у самого берега, но работами 2006 г. были установлены более широкие границы памятника и расширены его хронологические рамки.

Поселение занимает прибрежную полосу широкого участка, часть которого занята лесом (рис. 19). Центральная часть памятника, восточная окраина которой примыкает к полотну автодороги, занимала в древности привершинный уступ прибрежного террасового увала – делювиального шлейфа. И на этой части площади памятника находится старый карьер по

добыче грунта, а восточная периферийная часть была разрушена широким кюветом при строительстве автотрассы, вероятно, в 70-е гг. прошлого столетия.

2.2.1. Юго-восточный комплекс

Юго-восточный комплекс памятника занимает площади практически вплотную к старой насыпи – кюветному отвалу, образованному от работы экскаваторным ковшом при строительстве автодороги в советский период. Здесь зафиксировано два уровня залегания материала. Культурные остатки были зафиксированы в 2-х уровнях, на площади раскопа 103 кв. м.

В целом стратиграфическая ситуация одинаковая по всем стенкам, имеет четырехчленную структуру (рис. 20).

Стратиграфия западной стенки:

Литологические слои	Глубина, м
▪ Слой 1 - почвенно-дерновый горизонт небольшой мощности	0,05
▪ Слой 2 - темно-серая тонкозернистая супесь, включает отдельные угольки, небольшое количество не крупных дресвичек, гумусированная. По структуре слой плотный, слежавшийся. Нижняя граница слоя ровная, местами сnivelированная. Иногда в нем встречаются редкие и тонкие линзы желтоватого песка, а также линзы угля.	0,15 – 0,25
▪ Слой 3 - суглинок сильно опесчаненный, рыжевато-коричневого цвета (ржавого), плотный, средней сыпучести. Включает в себя крупнозернистый песок. Иногда в слое встречаются угольки или углистые линзы (западная и восточная стенки). В восточной стенке, в районе прирезки, этот слой состоит из двух подслоев: в верхней части рыжевато-ржавый (содержит материалы культурного горизонта 1) и в подошвенной части слабогумусированный желтоватый с рыжим оттенком (содержит материалы культурного слоя 2).	0,15 – 0,25
▪ Слой 4 - встречается преимущественно линзами, серый глинистый слой. Плотный в основании, а местами в серый цвет окрашивается и песок, как в середине восточной стенки. Слой сильно опесчаненный, местами содержание песка очень высокое, местами меньше. Слой очень плотный.	0,15 – 0,40
▪ Слой 5 - крупнозернистый песок палевого цвета (от палевого до темно-бурого), сыпучий. Вскрыт не на всей площади.	0,15-0,25
▪ Слой 6 - крупнозернистый песок, несколько более темного цвета, чем предыдущий. Вскрыт не на всей площади.	> 0,20

Юго-восточный комплекс, культурный слой 1

В верхнем горизонте материалы концентрируются вокруг пятен кострищ, что, по всей видимости, свидетельствует о временном сезонном характере заселения данной площадки. Основная масса находок относится к глазковской культуре, единичные предметы, в основном происходящие из контакта с дерновым слоем, могут быть определены более поздним временем.

Каменные артефакты (Табл. 2).

Нуклеусы и их фрагменты представлены микропризматическими формами – 7 экз. (1,82 %) (рис. 21 – 1, 3).

Микропризматические (конические) нуклеусы – 6 экз. (0,56%): у 2 экз. выражены гребень и киль; 2 экз. с прямым контрфронтом; 1 экз. является фронтальным фрагментом; 1 экз. представляет собой нуклеус в начальном процессе расщепления, без гребня и киля, с частичным сохранением первичной корки на ударной площадке. Ударные площадки во всех случаях прямые, подрабатывались с фронта.

Микропризматический (карандашевидный) нуклеус: 1 экз. (0,26%). Ударная площадка прямая, подработанная мелкими сколами с фронта и латералей, гребня нет, поскольку фронт практически замкнут по кругу. Киля нет, дистал несет следы латерального снятия, а также предшествовавших ему мелких снятий типа "перебора" карниза.

Заготовка микропризматического нуклеуса (преформа) – 1 экз. (0,26%), выполнена из небольшого желвака сырья. Сколом оформлена ударная площадка, по остальной поверхности сохраняется первичная корка.

Технические сколы: 7 экз. (1,82%). Делятся на сколы подработки ударной площадки и сколы подготовки фронта скалывания. Фронтальная часть нуклеуса подготавливалась созданием выпуклости на торце изделия сколами от края. Затем образовавшийся гребень снимался в виде первичной реберчатой микропластины (3 экз.). Ударные площадки нуклеусов подживлялись со стороны фронта сколами типа «таблетки» (2 экз.). На первоначальном этапе расщепления нуклеуса такой скол имел вытянутую

форму (1 экз.). Вместе с тем ударная площадка могла подправляться и со стороны латерали (1 экз.).

Орудия

Микропластины-вкладыши: 26 экз. (6,7%). Микропластины чаще представляют собой фрагменты. Те из них, что имеют следы утилизации или ретушь в большинстве имеют более- менее ровные огранку и профиль. Из них:

Микропластины с ретушью: 14 экз. (3,6%). Ретушь краевая отвесная, крутая и пологая на латеральных с вентральной или дорсальной сторон, с дорсальной стороны на одной латерали и вентральной на другой, противоположащая. Среднеразмерная с параллельными фасетками ретушь вентральная на одной из латералей имеется на 1 экз. Еще на 1 экз. имеется противоположащая микроретушь крутая и отвесная на двух латеральных, формирующая небольшие выемки – участки аккомодации (медиальный фрагмент). Тронкирование дистала параллельными тонкими снятиями и микроретушь утилизации на одной латерали имеет 1 экз.

Микропластины с ретушью утилизации регулярной и нерегулярной: 12 экз. (3,1%). Следы утилизации присутствуют на латеральных как с дорсальной стороны, так и с вентральной.

Проколки: 6 экз. (1,56%). Все изделия этой категории выполнены на микропластинах. Оформлены острия в основном на их дистальных частях мелкой краевой отвесной, крутой и реже пологой ретушью с дорсальной стороны (3 экз.), дорсальной и вентральной (1 экз.), или же противоположащими вентральной среднеразмерной пологой, крутой ретушью в сочетании с мелкой краевой крутой дорсальной (1 экз.), с крутыми фасетками субпараллельной ретуши на одной латерали и двухсторонними мелкими и средними фасетками пологой ретуши на другой (1 экз.).

Скобель на микропластинке: 1 экз. (0,26%). Рабочий край скобеля на микропластинке вогнутой формы, оформлен на одной латерали мелкой крутой ретушью с дорсальной стороны.

Резцы: 5 экз. (1,3%). Все резцы трансверсальные. На пластинчатых отщепах - 3 экз., на фрагменте отщепа – 1 экз., на пластинке – 1 экз. На 1 экз. резцовый скол снят почти перпендикулярно главной оси, в другом случае резцовым сколом образован резко скошенный торец. Ретушь на латералиях, как правило, притупляющая - краевая мелкая крутая или отвесная дорсальная. У 2 экз. рабочий край локализуется на проксимале. Вероятно, эти изделия переотложены из нижележащего горизонта.

Пластина с ретушью: 1 экз. (0,26%). Ножевидное изделие на пластине, без дистала. Рабочий край оформлен мелкой краевой пологой ретушью на вентральной поверхности в медиальной части, а на второй латерали дорсальной мелкой крутой в медиальной части.

Наконечники всего: 2 экз. (0,51%) (рис. 22 – 2). *Наконечники* стрел вытянуто-треугольной формы. Один имеет диагонально-ассиметричную базальную часть, второй - слабо вогнутую. Оба с двухсторонней обработкой, но у второго фасетки параллельные и субпараллельные уплощающие, снимавшиеся со стороны латералей.

Микроскребки: 9 экз. (2,33%) (рис. 21 – 4, 11, 12), представленные *боковыми* - 7 экз.; *с рабочим краем, оформленным на дистале* - 2 экз.

Боковые на отщепах с прямым рабочим краем – 4 экз., с округлым рабочим краем – 3 экз. оформлены на дорсальных плоскостях мелкой краевой крутой ретушью – 3 экз., мелкой и среднеразмерной крутой – 2 экз., мелкой краевой крутой и отвесной – 1 экз., а на вентральной стороне краевой мелкой крутой ретушью и микроретушью утилизации – 1 экз. На 2 экз. оформлены участки аккомодации: 1 экз. – на латералиях вентральной мелкой крутой ретушью в виде выемок, 1 экз. – противоположная рабочему краю латераль подработана утончающими субпараллельными двухсторонними снятиями.

Микроскребки с рабочим краем, оформленным на дистале на отщепах: 1 экз. – микросребок на первичном отщепае, рабочий край округлой формы с ретушью отвесной среднеразмерной формирующей и мелкой краевой на дистале с дорсальной стороны; 1 экз. – скребок на крупном вторичном отщепае,

рабочий край оформлен на дистале пологой мелкой и среднеразмерной нерегулярной ретушью с дорсальной стороны.

Нож на сланцевой плитке: 1 экз. (0,26%). Округлой формы, с размерами 5,2х4,7х0,8 см, рабочий край оформлен по окружности крупнофасеточной ретушью с двух сторон.

Стерженек каменный: 1 экз. (0,26%) (рис. 22 – 1). Стерженек «байкальского» типа - 1 экз. Уплощенный, в верхней более узкой части имеются тонкие полосы нарезки, в нижней более широкой с боку имеется выемка для крепления линя. Вероятно, это изделие переотложено и относилось к нижнему неолитическому горизонту 2. Не исключено и переиспользование предмета обитателями горизонта 1, в котором он и был найден.

Сколы без следов работы

Микропластины без ретуши: 41 экз. (10,0%). Из них 8 экз. имеют неровную огранку (2 экз.), закрученную форму (4 экз.) или изогнутый профиль (2 экз.), по причине чего, видимо, были выбракованы.

Пластинки без ретуши: 3 экз. (0,78%).

Пластинчатые отщепы без ретуши: 19 экз. (4,0%).

Пластинчатые сколы без ретуши: 4 экз. (1,3%).

Отщепы без ретуши: 171 экз. (44,0%), в том числе: микроотщепы – 75 экз.

Сколы без ретуши: 70 экз. (18,0%), в том числе: микросколы – 11 экз.

Гальки и желваки сырья: 5 экз. (1,3%). Крупный фрагмент гальки (размеры: 9,3х5,8х4см) глинистого сланца, оббитый с одного конца - 1 экз.; небольшой халцедоновый желвак -1 экз.; небольшая галька, красноватый яшмоид - 1 экз.; крупная гранитная плоская галька - 1 экз.; мелкая галечка, глинистый сланец – 1 экз.

Предметы из бронзы: 5 экз. (1,3%) (рис. 21 – 17; рис. 23 – 8). Небольшие и мелкие фрагменты не определимых бронзовых изделий, цвет светло-зеленый, что говорит, вероятно, о большом содержании меди.

Керамика: 679 фрагментов (рис. 21 – 6-10; рис. 23 – 1-7), принадлежащих как минимум 19 сосудам. Среди можно выделить следующие типологические группы: 1) тонко и гладкостенные с плотными поясами оттисков отступающей лопатки, а также в некоторых случаях с «жемчужным» орнаментом; 2) тонкостенные с штриховым или шнуровым декором; 3) с ногтевыми насечками; 4) с рядами гребенчатого штампа; 5) с пунктирными линиями; 6) с наlepными валиками, рассеченными 2-зубчатым орнаментом или насечками, относящиеся к позднему бронзовому веку; 7) гладкие и без орнамента, плоскодонные (средневековые).

Сосуд № 1: 5 фрагментов глазковского сосуда, на внешней стороне имеются оттиски плотных рядов прямоугольного стека, цвет кирпичный, в тесте мелко и среднезернистый песок.

Сосуд № 2: 40 фрагментов - глазковский сосуд, на внешней стороне имеются неплотные ряды оттисков прямоугольного штампа, на № 16 имеется жемчужина, цвет бледно-кирпичный, в тесте мелко и среднезернистый песок;

Сосуд № 3: 13 фрагментов стенок, заглаженных, без орнамента, толщиной около 0,5 см, цвет от бледно-кирпичного до темно-коричневого. В тесте есть примесь мелко и среднезернистого песка.

Сосуд № 4: 3 фрагмента тонкостенного (0,3 см) сосуда с отпечатками заглаженного штриха с внешней стороны. Цвет от бежевого до темно-коричневого. В тесте мелкий и среднезернистый песок.

Сосуд № 5: 4 фрагмента с оттисками пунктирных линий, замкнутые, бледно-палевые и бежевые по цвету, в тесте имеют примесь мелко и среднезернистого песка. На одном фрагменте от горизонтальных линий пунктира идут вертикальные линии вниз.

Сосуд № 6: 61 фрагмент принадлежат сосуду хайтинского типа, залегающему в основном в слое 2, т.е. судя по всему переотложены, вероятно, в процессе вертикального перемещения в песчаных рыхлых отложениях в результате роста корней деревьев или подобных явлений. Фрагменты тонкостенного сосуда с отпечатками тонкого витого шнура с внешней стороны

и такими же отпечатками, но заглаженными изнутри. Венчик слегка отогнут, срез прямой по нему идут оттиски прямоугольной лопаточки. Под горловиной, в верхней части тулова сосуда имеется орнаментальная композиция, составленная из прочерченного зигзага (или волны), под которым идут параллельные полосы, оставленные тем же проташенным тонким стеклом. Завершается композиция зигзагом. Часть фрагментов, вероятно, представляет придонную часть сосуда. Эти фрагменты чуть более утолщенные (0,4 см), чем стенки и на них фиксируются разнонаправленные оттиски шнура.

Сосуд № 7: 6 фрагментов тонкостенного сосуда с заглаженными шнуровыми отпечатками с внешней стороны. Внутренняя сторона заглажена, на одном фрагменте имеются наклонные оттиски мелкозубчатой отступающей лопатки полулунной формы. Цвет бежевый, бледно-кирпичный, розоватый, в тесте присутствует примесь мелкозернистого песка.

Сосуд № 8: 223 фрагмента глазковского сосуда с прямым срезом венчика, слегка утолщенным, по которому идут слабо выраженные косые неровные насечки. Вдоль края с внешней стороны идут плотные горизонтальные ряды из плотных же оттисков мелкозубчатого прямоугольного стека. Заглаженными стенками без орнамента, толщиной 0,5-0,7 см (вероятно от разных частей сосуда), цвет от розовато-бледно-кирпичного до серого цветов, в тесте мелко и реже среднезернистый песок, внутренняя сторона также гладкая. Цвет бежевый, бледно-кирпичный. В тесте содержится мелко и среднезернистый песок.

Сосуд № 9: 153 фрагмента - глазковский сосуд с оттисками прямоугольного стека, но не очень плотными, а также жемчужинами примерно через 0,8 см друг от друга под краем. Срез венчика прямой с отпечатками того же прямоугольного штампа. Цвет бледно-кирпичный, в тесте мелко и среднезернистый песок.

Сосуд № 10: 13 фрагментов - глазковский сосуд того же типа, что сосуд №1, но срез не орнаментирован и не утолщен. По внешней стороне плотные

пояса от самого края из оттисков прямоугольного стека. Цвет такой же бледно-кирпичный, стенки тонкие. Тесто содержит мелко и среднезернистый песок.

Сосуд № 11: 3 фрагмента гладкостенного сосуда с ногтевидными насечками, толщина 0,6-0,7см, цвет серо-бежевый, изнутри сероватый, в тесте содержится мелкозернистый песок.

Сосуд № 12: 8 фрагментов тонко и гладкостенных сосудов (сосуда?) с оттисками углового узкого штампа, в двух случаях комбинирующегося с плотными рядами оттисков небольшого округлой формы стека и ногтевидными насечками на одном фрагменте. Цвет от розоватого до серо-бежевого, в тесте есть примесь мелко и среднезернистого песка.

Сосуд № 13: 40 фрагментов тонкостенного сосуда с заглаженными отпечатками штриха, орнаментированного рядом из редких оттисков отступающего узкого прямоугольного стека. Цвет от бежевого до розовато-бледно-кирпичного, в тесте мелкозернистый песок, реже средние фракции песка, внутренняя сторона гладкая, толщина 0,3-0,4см.

Сосуд № 14: 4 мелких замытых фрагмента тонкостенного сосуда с пунктирным орнаментом, цвет бледно-кирпичный и бежевый, в тесте примесь тонко, мелко и реже среднезернистого песка.

Сосуд № 15: 7 фрагментов заглаженного с обеих сторон сосуда, с внешней стороны орнаментированного наlepным валиком, рассеченным 2-зубчатым штампом. По внешнему краю прямого среза венчика идут те же оттиски 2-зубчатого штампа. Цвет фрагментов снаружи бледно-кирпичный, изнутри серый в тесте содержит мелкозернистый песок, мелкие и тонкие растительные волокна.

Сосуд № 16: 3 фрагмента гладкостенного сосуда с приостренно-овальным срезом венчика. Вдоль края, на расстоянии около 2 см идет пояс из наlepного валика, рассеченного косыми нарезками. С внутренней стороны имеется небольшое подтреугольное утолщение. Цвет бледно-кирпичный, в тесте есть примесь в виде мелко и среднезернистого песка, а также шамота. Из них 1 экз. – фрагмент стенки сосуда с шероховатой внешней поверхностью, по

одному краю которого слом произошел по спаю ленты, имевшей небольшой нахлест или скорее небольшую примазку с внутренней стороны, когда крепление лент производилось встык.

Сосуд № 17: 5 фрагментов тонкостенного сосуда с оттисками гребенчатого штампа: в одном случае зафиксированы наклонные ряды гребенчатого штампа, еще в одном – встречные, образующие «елочный» орнамент. Цвет фрагментов от серовато-кирпичного до серо-бежевого. В тесте тонкозернистый песок и отдельные среднего размера фракции песка.

Сосуд № 18: 52 фрагмента плоскодонного сосуда с толщиной стенок от 0,6-0,7 см, вероятно средневекового, без орнамента. Венчик с заovalенным краем слегка отогнут. Имеется один фрагмент днища, свидетельствующий о донно-емкостной программе начина. Поверхности заглажены, но немного шероховатые, со следами затиранья пучком травы (?) – тонкими горизонтальными полосками. На некоторых фрагментах имеется слой нагара с внутренней и реже внешней стороны. Цвет фрагментов серый, темно-бежевый, темно-коричневый. Тесто достаточно однородное, с включениями тонких, реже мелких зерен песка.

Сосуд № 19: 5 фрагментов позднего сосуда с гладкими стенками, тонким слоем нагара изнутри, серовато-коричневые, бледно-кирпичные по цвету. Венчик с прямым и заovalенным срезом, утолщенный подтреугольной формы налепом с внутренней стороны. Тесто однородное, без видимых примесей.

Мелкие фрагменты и керамическая крошка: 31 экз.

Костные остатки: 18 экз. Определения фаунистических остатков выполнены к.б.н. А.М. Клементьевым

1. *Cervus elaphus* (благородный олень) – 6 экз.: фрагмент ребра – 1; правая пяточная кость – 1 фрагмент; центротарсальная кость – 1; фрагмент нижнего эпифиза голени – 1; проксимальный фрагмент плюсневой кости – 1; фрагмент тазовой кости – 1.

2. *Equus* sp. (лошадь) – 2 экз.: верхний нестертый зуб – 1; нижний зуб молочной смены – 1.

3. Фрагменты ребра крупного копытного – 2 экз.;
4. Поясничный позвонок среднеразмерного копытного (?МРС/косуля) — 1 экз.;
5. Неопределимые фрагменты – 5 экз.;
6. Неопределимые фрагменты зубов – 2 экз.

Всего археологических находок: 1064 экз. и 18 фрагментов костных остатков.

Юго-восточный комплекс, культурный слой 2

В нижележащем культурном горизонте фиксировались фрагменты керамики с оттисками технического декора – штриха, от тонкостенных сосудов. Тесто опесоченное, более рыхлое, чем у фрагментов вышележащего горизонта. Венчик прямой, по срезу имеет оттиски отступающего стека. Из каменных изделий встречены: торцовый клиновидный нуклеус, отщепы, скребки, пластинки – из яшмоидов, реже халцедона и других материалов.

Концентрация материалов увеличивается к южным квадратам раскопа № 4, и к северным квадратам раскопа № 3, а также почти на всей площади южной прирезки к раскопу № 4. Часть данного участка концентрации материала (восточная периферия) была разрушена земляными работами в советский период.

Каменные артефакты (Табл. 3).

Нуклеусы: 1 экз. (0,45%) (рис. 24 – 1). Торцовый клиновидный, сильно сработан, оформлен, видимо, на отщепе. Ударная площадка сильно скошена к контрфронт - гребню, оформлена продольными снятиями. Гребень и киль имеют среднеразмерные фасетки подработки от края. Фронт несет негативы снятия прямых и изогнутых в профиль микропластин.

Технические сколы: 3 экз. (1,35%). *Краевой пластинчатый скол* - 1 экз. (0,45%) (рис. 24 – 2);

Скол поджигления ударной площадки, снятый со стороны фронта, по типу скола «таблетки», но удлинённый - 1 экз. (0,45%);

Скол оформления фронта нуклеуса, дорсальная часть несет негатив предыдущего реберчатого скола, скол имеет выгнутую форму, снят с фронта, есть выраженная ударная площадка и мелкие сколы "перебора" - 1 экз. (0,45%).

Орудия

Микропластины-вкладыши: 5 экз.

Микропластины с ретушью: 3 экз. (1,35%). Ретушь регулярная и нерегулярная мелкая краевая на латералиях с вентральной или дорсальной стороны. Из них - 2 экз. представлены закрученными микропластинами без дистала.

Микропластины с ретушью утилизации: 2 экз. (0,9%). Следы утилизации на латералиях с дорсальной стороны.

Проколка на микропластине, оформленная противоположащей утилизационной ретушью на дистале - 1 экз. (0,45%).

Резцы: 4 экз. (1,8%) (рис. 25 – 1-4). Трансверсальные резцы, из которых: 2 экз. на тонких и плоских пластинчатых отщепах, резцовый скол почти прямой. Латерали подработаны притупляющей мелкой краевой крутой и отвесной ретушью с дорсальной стороны. Еще 2 экз. выполнены на треугольных сегментах отщепов, а резцовые сколы трансверсальные, оформлены на проксимале. Эти изделия также имеют притупляющую ретушь на краях.

Ножевидные изделия на пластинах: 2 экз. (0,9%), с мелкой краевой пологой дорсальной ретушью.

Пластинчатый скол с ретушью утилизации: 1 экз. (0,45%). Ножевидное изделие, с ретушью утилизации противоположащей.

Микроскребки: 4 экз. (1,8%).

Микроскребки с округлой формы рабочим краем на отщепах, оформленными на дорсальной стороне мелкой краевой полукрутой и отвесной ретушью (2 экз.) и полукрутой ретушью с удлиненными параллельными фасетками (1 экз.).

Микроскребок с округлой формы рабочим краем на пластинчатом отщепе. Рабочий край полукруглый, оформлен на проксимале с дорсальной стороны мелкой краевой, на одной латерали имеется полукрутая среднеразмерная параллельная ретушь (1 экз.).

Скобель: 1 экз. (0,45%). Изготовлен из отщепа. Рабочий край вогнутой формы оформлен с дорсальной стороны среднеразмерной и мелкой краевой крутой ретушью.

Тесловидное изделие (заготовка?): 1 экз. (0,45%). Изделие из темно-серого глинистого сланца, выполненного на первичном отщепе. Оформлено изделие подтеской средними, крупными, крутыми и короткими фасетками на вентральной поверхности. Рабочий край оформлен на менее массивной или тонкой части, форма придана боковой подтеской. На одной латерали имеется выемка типа анкоша. С другой стороны анкоша нет, но есть крутая подтеска, в результате предмет имеет слабовыраженные "ушки".

Сколы без следов работы

Микропластины без ретуши: 8 экз. (3,6%), представлены разными фрагментами без дистала и проксимала, медиальными частями.

Пластинка: 1 экз. (0,45%), проксимальный фрагмент, без ретуши.

Пластинчатые отщепы без ретуши: 9 экз. (4,5%).

Отщепы без ретуши: 154 экз. (69,3%). Из них: микроотщепы – 64 экз.

Сколы без ретуши: 26 экз. (11,7%).

Галечка: 1 экз. (0,45%). Среднего размера, плоская. Обработки не имеет.

Керамические изделия

Керамика: 201 фрагмент (рис. 26-30), как минимум, от 13 сосудов. Типологически их можно подразделить на 5 типов: 1) с ногтевидными насечками; 2) гладкостенные; 3) с пунктиром; 4) шнуровые; 5) со штриховыми отпечатками.

Сосуд № 1: 1 фрагмент с ногтевидными насечками, бежевый, содержит мелко и среднезернистый песок.

Сосуд № 2: 2 фрагмента тонкостенного сосуда гладкого, без орнамента с прямым срезом. Цвет розовато-бежевый, в тесте примесь мелко и среднезернистого песка.

Сосуд № 3: 1 мелкий фрагмент тонкостенного сосуда, без орнамента, гладкий, в тесте мелкозернистый песок, цвет серовато-бежевый.

Сосуд № 4: 3 фрагмента тонкостенного сосуда (толщина 0,4 см) темного оттенка серовато-коричневого цвета. В тесте содержались тонкие и короткие растительные волокна и мелкозернистый песок. Внешняя поверхность заглажена, хотя, возможно, отпечатки шнура просто сильно заглажены. *Сосуд №5:* 10 фрагментов стенок сосуда, гладкие без орнамента толщиной 0,5-0,8 см. Цвет бледно-кирпичный, бежевый, в тесте мелко и реже среднезернистый песок и крупные фракции песка, а также тонкие растительные волокна. Обе стороны заглажены, но слегка замыты.

Сосуд № 6: 14 фрагментов тонко и гладкостенного сосуда без орнамента, цвет бледно-палевый. В тесте есть мелко и среднезернистый песок. Толщина 0,3-0,4см.

Сосуд № 7: 1 фрагмент венчика тонкостенного сосуда, с прямым срезом, орнаментированным косыми оттисками пунктира. На внешней стороне также имеются горизонтальные оттиски пунктира. Изнутри заглажен. Цвет бежевый, на сломе серый. В тесте много примеси мелко и среднезернистого песка, а также тонких растительных волокон.

Сосуд № 8: 130 фрагментов тонкостенного сосуда с отпечатками тонкого витого шнура с внешней стороны и такими же отпечатками, но заглаженными изнутри. Венчик слегка отогнут, срез прямой, по нему идут оттиски прямоугольной лопаточки. Ниже, в верхней части тулова сосуда имеется орнаментальная композиция, составленная из прочерченного зигзага (или волны), под которым идут параллельные полосы, оставленные тем же проташенным тонким стеклом. Завершается композиция зигзагом. Часть фрагментов, вероятно, представляет придонную часть сосуда. Эти фрагменты чуть толще (0,4 см), на них фиксируются разнонаправленные оттиски шнура.

Судя по характеру фрагментации сосуда, а также нескольким фрагментам, сломы которых произошли по спаям, можно заключить, что сосуд изготовлен ленточным способом. Цвет фрагментов в основном однородный – бежевый, реже палево-коричневый, темный с тонким слоем нагара. Тесто содержит тонко и мелкозернистый песок, в небольшом количестве. Фрагменты локализовались в основном возле временного небольшого кострища. В слое 1 зафиксирован 61 фрагмент от данного сосуда (переотложены, вероятно, в процессе вертикального смещения корнями деревьев).

Сосуд № 9: 3 фрагмента с заглаженными отпечатками шнура, отличаются от предыдущего по толщине (0,4-0,5 см) и цветности (палевый). На внутренней стороне фиксируется тонкий слой пищевого нагара. В тесте примесь песка.

Сосуд № 10: 27 фрагментов шнурового сосуда с отогнутым венчиком: 11 экз. – мелкие фрагменты стенок с заглаженными отпечатками шнура, 8 экз. – апплицируются. Цвет от темно-бежевого до бледно-кирпичного, изнутри гладкие с нагаром, в тесте мелко и среднезернистый песок. Венчик отогнут наружу, срез венчика прямой, орнаментирован оттисками мелкозубчатой лопатки. Под устьем начинается орнамент из оттисков полулунной отступающей лопатки с мелкозубчатым окончанием. Композиция построена из групп полукруглых линий оттисков лопатки, расположенных в несколько рядов (на расстоянии около 1 см). Каждая группа сопряжена с другой немного под углом. Фрагменты от придонной части потолще (0,6 см), линии шнурового декора на них пересекаются. Днище сосуда было, вероятно, округлым (приостренным?), фрагменты были найдены у временного очага, оформленного 2-мя плоскими небольшими плоскими камнями, поставленными под наклоном в стенки небольшого углубления. О временности очага свидетельствует небольшое количество угольков, а также отсутствие прокала.

Сосуд № 11: 1 тонкостенный фрагмент бежевого цвета (толщина 0,4см). С внешней стороны имеются сильно заглаженные отпечатки шнура. В тесте мелкозернистый песок и следы тонких волокон.

Сосуд № 12: 5 фрагментов тонкостенного сосуда с заглаженными оттисками шнура, толщиной 0,3-0,4 см. Цвет серовато-бежевый, бледно-кирпичный, в тесте содержится мелко и среднезернистый песок, отдельные крупные фракции песка.

Сосуд № 13: 3 мелких фрагмента с отпечатками штриха, толщиной 0,5-0,6см, розовато-кирпичные по цвету, в тесте содержат мелко и среднезернистый песок.

Костные остатки: 3 экз. мелких неопределимых фрагментов.

Всего археологических находок: 423 экз. и 3 фрагмента костей.

2.2.2. Центральный комплекс

Центральным комплексом назван участок памятника, геоморфологически привязанный к наиболее высокой части террасовидного уступа, вершина которого была разрушена старым карьером. Раскоп был заложен восточнее карьера. Площадь вскрытия составила 79 кв. м. Археологический материал Центрального комплекса залегает в нескольких стратиграфических позициях, всего выделено 5 культурных слоев (рис. 31).

Центральный комплекс, стратиграфия:

Литологические слои	Мощность, м
Слой 1 - почвенно-дерновый слой, мощность около 10 см, заполнен корневой системой кустарников и т.д. Культурный слой 1а.	0,10
Слой 2 - супесь темно-серая, пылеватая, тонкая, включает небольшое содержание мелко и тонкозернистого песка. Слой плотный. Культурный горизонт 1б.	0,20 – 0,45
Слой 3 - желтовато-палевый (светло-рыжеватый) слой супеси, слабо оглиненной, с включением среднезернистого песка. Основа тонкая и пылеватая. На стыке литологических слоев 2 и 3, в самой кровле слоя – культурный горизонт 1в. В слое – культурный слой 1 в. В подошве слоя – яма, культурный слой 2а.	0,10 – 0,20
Слой 4 - линзовидный слой светло-серой (белесоватой) глины, слабо опесчаненной, плотной.	0,15 – 0,50

- Слой 5 - песок сыпучий, но довольно плотный, рыжий (от светлых до насыщенных оттенков), крупнозернистый. В стенке по линии Г'7 – Г'11 практически по самому низу. Видимая мощность небольшая. > 0,10-0,50

К западной стенке все отложения более мощные.

Вышележащий культурный слой (обозначен, как 1а) содержит средневековый материал: керамику, железные кресало и нож. А также кости животных. Материал концентрируется вокруг небольшого размера ритуальных кладок.

Гумусированный слой серой супеси – литологический слой 2 включает культурный слой 1б, содержащий керамику «сеногдинского» типа и отнесенный к развитому бронзовому веку.

Культурные слои 1в (кровля слоя 3) и 2 отнесены к раннему бронзовому веку, а неолитические материалы относятся к уровню 2б.

На стыке литологических слоев 2 и 3, или скорее в кровле литологического слоя 3 (культурный слой 1в) в кв. Б 8 – Б 9 зафиксированы фрагменты сосуда, орнаментированного горизонтальными поясами пунктирного орнамента, прерывающегося столбцами, состоящими из коротких линий оттисков того же штампа, только косо поставленного. Венчик ровно срезан. Техникou нанесения пунктирного орнамента является прокатывание зубчатого колесика.

В следующем слое 2, практически в тех же квадратах (В, Г – 1, 2), что и предыдущий сосуд, был найден во фрагментированном виде, другой сосуд, типологически относимый к раннему бронзовому веку. Вокруг остатков сосуда фиксировалось пятно прокала и угольки. Стенки сосуда тонкие, гладкие. Венчик профилированный – слегка отогнут во внешнюю сторону. Орнамент располагается поясами в верхней части сосуда. Срез венчика орнаментирован косыми насечками. По краю венчика идет пояс в три ряда «жемчужин», ниже которого расположены плотные горизонтальные ряды оттисков широкой подтреугольной формы отступающей лопатки с зубчатым окончанием, прерывающиеся столбцами из зигзагообразной линии оттисков

того же штампа. Диаметр устья около 20 см, вероятная высота сосуда около 30 – 35 см.

После разбора «пятна» с остатками сосуда глубже примерно на 30 см обнажилось следующее «пятно» более светлого цвета - контуры округлой ямы. В ней (яме) найдены фрагменты керамики с более рыхлой и более песчаной структурой теста, и более хрупкие и тонкие по сравнению с остатками вышеописанного сосуда. Фрагменты носят оттиски отступающей лопатки (с мелкозубчатый окончанием) и штриховой техникой декор. А также микролит – наконечник стрелы «даурского» типа, микропластинки и т.д. Ниже после снятия находок на дне ямы обнажился контур трапециевидной формы, (остатки корзины). Материал ямы отнесен ко 2а культурному слою.

По всей видимости, раскопом был вскрыта периферийная часть пространства, обитаемого в неолите и раннем бронзовом веке.

Центральный комплекс, культурный слой 1в

Каменные артефакты (Табл. 4).

Нуклеусы: 2 экз. (6,2%) (рис. 32 – 1, 13) микропризматические: 1 экз. – конический, контрфронт на естественном гребне и только в килевой части оформлен снятиями, ударная площадка прямая, оформлена короткими сколами с фронта; 1 экз. – микропризматический, бочонковидный, контрфронт прямой, сохраняет естественную корку, дистал прямой, кия нет, ударная площадка прямая, оформлена короткими сколами с фронта.

Технические сколы: 2 экз. (6,2%). Краевые сколы подготовки фронта (реберчатые) – 2 экз.

Орудия

Микропластины-вкладыши: 6 экз. (рис. 32 – 7, 8). Микропластины с ретушью - 4 экз. (12,5%): медиальные фрагменты, ретушированы все только по одной из латералей с вентральной стороны. Ретушь краевая субпараллельная мелкая крутая – 1 экз., полукрутая – 2 экз., пологая – 1 экз.

Все эти микропластины изготовлены из серого кремня, вероятно, были вкладышами в одном изделии.

Микропластинки с ретушью утилизации - 2 экз. (6,2%): без дистала с нерегулярной ретушью утилизации на одной латерали с дорсальной стороны - 1 экз.; целая микропластинка, с регулярной краевой микроретушью утилизации на небольшом участке одной из латералей с дорсальной стороны - 1 экз.

Острые даурского типа: 1 экз. (3,1%) (рис. 32 – 2). Выполнено из микропластины формирующей рабочий край среднеразмерной краевой пологой ретушью с вентральной стороны на обеих латеральных, а также с дорсальной – среднеразмерной краевой крутой и полукрутой ретушью. На проксимале противоположающей крутой среднеразмерной ретушью оформлен "черешок" в виде сужения.

Пластинка с ретушью: 1 экз. (3,1%). Ножевидное изделие на медиальном фрагменте, оформленное мелкой краевой пологой ретушью с дорсальной стороны.

Пластинчатый отщеп с ретушью утилизации: 1 экз. (3,1%). Ножевидное изделие, на пластинчатом отщепе среднего размера, на одной из более тонких латералей которого имеется краевая ретушь утилизации. Сырье экзотическое - горный хрусталь.

Микроскребок: 1 экз. (3,1%). Боковой микроскребок на мелком вторичном отщепе. Его полукруглый рабочий край оформлен на латерали со стороны спинки краевой среднеразмерной параллельной отвесной и мелкой отвесной ретушью.

Сколы без следов работы

Микропластины без ретуши - 9 экз. (28,4%). Слабо изогнутые, закрученные – 4 экз., из них 2 экз. – с неправильной огранкой.

Пластинчатые отщепы без ретуши: 3 экз. (9,4%).

Отщепы без ретуши: 4 экз. (12,5%), в том числе микроотщепы – 2 экз.

Сколы без ретуши: 2 экз. (6,2%).

Керамика: 285 фрагментов (рис. 32 – 3-6, 9-12; рис. 33 – 1-11), принадлежащих примерно 8 сосудам, представленных 4 типами: 1) сосуды с пунктирным орнаментом; 2) со штриховыми отпечатками; 3) гладко и тонкостенные; 5) гладкостенный сосуд, представленный фрагментами донной и придонной части; 6) гладкостенный плоскодонный сосуд со средней толщины стенками (средневековый).

Сосуд №1: 145 фрагментов. Орнамент нанесен по заглаженной поверхности. Внутренняя сторона гладкая, без орнамента. Линии пунктира параллельные, горизонтально расположенные, изредка кривые – результат соскальзывания орнаментира (?). Наносились, вероятнее всего, многозубчатым валиком в технике прокатывания. На отдельных фрагментах выражено-выпуклых, вероятно, фрагментах придонной округлой части сосуда орнамент сходится под углом. Ряды горизонтального пунктира пересечены вертикальными узкими столбцами из оттисков косо-поставленного узкого прямого стека, расположенных на некотором расстоянии друг от друга. Зубчики орнаментира мелкие, в основном правильной квадратной формы. Оттиски зубчиков в основном хорошо выраженные, четкие. Часть фрагментов представляет собой отслойки внешней либо внутренней сторон. Слом сосуда произошел, вероятно, в основном по линиям спаев лент (на некоторых фрагментах есть следы сломов по спаям внахлест), хотя утверждать это сложно из-за мелких размеров имеющихся фрагментов. На фрагменте апплицирующемся из 2 частей, имеются сквозные просверленные с лицевой стороны отверстия, имеющие коническую форму, возможно, предназначались для ремонта треснувшего сосуда. Такое предположение подтверждается тем, что сверление производилось не по сырому изделию. Цвет с внешней стороны бледно-розовато-кирпичный, с внутренней серый и серовато-бежевый. В тесте содержится мелко и среднезернистый песок, редкие включения коротких и тонких растительных волокон. Содержание отощителя в разных фрагментах разное, не равномерное, хотя в целом его не очень много.

Сосуд №2: 78 фрагментов. (из них 8 фрагментов – слой 1б). Этот сосуд отличается тонкостью стенок, зубцы орнамента чуть шире, чем у предыдущего сосуда. Также линии пунктира наносились поверх заглаженной поверхности и прерываются вертикальными столбцами из наклонных оттисков узкого прямого стека. В тесте содержится мелкий песок, редко тонкие волокна. На некоторых есть просверленные отверстия на одном следы сверления, но не сквозного.

Сосуд №3: 35 фрагментов. Очень тонкие (0,3 см) и хрупкие фрагменты, с отпечатками тонкого штриха. Из них: 5 средние по размеру; 6 экз. – мелкие; 12 экз. – очень мелкие. На внешней имеются тонкие штриховые отпечатки, причем на некоторых фрагментах пересекающиеся. Внутренняя сторона гладкая. Есть один мелкий фрагмент, край которого с внешней стороны имеет след отслойки по месту спаивания внахлест. Цвет фрагментов темно-бежевый, в тесте содержится мелко и реже среднезернистый песок.

Сосуд №4: 2 мелких фрагмента тонкостенного сосуда, серовато-бежевого цвета, гладкие, без орнамента. В тесте содержится тонкозернистый песок

Сосуд №5: 4 мелких гладких фрагмента без орнамента. Толщина 0,4-0,6см. По цвету от розовато-палевого до темно-коричневого.

Сосуд №6: представлен средним по размеру фрагментом без орнамента серого цвета, слегка замытым. Внутренняя сторона гладкая, с внешней стороны и на сломе заметны включения тонких растительных волокон, а также мелкие зерна песка.

Сосуд №7: 7 фрагментов (слой 1б) толстостенной керамики (от придонной и донной частей), гладкой без орнамента. Цвет снаружи и изнутри светло-коричневый, на сломе почти черный. Тесто рыхлое, с содержанием мелко и среднезернистого песка и, возможно, сильно измельченных волокон. Фрагменты на сломе двухслойные, что делалось, вероятно, для укрепления днища (средневековые).

Сосуд №8: 11 фрагментов заглаженных с двух сторон, без орнамента, средней толщины (0,7 см). Цвет серо-темно-коричневый, есть слой нагара на внутренней стороне. Тесто содержит мелко и среднезернистый песок.

Мелкие, неопределимые: 2 фрагмента.

Всего археологических находок: 317 экз.

Центральный комплекс, культурный слой 2а

Каменные артефакты (Табл. 5).

Микропластина без дистальной части, с ретушью утилизации на одной латерали - 1 экз. (33,3%).

Скол: 1 экз. (33,3%).

Галька мелкого размера – 1 экз. (33,3%).

Керамика: 100 фрагментов от 2 сосудов (рис. 34, 35):

Сосуд №1: 99 фрагментов, из них апплицируются 44 фрагмента. Глазковский сосуд со слегка отогнутым наружу венчиком, профилированный. Реконструируется не полностью, поскольку не хватает многих частей от дна сосуда. Вероятная общая высота около 30 см. Диаметр по тулову составляет 26,2 см; диаметр устья 21,5см; реконструируемая высота 24,5см; толщина 0,4-0,6см; толщина среза 0,7-0,8см. Срез венчика плоский, украшен насечками. Вдоль края три пояса жемчужин, ниже от изгиба шейки идут 9 горизонтальных поясов сплошных оттисков отступающей лопатки полукруглой формы, но в середине полудуги окончания имеющей приострение. Эти ряды прерываются на расстоянии от 9 до 13 см столбцами из вертикального зигзага, выполненного тем же штампом. Всего столбцов 6. Ширина зигзага 1,5-1,7см, ширина его шага такая же. Остальная поверхность гладкая, тщательно заглаженная, изнутри также. Цвет имеет от коричневого до розовато-палевого. С внутренней стороны местами со слоем пищевого нагара, в том числе и вполне пригодным для анализа. Тесто содержит мелко и редко среднезернистый песок. Выполнен сосуд, вероятно, из широких лент (до 8 см),

спаивание которых производилось либо встык, либо с небольшим нахлестом. Венчик был изготовлен из более узкой ленты и припаян встык (?).

Сосуд №2: мелкий тонкий фрагмент – отслойка с отпечатками среднего по толщине витого шнура на внешней стороне. Цвет бежевый, в тесте есть примесь мелко и среднезернистого песка.

Всего археологических находок: 103 экз.

Центральный комплекс, культурный слой 2б

Данный уровень обозначен хозяйственной ямой, которая фиксировалась сразу после расчистки пятна с глазковским сосудом, под ним.

Каменные артефакты (Табл. 6).

Микропластины без ретуши - **3 экз.** (60%) (рис. 36 – 6): 1 экз. – без дистала и проксимала, 1 экз. – без дистала, 1 экз. – медиал.

Проколка на микропластине: 1 экз. (20%) (рис. 36 – 4). Острие оформлено на дистале фрагмента микропластины без проксимала, мелкой краевой крутой ретушью с дорсальной стороны.

Микроскребок на медиальном фрагменте пластинки: **1 экз.** (20%) (рис. 36 – 5), рабочий край полукруглый оформлен мелкой краевой крутой и среднеразмерной субпараллельной полукрутой вентральной ретушью на латеральных.

Керамика: 44 фрагментов от одного сосуда (рис. 36 – 1-3).

Сосуд №1: На внешней поверхности имеются отпечатки тонкого витого шнура, слегка замытые. Тесто сильно запесоченное, содержит тонко и мелкозернистый песок. Остатки сосуда очень хрупкие. Толщина стенок составляет около 5 мм. Формовка сосуда производилась ленточным способом. На одном фрагменте (№ 11) наблюдается расслоение по спаю «внахлест», причем на нижней ленте по спаю видны оттиски шнура. По всей видимости, эти шнуровые оттиски были предназначены для лучшего сцепления между лентами. Отпечатки шнура ровные, возможно, наносились в технике проката ролика с намотанным шнуром, а не нанесены при помощи лопатки в процессе

выколачивания. Орнамент выполнен в виде рядов из оттисков отступающей лопатки, от которых вниз идут наклонные ряды «бахромы», выполненные тем же штампом. Венчик отсутствует, но, тем не менее, по композиции орнамента можно предположить принадлежность сосуда к посольскому типу.

Всего археологических находок: 49 экз.

Итого в юго-восточном и центральном комплексах (неолит-ранняя бронза) выявлено **1956** археологических находок и **21** фрагмент костных остатков.

2.3. Муханские Озера I

Период развитого (среднего) неолита известен в Бурятии по материалам многослойных поселений на восточном побережье оз. Байкал: Посольск (в низовьях р. Селенги), Ярцы Байкальские, Окуневая IV, Катунь I, слоя 2 поселения Санний Мыс на р. Уде, дюнных стоянок Селенги и Уды. Материалы наших работ на поселении Муханские Озера I, культурный слой 2 (бассейн р. Кодун, левого притока р. Уды) также относятся к этому периоду.

Первые подъемные сборы археологического материала на Муханских озерах были сделаны в 1981 году экспедицией БИОН, работавшей по долине р. Кодун. В последующем памятник посещался археологами в 1993 г. и 2000 г. [Цыденова, Ивашина, 2002].

На песчаных выдувах по юго-западному берегу озер была собрана большая коллекция артефактов, хронологически определяемых в широком хронологическом диапазоне от эпохи камня до средневековья [Цыденова, Ивашина, 2002].

Общая современная геоморфологическая ситуация следующая: озера расположены в широкой долине р. Кодун, в ее среднем течении и входят в систему этой реки. Озера занимают широкий равнинный участок лестостепи, ограниченного с севера Кодунским хребтом, а со всех остальных сторон лесным массивом. Расположен памятник в 5 км северо-восточнее с. Михайловка.

Поселение занимает большую площадь озерной террасы, сложенной песками и подвергшейся сильному выдуванию (рис. 37), протяженной с северо-северо-востока на юго-запад вдоль западной линии водного резервуара озера (рис. 38). Высота террас над современным уровнем воды в озерах – около 10 м. На поселении нами выделены южный, центральный и северный комплексы, расположенные на высоких краевых уступах террас.

Южный комплекс составили материалы раскопов 1 и 3А, заложенных на краях террас в южной части памятника, в борту выдува. Неолитические

материалы имеют вид пятен-скоплений в слое, концентрированных вокруг небольших кострищ и представляют, по всей видимости, собой остатки двух расположенных неподалеку (на расстоянии около 100 м) друг от друга наземных жилищ типа эвенкийского чума. Сохранились восточные части этих жилищ.

Центральный комплекс расположен на останце, площадью свыше 100 кв. м (на расстоянии около 400 м от раскопа 3А). Вероятно, в древности данный участок представлял собой вершинную, наиболее высокую часть террасы, о чем можно судить в сравнении останца с соседними сохранившимися участками террасы. Находки эпохи неолита расположены в слое в виде скопления вокруг кострища в жилище наземного типа. Ветровой эрозией разрушена небольшая юго-западная часть скопления.

Раскопом зафиксировано два уровня залегания материалов, верхний уровень (культурный слой 1) из которых отнесен к эпохе средневековья, а нижний 2-й отнесен к неолиту. Площадь раскопа – 9 кв. м.

Стратиграфическая ситуация на обоих комплексах принципиально не отличается, включает два основных уровня залегания археологического материала (рис. 39). Верхний – средневековый, нижний - относится к эпохе неолита.

2.3.1. Южный комплекс, раскоп 1

Общее описание стратиграфии

Литологические слои	Мощность, м
Слой 1 – песок средне и тонкозернистый, слабогумусированный в верхней части. Насыщен корнями травянистой степной растительности. Рыхлый, легко рассыпающийся. Представляет собой современный дерн. Цвет слоя палево-сероватый. Сероватость придана небольшим содержанием гумуса.	0,10-0,15
- Слой 2 – представляет собой пачку песчаных отложений палевого цвета. Содержит в себе подслои: 2а – толща тонкослоистого песка бежево-сероватого, средне и мелкозернистого; 2б – подслои, выделяющийся в песчаной толще бледно-серым оттенком, который придан слою из-за небольшого содержания гумуса и фрагментов угольков. Вероятнее всего, это уровень, на котором началось формирование почвы, но	0,15 – 0,20
	0,10 – 0,15

очень быстро прекратилось, т.е. это не сформировавшийся почвенный слой;

2в – представляет собой толщу песка палево-серого слоя, мощностью около 50 см. Это нижняя часть всей толщи 2. Подслой 2в отделен от подгоризонтов 2а и 2б четко различной прослойкой, состоящей из среднезернистого, хорошо отсортированного песка, с включениями крупнозернистого песка. Мощность прослойки, как правило, не превышает 1 см. Ниже прослойки слабослоистая песчаная толща. Слоистость выражена в чередовании очень тонких темных прослоек и светлых прослоек палевого цвета. Прослойка, отделяющая подслой 2а и 2б от подслой 2в – явный маркер развеиваемой поверхности.

0,50 – 0,60

- Слой 3 – песчано-супесчанистый с преобладанием песка. Общий цвет слоя – коричнево-палевый. В верхней и нижней части слоя выделяются 2 подгоризонта, черновато-золистого цвета. Цвет подгоризонтам придан из-за большого количества угольков, золистых отложений и, вероятно, гумуса. Слой более плотный, чем вышележащие. В основе мелкозернистый, пылеватый песок. Слой содержит археологический материал, залегающий в двух подгоризонтах – верхнем и нижнем.

0,15 – 0,20

- Слой 4 – песок палевого цвета с бледно-рыжими железистыми включениями (единичные). Слабокарбонатизированный, отчего слой имеет белесоватый цвет. Несколько более рыхлый, чем слой 3. Нижняя граница слоя четко выражена, ровная. В слое наблюдаются вертикальные сероватые включения – гумус, а также горизонтальные линзовидные включения сероватого цвета, которые вероятно являются разрушенным гумусным слоем.

0,50 – 0,60

- Слой 5 - представляет собой линзу гумусированного песка. В этом слое фиксируются материалы неолита (культурный слой 3).

0,10

- Слой 6 – песок рыжевато-коричневого цвета с большим содержанием железистых включений в виде мелких пятен. В верхней части содержание железистых включений выше, чем в нижней. Верхняя граница четко выделяется по рыжевато-черному цвету. Видимая мощность до 20 см.

>0,20

Раскоп 1, культурный слой 2

Каменные артефакты (Табл. 7).

Микропластины-вкладыши: 3 экз. (рис. 40 – 13).

Микропластина с двухсторонней обработкой – 1 экз. (1,5%),
двухсторонняя обработка от латералей плоскими субпараллельными снятиями и тронкирование с торца.

Микропластина с ретушью – 1 экз. (1,5%). Ретушь мелкая краевая полукрутая на одной латерали с вентральной стороны.

Микропластина с ретушью утилизации – 1 экз. (1,5%), с вентральной ретушью утилизации.

Пластинки с ретушью: 8 экз. (12%). Из них: с краевой дорсальной микроретушью на двух латерях - 3 экз.; с противоположащей микроретушью - 2 экз.; с мелкой краевой дорсальной ретушью на одной латерали и микроретушью на второй латерали в зоне проксимала - 2 экз.; с микроретушью на одной латерали дорсальной, мелкой и среднеразмерной субпараллельной краевой вентральной ретушью на другой - 1 экз.

Проколка на пластинке без кончика дистала – 1 экз. (1,5%). Рабочий край оформлен противоположащей краевой мелкой и среднеразмерной крутой ретушью.

Микроскребки: 5 экз. (7,5%) (рис. 40 – 5, 8-10, 12).

Боковые микроскребки – 2 экз. на отщепах, с отвесной параллельной удлиненной ретушью отвесной и мелкой краевой отвесной (1 экз.), с полукрутой параллельной удлиненной ретушью отвесной и мелкой краевой (1 экз.).

Концевой микроскребок – 1 экз. на пластинчатом отщепе. Рабочий край прямой, оформлен на дистале с дорсальной стороны мелкой параллельной и мелкой краевой крутой ретушью.

Микроскребки с рабочим краем на дистале – 2 экз. на отщепах, рабочие края полукруглой формы оформлены на дисталах со стороны спинки: краевой крутой мелкой и среднеразмерной ретушью (1 экз.); полукрутой среднеразмерной параллельной и мелкой краевой крутой ретушью (1 экз.).

Наконечники стрел подтреугольной формы – 4 экз. (6,0%) (рис. 40 – 4, 6, 11, 14), двусторонне обработанные мелкими параллельными и субпараллельными снятиями с латералей. Из них: со слабовогнутой базой – 2 экз. (отломан самый кончик острия – 1 экз., отломано жальце – 1 экз.); вытянуто-подтреугольной формы – 1 экз. (отсутствует базальная часть).

Наконечник по типу «даурского» остря - 1 экз., выполнен на целой микропластинке. Острие оформлено мелкими фасетками краевой пологой ретуши с вентральной и дорсальной сторон.

Скобель: 1 экз. (1,5%). Ситуационное орудие на средних размеров отщепе. Короткий рабочий участок вогнутой формы оформлен на латерали с вентральной мелкой краевой ретушью, на другой латерали более длинный и вогнутый рабочий край оформлен мелкой отвесной ретушью.

Рубящее орудие: 1 экз. (1,5%) (топор?) на плоском крупном сколе из серого кремня (с размерами 9,2x6,7x1,7 см). Рабочий край приостренно-округлой формы, оформлен двухсторонней подработкой уплощающими снятиями среднего размера от дистала, а также крутыми снятиями по латералиям.

Сколы без следов работы

Микропластины без ретуши – 5 экз. (7,5%).

Пластинка без ретуши – 1 экз. (1,5%), дистальный фрагмент со слегка изогнутым профилем.

Пластинчатые отщепы без ретуши: 2 экз. (3,0%).

Пластинчатые сколы без ретуши: 2 экз. (3,0%).

Отщепы без ретуши: 26 экз. (38,5%).

Сколы без ретуши: 7 экз. (10,5%). В том числе: микросколы – 2 экз.

Галька мелкая без следов использования – 1 экз. (1,5%).

Керамика: 170 фрагментов (рис. 40 – 1-3) принадлежат трем сосудам двух типов: 1) тонкостенные со штриховыми отпечатками и венчиком с утолщением подтреугольным «карнизом»; 2) тонко и гладкостенный сосуд.

Сосуд № 1: 144 фрагмент. Тонкостенный сосуд со штриховыми отпечатками на внешней стороне. Венчик с треугольным утолщением – «карнизом», орнаментированным горизонтальными наклонными рядами гребенчатого штампа, а также мелкими сквозными отверстиями вдоль края. Толщина стенки 0,5 см. Ширина карниза 1,5 см, толщина 1 см. Тесто сильно опесчаненное, с большим количеством мелкозернистого песка. Фрагменты

венчика по этой причине очень хрупкие. Цвет бежевый, светло-палевый, коричневый.

Сосуд № 2: 24 фрагмент. Тонкостенный сосуд со штриховыми отпечатками на внешней стороне. Венчик с приостренным срезом, подтреугольным карнизом, орнаментированным от самого края наклонными оттисками узкого прямого стека, те же оттиски имеются в один ряд по внутренней стороне. Толщина стенки 0,4-0,5 см. Ширина карниза 1,2 см., толщина 0,8 см. Цвет коричневый, палевый. Тесто содержит мелкозернистый песок.

Сосуд № 3: 2 фрагмента стенки сосуда без орнамента. Толщина 0,5 см. Цвет бледно-кирпичный, коричневый. В тесте содержится мелко и реже среднезернистый песок.

Костные остатки: 26 экз.

Всего археологических находок: 237 экз. и 26 мелких фрагментов костей.

Южный комплекс, раскоп 3А

Раскоп 3А имеет небольшую площадь – 10 кв. м. Здесь вскрыты остатки зоны обитания или, вероятно, жилища типа чума. Оно было практически полностью разрушено процессами выветривания, сохранился только небольшой участок, который и был раскопан.

В данном раскопе также выделено 2 уровня залегания материала, из которых культурный слой 1 отнесен к средневековью. Нижний уровень представлен культурными слоями 2а и 2б, содержащими материалы эпохи неолита.

Стратиграфия северной стенки раскопа 3А (рис. 41, 42):

Литологические слои

Мощность, м

- Слой 1 – песок средне и мелкозернистый, палевого цвета. Толща сложена из слоистых песков, границы обозначены серыми очень тонкими прослойками. Слой рыхлый, сыпучий, продукт ветровой деятельности. В верхней части слоя наблюдается слабая задернованность. 0,40 – 0,70

- Слой 2 – тонкий пылеватый, черный-темно-темно-серый песок, средне и тонкозернистый. Состоит из двух прослоев. 0,20 – 0,30
Первый слоистый по структуре, супесь черного цвета. Цвет серо-палевый. Слой плотный, слежавшийся. Нижний прослой почти черного цвета. Вмещает культурный слой 1.
- Слой 3 – слой тонкозернистого песка, рыхлый и сыпучий. 0,10 – 0,15
Цвет светло-каштановый.
- Слой 4 - мелкозернистый песок, с включениями серовато-пепельного цвета, а также гумусные пятна. 0,50 – 0,55
- Слой 5 - представляет собой прерывистую и местами расслаивающуюся на два подгоризонта линзу гумусированного песка. В основе слоя – мелко и тонкозернистый песок. 0,10 – 0,15
Культурные слои 2а и 2б.
- Слой 6 – песок среднезернистый серо-палевого цвета, с > 0,10
рыжеватыми пятнами ожелезнения, насыщенно рыжего цвета песчаный грунт. Слой плотный. Видимая мощность до 10 см.

Раскоп 3А, культурный слой 2а

Каменные артефакты (Табл. 8).

Технические сколы: 3 экз. (6,4%). Из них: сколы подправки ударной площадки типа «таблетки» – 2 экз.; микропластинчатый скол подготовки фронта (реберчатый) – 1 экз. (рис. 43 – 7).

Орудия

Микропластины-вкладыши: 7 экз.

Микропластины с ретушью – 4 экз. (8,5%) (рис. 43 – 1-4). Медиальный фрагмент – 1 экз. (мелкая краевая полукрутая ретушь на участке одной латерали с дорсальной стороны), без дистала – 2 экз. (мелкая краевая полукрутая вентральная ретушь на одной латерали – 1 экз., мелкая крутая дорсальная ретушь на одной латерали – 1 экз.), без дистала и проксимала – 1 экз. (мелко и среднеразмерная вентральная ретушь на двух латеральных).

С ретушью утилизации – 3 экз. (6,4%) (халцедон прозрачный – 2 экз., яшмоид – 1 экз.). Медиальный фрагмент – 1 экз., без дистала – 1 экз., целая микропластинка – 1 экз. С микрофасетками утилизации на одной латерали с дорсальной стороны – 2 экз. (в одном случае в проксимальной части). С микрофасетками утилизации на двух латеральных с дорсальной стороны – 1 экз. (на одной латерали ретушь утилизации локализуется в проксимальной части, на другой в дистальной части).

Проколка на микропластине: 1 экз. (2,1%). Неформальное, ситуационное орудие. Рабочий край несет на себе микрофасетки утилизации.

Микропластины без ретуши – 8 экз. (17,0%). Из них: целых – 4 экз.; фрагмент без дистала – 1 экз.; без проксимала – 1 экз.; медиальный фрагмент – 1 экз.; проксимал и медиал – 1 экз. С неровной огранкой – 4 экз.; с неровной огранкой закрученная – 1 экз.

Пластинчатые отщепы без ретуши: 4 экз. (8,5%), мелкие.

Пластинчатые сколы без ретуши: 2 экз. (4,3%), мелкие.

Отщепы без ретуши: 16 экз. (34,0%). В том числе: микроотщепы – 4 экз.

Сколы без ретуши: 6 экз. (12,8%). Мелкий – 1 экз., микросколы – 5 экз.

Керамика: 21 фрагмент - части одного сосуда (рис. 43 – 8).

Сосуд № 1: тонкостенный сосуд с оттисками шнура или штриха. подтреугольно утолщенным венчиком, орнаментированным 2-мя наклонными рядами мелкозубчатого гребенчатого штампа и мелкими сквозными отверстиями. Оттиски, того же штампа и также в 2 ряда имеются под карнизом. Срез узкий прямой, также орнаментирован косыми оттисками гребенки. Внутренняя сторона заглажена. Цвет коричневатого-палевого, в тесте есть примесь мелко и среднезернистого песка.

Всего археологических находок: 68 экз.

Раскоп 3А, культурный слой 2б

Каменные артефакты (Табл. 9).

Микропластины: 5 экз.

Микропластины с ретушью – 3 экз. (5,0%). Ретушь мелкая краевая полукрутая ретушь на одной латерали с дорсальной стороны (1 экз.), мелкая краевая пологая ретушь на одной латерали на вентральной поверхности (1 экз.), мелкая краевая пологая ретушь на одной латерали и полукрутая на второй с вентральной стороны (1 экз.).

Микропластины с ретушью утилизации – 2 экз. (3,2%). Ретушь утилизации на обеих латералиях с дорсальной стороны (1 экз.), ретушь утилизации на одной латерали с дорсальной стороны (1 экз.).

Проколка на микропластинчатом сколе: 1 экз. (1,6%). Рабочий участок оформлен на дистале отвесной мелкой латеральной ретушью с дорсальной стороны, от сработанности завальцован.

Микроскребок на пластинке: 1 экз. (1,6%). Рабочий край оформлен мелкими крутыми фасетками на дистале с дорсальной стороны.

Наконечник стрелы: 1 экз. (1,6%) (рис. 43 – 5). Средних размеров удлиненно-треугольной формы, изготовлен из отщепа. Острие отломано, базальная часть почти прямая. Обработка велась от латералей параллельными и чаще субпараллельными снятиями, в том числе и удлиненными – стелющимися, но реже, чем округлыми. На латералиях имеется более мелкая краевая подработка. Ударный бугорок и ударная площадка в остатке в базальной части в виде утолщения.

Пилка: 1 экз. (1,6%) (рис. 43 – 6) на небольшой тонкой плитчатой отдельности – 1 экз. Один край острый, очень тонкий со следами работы.

Скобель на отщепе: 1 экз. (1,6%). Один рабочий край вогнутой формы оформлен на латерали дорсальными мелкими крутыми фасетками. Второй рабочий участок – на дистале с вентральной стороны мелкой крутой ретушью на двух сопряженных участках, сходящихся под углом.

Микропластины без ретуши: 12 экз. (19,3%). Из них: с неправильной огранкой – 4 экз.; слабо закрученная – 1 экз.

Пластинчатые отщепы без ретуши: 8 экз. (12,9%). В том числе: микроотщепы – 5 экз.

Пластинчатые сколы без ретуши: 2 экз. (3,2%).

Отщепы без ретуши: 26 экз. (41,9%), в том числе микроотщепы – 20 экз.

Сколы без ретуши: 4 экз. (6,5%).

Керамика: 9 фрагментов от двух тонкостенных сосудов.

Сосуд № 1: 4 фрагмента тонкостенной керамики (0,5 см), с четкими отпечатками перевитого шнура средней толщины (1,5-2 мм), на внешней поверхности. Внутренняя сторона заглажена, на ней также имеются заглаженные, пересекающиеся оттиски шнура. Цвет коричневатого-палевого, в тесте есть примесь мелко и среднезернистого песка.

Сосуд № 2: 5 фрагментов стенки гладкостенного сосуда (?), бежевые, бежево-светло-сероватые по цвету, в тесте содержат мелко и среднезернистый песок, а также тонкие, мелкие и короткие растительные волокна. Толщина 0,5-0,6 см.

Кости со следами резания: 3 экз. Фрагменты неопределимых костей со следами резания.

Всего археологических находок: 71 экз. и 3 фрагмента костей.

2.3.2. Центральный комплекс

На центральном участке памятника заложен раскоп, получивший номер 2, расположен примерно в 400 м западнее раскопов 1 и 3А. Площадь раскопа составляет – 72 кв. м. Всего здесь выделено 2 уровня залегания материала, верхний из которых относится к средневековью, нижний 2 уровень к неолиту.

Раскоп 2. Общее описание стратиграфии (рис. 44, 45).

Литологические слои	Мощность, м
Слой 1 - эолового генезиса песчаная толща мощностью около 70 см, по структуре слоистая, рыхлая и сыпучая. Цвет серовато-палевого. В верхней части слой слегка задернован. Прослойки состоят из крупнозернистых, среднезернистых и пылеватых песчаных фракций.	0,50 – 0,60
Слой 2 - супесь черного цвета. Слой плотный, слежавшийся. Верхняя граница ровная, вероятно нивелирована ветровой и водной эрозией. Однако благодаря своей плотности не был разрушен полностью. Культурный слой 1.	0,20 – 0,30
Слой 3 - супесчанисто-песчаный, плотный. Цвет светло-каштановый. Верхняя граница нечеткая, с западинами и выклиниваниями.	0,10 – 0,25
Слой 4 - мелкозернистый песок, бледнопалевого цвета. В слое наблюдаются карбонатные включения, а также мелкие рыжеватые железистые включения и угольки.	0,10 – 0,25
Слой 5 - представляет собой линзу гумусированного песка. В основе слоя – тонкозернистый песок. Культурный слой 2.	0,10 – 0,15

- Слой 6 – песок рыхлый, среднезернистый, желтовато-серого цвета. Включает мелкие угольки и небольшие пятна железистых отложений рыжего цвета. 0,40 – 0,45
- Слой 7 – среднезернистый песок, слоистый, сильно окрашенный ожелезненными пятнами светло-рыжего цвета, что свидетельствует о том, что на этом уровне какое-то время стояла вода. > 0,10

Раскоп 2, культурный слой 2

В раскопе 2 в литологическом слое 5 фиксируются неолитические материалы (культурный слой 2).

В слое найдены – микропризматические (конические) нуклеусы из халцедона, микроскребки с крутой оформляющей ретушью, бифасиально обработанные наконечники стрел с вогнутым и реже прямым основанием, пластинки с ретушью и без, отщепы, сколы, желваки сырья со следами сколов, мелкие обломки костей. Сырьем служил в основном халцедон и реже яшмоиды. Также найдены фрагменты тонкостенных сосудов со шнуровыми и штриховыми отпечатками на внешней стороне.

Каменные артефакты (Табл. 10).

Нуклеусы: 12 экз. (0,8%) (рис. 46 – 1-4; рис. 48 – 1,2; рис. 49 – 2).

Микропризматический нуклеус (конический) - 1 экз. Фронт переходит на латераль. Ударная площадка прямая, сформирована короткими и плоскими снятиями с торца и латералей. Киль и гребень подработаны мелкой ретушью в дистальной части со стороны одной латерали.

Сработанный микропризматический нуклеус - 1 экз. Форма уплощенно-призматическая, т.е. киль и гребень отсутствуют, вероятно, сильно сработаны.

Микропризматические нуклеусы (конические) без особых признаков - 10 экз.

Заготовки микропризматических (конических) нуклеусов - 5 экз. (0,3%):

1 экз. - ударная площадка прямая, оформлена короткими и плоскими снятиями с торца и латералей. Гребня и киля нет. Сохраняет первичную корку. Длина предмета превалирует над высотой.

1 экз. – крупная заготовка микронуклеуса, приближенная к конической форме (высота превалирует над шириной), с размерами - 3,8х3,4х2,0 см. Ударная площадка прямая, частично сохраняет первичную корку, частично оформлена продольными сколами от гребня. Киля нет, гребень создан в основном сколами с одной латерали. Сырье оказалось, по-видимому, слишком трещиноватым, поэтому дальнейшая утилизация предмета была прекращена.

3 экз. – заготовки нуклеусов средних размеров. Из них: микропризматические с формой близкой к конической – 2 экз.; с клиновидной формой – 1 экз.

Технические сколы: 19 экз. (1,2%). Из них: краевые микропластинчатые сколы подготовки фронта (реберчатые) - 11 экз. (рис. 47 – 1; 49 - 8); сколы подправки ударной площадки типа «таблетки» - 8 экз.

Орудия

Микропластины-вкладыши: 35 экз.

Микропластины с ретушью – 21 экз. (1,3%) (рис. 47 – 2-6; рис. 48 – 4; рис. 49 – 3, 6, 7, 9;). Целых – 3 экз. В основном же представлены фрагментами – без дистала (9 экз.), медиал (8 экз.), без проксимала (1 экз.).

Вторичная отделка характеризуется превалированием вентральной краевой мелкой крутой, полукрутой ретуши (7 экз.) и пологой (5 экз.). Ряд изделий имеет противоположащую мелкую краевую крутую и пологую ретуши (3 экз.), а также среднеразмерную субпараллельную пологую (2 экз.) с тронкированием торца с досала. Дорсальная краевая мелкая отвесная и крутая встречается реже (4 экз.). Тронкирование на единственном экземпляре выполнено с дорсальной стороны в проксимальной части удлинненными параллельными фасетками.

Микропластины с ретушью утилизации регулярной: 14 экз. (0,9%). Следы утилизации присутствуют на латералиях как с дорсальной, так и с вентральной поверхностей.

Острие на микропластине (?): 1 экз. (0,06%) (рис. 47 – 7; рис. 49 – 10), оформлено на дистале среднеразмерной полукрутой ретушью. На латералиях с вентральной стороны имеется мелкая краевая пологая ретушь.

Комбинированное орудие, проколка и срединный резец на микропластине: 1 экз. (0,06%). Длина изделия средняя. Микропластина целая. Рабочий участок проколки оформлен на дистальной части противоположающей мелкой краевой отвесной дорсальной ретушью. Проксимальная часть уточена снятием с ударной площадки, на ней оформлен срединный резец.

Проколки на пластинках: 2 экз. (0,1%). Из них: 1 экз. – выполнена на целой пластинке, на дистале мелкой и среднеразмерной полукрутой ретушью с вентральной стороны сформирован рабочий участок проколки. Длина его около 1,3 см. переход к латералиям резкий с небольшими плечиками. Латерали подработаны мелкой краевой пологой ретушью.

1 экз. - выполнена на целой пластинке, рабочий край проколки оформлен противоположающей мелкой крутой ретушью на дистале.

Пластинчатые отщепы с ретушью утилизации: 5 экз. (0,3%). Микрофасетки утилизации расположены на латералиях с дорсальной стороны - 4 экз.; на латералиях противоположающие - 1 экз. Из них 2 экз. – неформальные (ситуационные) боковые микроскребки. Остальные, вероятно, использовались в качестве вкладышей составных орудий – 3 экз.

Пластинчатые сколы с ретушью утилизации: 3 экз. (0,2%), средние по размеру ситуационные орудия. 1 экз. – скобель на краевом пластинчатом сколе, с микрофасетками на одной вогнутой формы латерали, 2 экз. - ножевидные изделия с микрофасетками утилизации на одной латерали.

Микроскребки: 37 экз. (2,19%) (рис. 50).

Боковые микроскребки – 15 экз. на отщепах (9 экз.), пластинчатых отщепах (5 экз.), сколах (1 экз.). Рабочие края оформлены мелкой краевой

отвесной (1 экз.), полукрутой (1 экз.) ретушью на латералиях с вентральной стороны; краевой отвесной (4 экз.), крутой (3 экз.) ретушью на латералиях с дорсальной стороны; мелкой и среднеразмерной крутой (2 экз.), мелкой и среднеразмерной полукрутой (2 экз.), мелкой отвесной и среднеразмерной полукрутой (1 экз.) на дорсальной поверхности; противоположающей краевой мелкой и среднеразмерной (1 экз.). Имеют полукруглую или реже почти прямую форму.

Концевые микроскребки - 3 экз. на пластинчатых отщепах. Рабочие края оформлены на дисталах с дорсальной стороны. Рабочий край 1 экз. высокий, по форме полукруглый, оформлен субпараллельными удлиненными отвесными средними и мелкими отвесными же фасетками ретуши с дорсальной стороны. У 2 экз. рабочие края оформлены с дорсальной стороны краевой мелкой отвесной (1 экз.), мелкой полукрутой и отвесной ретушью (1 экз.).

Комбинированные микроскребки – 13 экз. на отщепах (6 экз.), пластинчатых отщепах (5 экз.), пластинках (2 экз.) и сочетают в себе признаки концевого и бокового скребков. Рабочие края полукруглой формы на дисталах и на латералиях оформлены дорсальной ретушью: мелкой краевой отвесной (8 экз.), отвесной в сочетании с крутой (1 экз.) или полукрутой (1 экз.); на дистале удлиненными мелкими и среднеразмерными полукрутыми фасетками, а на одной латерали отвесными мелкими удлиненными и краевыми мелкими фасетками ретуши (1 экз.); на дистале и одной латерали среднеразмерной крутой субпараллельной и на второй тонкой латерали мелкой краевой ретушью (1 экз.).

Микроскребки с рабочим краем, оформленным на дистале – 6 экз., из них - на отщепах с высокой спинкой (3 экз.), на тонких отщепах (2 экз.), пластинчатом отщепе (1 экз.). Рабочие края у экземпляров, выполненных на высокой формы отщепах, полукруглые и оформлены отвесными и крутыми удлиненными параллельными и субпараллельными фасетками и мелкой краевой отвесной ретушью (3 экз.). Микроскребок на тонком пластинчатом

отщепе имеет прямой рабочий край, оформленный мелкой отвесной дорсальной ретушью (1 экз.). Рабочие края скребков из мелких отщепов полукруглые и оформлены с дорсальной стороны: мелкой и среднеразмерной крутой ретушью (1 экз.); среднефасеточной полукрутой субпараллельной и мелкой краевой отвесной (1 экз.).

Наконечники стрел: 4 экз. (0,25%). Подтреугольной формы на мелких отщепах - 3 экз. Из них: оформленных двухсторонними уплощающими снятиями от латералей - 1 экз.; модифицирующей краевой мелкой - 1 экз.; среднеразмерной пологой дорсальной ретушью и краевыми мелкими фасетками пологой ретуши с вентральной стороны - 1 экз. Один представляет собой фрагмент острия, у второго базальная часть неоформленная (естественная), диагонально скошенная, а третий имеет вогнутую базу (двухсторонне обработанный).

Подромбовидной формы, среднего размера наконечник – 1 экз., оформлен уплощающими снятиями с одной стороны и краевой мелкой, среднеразмерной субпараллельной ретушью с вентральной стороны. Базальная часть почти прямая, слегка вогнутая.

Долотовидные изделия: 2 экз. (0,1%). Изготовлены на истощенных нуклеусах или сколах: 1 экз. - на мелком фронтальном сколе (обломке) с микропризматического нуклеуса, сохраняет негативы микропластинчатых снятий на дорсальной поверхности, а на дистале скола оформлен рабочий край, образованный двухсторонними нерегулярными среднеразмерными фасетками подтески; 1 экз. - на тонком нуклевидном сколе (сработанный нуклеус?). Рабочий край оформлен на дистале (бывшем киле?) мелкой отвесной противолежащей ретушью.

Пилки: 4 экз. (0,25%), изготавливались из тонких сланцевых плиточных отдельностей. Рабочие края пришлифованы с двух сторон, вероятно в процессе работы.

Ножи на плитках: 2 экз. (0,1%), овальной формы на тонких плитчатых отдельностях глинистого сланца, крупные (рис. 48 – 6, 7; рис. 51 – 1, 2).

Краевой двухсторонней подтеской придана овальная форма, замкнутое (1 экз.) и почти замкнутое (1 экз.) рабочие лезвия. На 1 экз. один длинный край не подработан - обушок.

Струг на отщепе: 1 экз. (0,06%). Рабочий край оформлен утончающим снятием с дорсальной стороны на проксимале, а также вентральной краевой мелкой и среднеразмерной полой ретушью на проксимале.

Сколы с ретушью утилизации: 2 экз. (0,1%). Ситуационные скребки на сколах с ретушью утилизации – 2 экз. Микрофасетки утилизации на обоих экземплярах расположены на одной латерали с дорсальной стороны.

Сколы без следов работы

Микропластины без ретуши: 119 экз. (7,6%). Из них 30 экз. имеют неровную огранку, закрученную форму – 20 экз., изогнутый дистальный край – 3 экз., по причине чего, видимо, были выбракованы.

Пластинчатые отщепы без ретуши: 166 экз. (10,7%). Из них 14 экз. представляют собой фрагменты, причем в основном с неровной огранкой или профилем. В том числе: микроотщепы – 73 экз.

Пластинчатые сколы без ретуши: 50 экз. (3,2%). Из них: микросколы – 20 экз.

Отщепы без ретуши: 852 экз. (54,8%). Из них: микроотщепы – 656 экз.

Сколы без ретуши: 225 экз. (14,5%). В том числе: микросколы – 132 экз.

Оббитые желваки: 5 экз. (0,3%). Сырьевые конкреции (желваки) прозрачного халцедона со следами первичных сколов.

Другое: 2 экз. (0,1%), куски гранита (принесен?).

Костяные изделия: 2 экз. Фрагмент заготовки гребенчатого орнамента из обломка трубчатой кости животного, со следами надпилов для формирования зубчиков – 1 экз.

Дистальный фрагмент уплощенного в разрезе костяного острия – 1 экз. Форма вытянуто треугольная. Кончик дистала орудия заостренно-овальной формы.

Керамические изделия

Керамика: 179 фрагментов принадлежащих как минимум 12 сосудам. Среди них ярко выраженными типологическими группами являются: 1) со штриховыми отпечатками; 2) со шнуровыми отпечатками; 3) гладкие, тонкостенные; 4) гладкие, толстостенные с прочерченными полосами, пересекающимися; 5) с оттисками мелкозубчатого (гребенчатого) штампа; 6) с насечками (рис. 52, 53).

Сосуд № 1: 83 фрагмента тонкостенной керамики (0,3–0,4 см), с отпечатками штриха на внешней стороне, некоторые фрагменты слегка замыты или отпечатки штриха на них заглажены, внутренняя сторона чаще всего заглажена, цвет бежево-коричневый, палевый, в тесте есть примесь в виде мелкозернистого песка (рис. 49 – 4, 5, 11). Из них 10 экз. - фрагменты венчика с прямым срезом, орнаментированного оттисками наклонного узкого отступающего штампа с мелкозубчатым окончанием вдоль внешнего края. Цвет бежевый, бледно-кирпичный, в тесте примесь мелкозернистого песка.

У одного крупного фрагмента (6,0х4,0х0,4-0,5см) в верхней части толщина 0,5 см за счет двухслойности от спая лент.

Сосуд № 2: 5 фрагментов тонкостенного (0,25-0,3 см) сосуда с отпечатками тонкого витого шнура с внешней стороны (иногда заглаженными), гладкие изнутри, цвет палевый, в тесте есть примесь мелкозернистого песка.

Сосуд № 3: 9 фрагментов тонкостенного сосуда (0,6 см) с заглаженными оттисками шнура с внешней стороны и гладкие изнутри. Ширина оттисков шнура около 1,5-2 см. Внешняя поверхность некоторых фрагментов покрыта тонким слоем налета золы. В тесте есть примесь шамота (измельченной керамики), мелкого и реже среднезернистого песка. Цвет серо-бежевый, бледно-кирпичный.

Сосуд № 4: 1 крупный фрагмент толстостенной керамики бледно-кирпичного цвета с заглаженными шнуровыми оттисками, размеры 4,0х5,2х0,7-0,8 см. В тесте большое содержание примеси среднезернистого песка, а также растительных волокон. Внутренняя сторона шероховатая, более

яркого цвета. Представляет собой фрагмент придонной части. По крайней мере, верхний слом – прямой. Этому же сосуду принадлежит крупный фрагмент из подъемки (7,4x5,2x0,8-1,1см), найденной возле раскопа 2 в 2008 году, даже апплицируется с найденным в слое экземпляром. Оба фрагмента являются фрагментами придонной части сосуда.

При апплицировании всех фрагментов в нижней части складывается рисунок из отпечатков «пучков» шнура, образовавшихся, по всей видимости, в результате пересечения проката ролика с намотанными на него перевитыми нитями или же как результат отпечатка груботканой основы.

Сосуд № 5: 25 мелких и тонких (0,3-0,4см) фрагментов без декора (возможно, сильно сглажен?). Изнутри заглаженные. На некоторых фрагментах имеются черные пятна тонкого слоя нагара. Цвет от бежево-коричневого до палевого и коричневого. В тесте есть примесь мелко и среднезернистого песка.

Сосуд № 6: 2 мелких фрагмента тонкостенного (0,4 см) сосуда без орнамента. С внутренней стороны имеются очень тонкие полосы затирания. Цвет серый. В тесте есть мелкозернистый песок.

Сосуд № 7: 1 мелкий фрагмент без орнамента, снаружи цвет светло-коричневый, заглажен, но не тщательно, изнутри ярко-рыжий. Толщина 0,5 см, в тесте есть примесь тонко и мелкозернистого песка.

Сосуд № 8: 20 фрагментов под №11, все от одного сосуда, цвет темно-кирпичный, в тесте есть примесь тонко и мелкозернистого песка, толщина 0,7-0,8см. Внутренняя сторона заглажена, на внешней есть прочерченные тонкие параллельные линии, группы линий пересекаются друг с другом под острым и притупленными углами.

Сосуд № 9: 1 фрагмент толстостенного гладкого сосуда, слабого обжига. Цвет серый, тесто рыхлое и содержит мелко и среднезернистый песок.

Сосуд № 10: 3 фрагмента венчика сосуда с орнаментом из плотных горизонтальных рядов наклонных оттисков мелкозубчатого гребенчатого штампа (лопатки с мелкозубчатым окончанием?). Цвет бледно-кирпичный, в

тесте есть примесь тонко и мелкозернистого песка. Срезы венчика отсутствуют, только орнаментированные части (рис. 48 – 11, 12; рис. 52 – 1, 2).

Сосуд № 11: 18 мелких фрагментов с оттисками наклонного мелкозубчатого гребенчатого штампа, расположенных во встречном направлении, образующих «елочный» узор. Венчик с прямым срезом, орнаментирован косыми оттисками того же штампа. Внутренняя сторона заглажена. Цвет бежевый, бледно-кирпичный. В тесте есть примесь мелкозернистого песка.

Сосуд № 12: 1 мелкий фрагмент венчика с тонким заоваленным срезом, по краю которого с внешней стороны идут короткие косые насечки, ниже мелкое сквозное отверстие. Толщина 0,4 см, цвет бледно-кирпичный, в тесте отмечен мелко и реже среднезернистый песок.

Мелкие неопределимые фрагменты: 10 экз.

Керамические плитки: 3 экз. Крупный, тонкий и прямой в профиль фрагмент керамической плитки толщиной 0,5-0,6 см - 1 экз. (рис. 48 – 13; рис. 52 - 5). Срез изделия прямой, со слегка закругленными краями. Цвет серовато-бежевый. В тесте содержится много мелкозернистого песка. Одна сторона очень гладкая, тщательно заглажена, вторая в меньшей степени, так что на ней видны песчинки примеси. Размеры: 5,5см x 3,8см.

Фрагменты керамической плитки прямые в профиль, без орнамента – 2 экз. Толщина 0,7см. Цвет бежевый, бледно-кирпичный. В тесте есть примесь мелкозернистого песка и тонких растительных волокон.

Костные остатки: 794 экз. (определения фаунистических остатков выполнены к.б.н. А.М. Клементьевым):

среднеразмерное копытное: фрагмент левого астрала – 1 экз.;
фрагмент нижнего блока метаподии - 1 экз.

неопределимые мелкие фрагменты – 792 (по большей части оббоженные).

Всего археологических находок: 1738 экз. и 794 костей и их фрагментов.

Итого материалов слоя 2 поселения Муханские Озера I: 2114 экз. и 823 экз. костей и их фрагментов.

Новые материалы, описание которых дано в данной главе, уточняют и дополняют представления о неолите – бронзовом веке Западного Забайкалья. Каменный и керамический материал слоя 2 Красной Горки обнаруживает сходство с материалами начального неолита усть-каренгской культуры и слоев 8-9 Студеного 1, слоев 5-8 Усть-Мензы 1 [Ветров, 1995, 2012; Константинов, 1994; Разгильдеева, Куникита, Яншина, 2013]. В коллекции раннего неолита слоя 2 юго-восточного комплекса в Ярцах Байкальских прослеживаются отдельные черты сходства с материалами предшествующего этапа. Поздненеолитическая керамика Муханских Озер I указывает на длительный период времени существования в Забайкалье керамики посольского типа. Познеглазковские находки из Ярцов Байкальских, наряду с материалами могильников Фофаново и Онкули [Герасимов, Черных, 1975; Хамзина, 1974], стоянок Окуневая IV и Катунь I [Горюнова, Лыхин, 1985], маркируют восточную границу ареала распространения глазковской культуры бронзового века. В то же время, материалы слоя 1в центрального комплекса этого же памятника могут быть отнесены к хэнтэйской культуре бронзового века и маркируют восточную границу ее ареала. Все эти данные использованы для обновления культурно-хронологической схемы неолита – бронзового века Западного Забайкалья, что подробно рассмотрено в следующей аналитической главе.

ГЛАВА 3

КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НЕОЛИТА – БРОНЗОВОГО ВЕКА ЗАПАДНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУР ВОСТОКА, ЮГО-ВОСТОКА АЗИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

3.1. Начальный неолит (12-7,5 тыс. л.н.)

Для северных регионов Азии начало неолита принято связывать с появлением гончарных изделий [Ошибкина, 1996]. Такой подход, вероятно, справедлив и для других регионов мира, где первые глиняные горшки возникли в конце плейстоцена. Комплексы этого возраста в зарубежной научной литературе принято обозначать термином Initial Neolithic или Начальный неолит [Джалл Э. и др., 2001; Boaretto et al., 2009; Wu et al., 2012; Hommel, 2012; Жущиховская, Мыльникова, 2020]. В Японии принята более подробная периодизация и обозначения Первоначальный и Начальный Дзёмон (Incipient Jomon и Initial Jomon) для начала неолита [Special Exhibition..., 2009; Sato, Izuho, Morisaki, 2011; Kunikita et al., 2017]. В России памятники этого времени относят к Начальному неолиту [Ветров, 1985; 2012; Деревянко, Медведев, 1993; Васильевский, Крупянко, Табарев, 1997; Лапшина, 2000; Жущиховская, 2004; Kuzmin, 2006; Шевкомуд, Яншина, 2012; Разгильдеева, Куникита, Яншина, 2013; Медведев, Филатова, 2014].

Для понимания места представляемых в настоящей работе материалов слоя с древней керамикой стоянки Красная Горка в общей системе неолитических памятников изучаемого региона необходимо дать им подробную характеристику и сравнить с материалами других известных одновременных комплексов региона, имеющих раннюю керамику (Табл. 11).

Технико-типологический анализ нуклеусов, заготовок нуклеусов и технических сколов Красной Горки позволяет реконструировать процесс первичного расщепления камня. Всего можно выделить три основных варианта в рамках единой технологии расщепления камня:

Вариант 1: сырьевой конкреции придавалась клиновидная форма путем предварительной бифасиальной подработки. При отсутствии реберчатых ладьевидных и лыжевидных сколов, имеются заготовки хоть и с грубой, но бифасиальной подработкой (при наличии в коллекции тщательно изготовленных орудий на бифасах). Подправка ударной площадки в процессе утилизации нуклеуса производилась с фронта и латералей.

Вариант 2: каменным конкрециям, как правило, небольшим желвакам придавалась близкая клиновидной форма, путем подготовки ударной площадки снятием продольного скола и подработки латералей для создания клина. Затем производились пластинчатые снятия с торца, в дальнейшем подживление ударной площадки велось с фронта или латералей.

Вариант 3: близкая клиновидной форма придавалась путем подработки, когда на каменной конкреции скалыванием с одной стороны создавалась выпуклость, в то время как другая сторона оставалась плоской: а) поверхность с первичной коркой; б) вентральная поверхность скола; в) плоскость, специально уплощенная подработкой.

В ходе утилизации нуклеуса, ударная площадка подживлялась сколами с фронта или латералей. В результате гребень контрфронта оказывался слегка «заваленным» на одну из латералей. Затем с полученного пренуклеуса велись микропластинчатые снятия с торца.

Таким образом, заготовки нуклеусов нижнего слоя Красной Горки, как правило, имеют клиновидную форму с двусторонней обработкой и ровной ударной площадкой, подготовленной еще на этапе заготовки. Подживление ударной площадки велось от латералей и со стороны фронта, о чем свидетельствуют негативы сколов подправки ударных площадок на нуклеусах, а также сколы их подработки, снимавшиеся с латералей или фронта (рис. 54). В комплексе отсутствуют листовидные бифасы-заготовки, реберчатые и лыжевидные сколы. Имеющиеся в коллекции бифасы, вероятно, использовались только в качестве орудий, но не заготовок. То есть, технология

расщепления нуклеусов не является технологией юбецу в чистом виде, но также имеет бифасиальную основу.

Орудийный набор коллекции также обнаруживает сходство с позднепалеолитическими материалами. В первую очередь, трансверсальные резцы на крупных и среднего размера пластинчатых сколах, нетипичные для раннеолитических коллекций. В тоже время, сближающей с последними чертой являются трансверсальные резцы на мелких пластинчатых отщепах. Еще одно сходство с позднепалеолитическими материалами является и преимущественное использование микропластин без вторичной обработки. Такой же факт отмечен для памятников позднего палеолита (мезолита) Забайкалья [Константинов, 1994, с. 149; Ташак, 2005, с. 120]. Из скребков наиболее близкие к позднепалеолитическим являются концевые скребки на пластинах и пластинчатых сколах. В целом, отличаются они и от раннеолитических, среднеолитических микроскребков, имеющих более мелкие размеры.

При всем сходстве каменных изделий Красной Горки с позднепалеолитическими каменными артефактами, комплекс определяется как неолитический, поскольку в нем присутствует керамика. К древнейшему этапу появления гончарства в регионе Красную Горку относят абсолютные даты [Tsydenova, Piezonka, 2015; Tsydenova, Andreeva, Zech, 2017; Tsydenova et al., 2021].

3.1.1. Радиоуглеродные даты и их обсуждение

Всего в нашем распоряжении есть серия AMS дат, полученных по пищевому нагару на керамике: 6180 ± 50 л.н. (Поз-68594); 8345 ± 66 л.н. (KIA42073) и 9285 ± 35 (ТКА-19741), оба по одному фрагменту; 10625 ± 35 (ТКА-19740); 10685 ± 35 (ТКА-19737); 11155 ± 50 л.н. (AAR-21437); 11125 ± 35 (ТКА-19739); 11265 ± 35 (ТКА-13079). И еще даты, одна из которых получена по углю, а другая по мелкому фрагменту кости, причем, образцы взяты из одного небольшого углисто-сажистого пятна: по углю - 12020 ± 60 л.н. (Поз-

68609); по кости - 12010 ± 60 л.н. (Поз-68608). Этот образец угля был датирован повторно, и новая дата оказалась немного моложе – 11845 ± 40 (ТКА-19742).

Изотопы углерода и азота по нагару на керамике были измерены для четырех образцов: трех, полученных с внешней стороны и одного с внутренней стороны фрагментов керамики (Табл. 11). Результат по большинству образцов указывает на то, что в сосудах, вероятнее всего, готовилось мясо (млекопитающего?). Один образец 10625 ± 35 л.н. или 12650-12571 кал. л.н. (ТКА-19740) (Табл. 11), полученный с внутренней стороны фрагмента сосуда, может свидетельствовать о присутствии водных ресурсов. Хотя это всего лишь единичный образец, он подтверждает наши предыдущие данные о возможных признаках наличия рыб в культурном слое 2 (Цыденова и др., 2017).

Стратиграфия отложений в раскопе и в шурфах на Красной Горке, а также в шурфах и открытых обнажениях вблизи местонахождения сходная, что можно расценивать как подтверждение того, что слои с археологическим материалом не нарушены кардинальным образом. Кроме того, в слое было зафиксировано небольшого размера кострище, что также свидетельствует о том, что если и имело место горизонтальное смещение, оно не могло быть значительным. Относительно даты 8345 ± 66 л.н. (KIA42073) специалистами, датировавшими этот образец, был дан комментарий о возможном омоложении датировки в силу маленького размера образца, что подтвердилось повторным датированием этого же фрагмента, когда была получена дата 9285 ± 35 (ТКА-19741). Фрагменты шнуровой керамики с поздней датой 6180 ± 50 л.н. (Поз-68594) были найдены в слое и никаких следов их смещения не было зафиксировано, хотя нельзя исключить их вертикальное перемещение в результате биотурбаций. Но, вероятнее всего, в данном случае также имеем дело с омоложением даты по причине чрезвычайно малого объема образца. Следует отметить, что в слое имеются другие фрагменты со шнуровыми отпечатками, причем такими же нечеткими и даже более заглаженными. И их принадлежность к слою 2 не вызывает сомнений. Таким образом, даты в

пределах 11,8-10,0 тыс. л.н. представляются наиболее достоверными для комплекса слоя 2.

3.1.2. Корреляции материалов стоянки Красная Горка с комплексами позднего палеолита и начального неолита Забайкалья

Сопоставление каменных артефактов стоянок начального неолита Забайкалья между собой обнаруживает их сходство. В большинстве этих комплексов присутствует бифасиальная техника, есть в том числе, и техника подготовки клиновидных нуклеусов на бифасах. Аналогии прослеживаются и в наборах орудий, в виде трансверсальных резцов и концевых скребков. По технологии первичного расщепления наиболее архаично выглядят материалы усть-каренгских стоянок, обнаруживающие наибольшее сходство с бифасиальной традицией юбецу, хотя керамика не кажется столь древней.

На материалах усть-каренгских памятников начального неолита В.М. Ветровым был реконструирован процесс первичного расщепления [1995]. Выделено несколько вариантов и типов нуклеусов. Значительное место в коллекции занимают клиновидные экземпляры, для которых преформой являются бифасиально оббитые гальки или сколы небольшого размера. Эта стратегия расщепления все еще сохраняет признаки бифасиальной в основе юбецоидной техники, поскольку в этой цепочке присутствуют продольные лыжевидные сколы подправки ударной площадки, наряду с латеральной и фронтальной ее подработкой. Форма заготовки же, судя по иллюстрациям, далека от листовидного бифаса, к изготовлению которого обычно подходили с особой тщательностью. Микропризматические нуклеусы признаются продуктами той же схемы утилизации, но конечной ее стадии. Среди орудий выделяются концевые скребки на пластинчатых заготовках, трансверсальные резцы, бифасы [Ветров, 1995, с. 40].

По комплексам Студеного 1-2, Усть-Менза 1-2, Алтан и некоторых других стоянок специального исследования, посвященного реконструкции первичного расщепления нет. Автором раскопок, М.В. Константиновым, отмечается, что комплексы позднего палеолита - раннего неолита

характеризуются присутствием клиновидных нуклеусов. По его мнению, технология первичного расщепления на юге Западного Забайкалья остается неизменной с позднего плейстоцена по начало голоцена [Константинов, 1994; Goebel et al., 2000]. В. И. Ташак и Ю. Е. Антонова пришли к выводу, что, студеновская индустрия на ранней стадии представляла собой традицию сходную с тогесита (18-15 тыс. л. н.) и отмечают ее сближение с юбецойской линией развития. На поздней стадии (14-11 тыс. л. н.) индустрия, по их мнению, приобретает сходство с селенгинской традицией [Ташак, 2005; Антонова, 2012, с. 5]. Однако рисунки единичных преформ, имеющиеся в публикациях [Константинов, 1994, рис. 52 - 1], позволяют все же предположить присутствие традиции бифасиального оформления пренуклеусов на поздней стадии и в горизонтах с ранней керамикой. Опять же на основе опубликованных рисунков и описаний видно, что для индустрии слоев 8-9 Студеного 1 характерны клиновидные нуклеусы с латеральной подработкой ударной площадки и микропризматические, нет орудий – бифасов. Единственный бифас имеется в слое 7б Студеного 1. О лыжевидных сколах не упоминается. Более распространен, по-видимому, выбор, в качестве основы для заготовок (преформ с двухсторонней подработкой) сколов и отщепов, в том числе, первичных. Таким образом, технологии первичного расщепления усть-каренгских раннекерамических комплексов и одновременных комплексов Усть-Каренги, Студеного 1, Усть-Мензы 2 и Красной Горки имеют определенное сходство. В качестве преформы выступают во всех комплексах преимущественно бифасильно подработанные конкреции небольших размеров [Ветров, 1995, с. 39-41; Константинов, 1994, рис. 52; Цыденова, 2011]. Хотя подживление ударной площадки лыжевидными сколами встречается только на Усть-Каренге.

Сравнительный анализ комплексов начального неолита с позднепалеолитическими указывает на преемственность в развитии каменных технологий в Забайкалье, что соответствует общей тенденции в большинстве регионов Северо-Восточной Азии. Следует отметить, что большинство

комплексов позднепалеолитического периода относят или ранее относили к мезолиту [Константинов, 1994; Ташак, 2000, 2005]. В последнее время все больше исследователей, по аналогии с другими комплексами Северной Азии, отказываются от понятия «мезолит» и определяют позднеплейстоценовые материалы поздним или финальным палеолитом [Инешин, Тетенькин, 2010; Антонова, 2012; Павленок, 2015].

Для данного региона выделены две основные культурные традиции позднего палеолита – чикойская бифасиальная аналогичная юбецу, представленная материалами стоянки Аршан-Хундуй [Ташак, 2005], и унифасиальная селенгинская, к которой отнесены Усть-Кяхта 3, 17 [Ташак, 2005; Павленок, 2014] (рис. 55). По комплексам селенгинской культуры имеются даты в пределах 11-12 тыс. л.н., чикойская культура датируется 18 тыс. л.н., но абсолютных дат не имеет.

Ближайшим к Западному Забайкалью бифасильным стратифицированным позднепалеолитическим комплексом, является Большой Якорь I, расположенный в Байкало-Патомском нагорье. Для горизонтов 6-3 позднего палеолита методом ремонтажа реконструирована технологическая цепочка первичного расщепления, демонстрирующая технику юбецу. Для позднеплейстоценовых слоев 6-3 этого памятника имеются серии абсолютных дат в пределах 12,7-10,1 тыс. л.н. [Инешин, Тетенькин, 2010].

В тоже время, наряду с юбецоидным комплексом Большого Якоря I на Нижнем Витиме для позднего плейстоцена – раннего голоцена есть описания синхронных комплексов стоянок Коврижка III (культурный горизонт 2) и Авдеиха, где подработка ударной площадки клиновидных нуклеусов производилась снятиями с латералей и фронта [Тетенькин, 2010].

Еще одним комплексом, отнесенным в литературе к раннекерамическим, является Усть-Кяхта 3, слой 1. Раскопки стоянки велись в 1976 г. экспедицией под руководством А. П. Окладникова. В слое 1 было зафиксировано более 10 мелких фрагментов керамики. В литературе имеется лишь описание этих фрагментов, никаких рисунков или фотографий нет.

Известно, что это были остатки одного небольшого тонкостенного сосуда темно-коричневого цвета с тонкими и слегка залощенными стенками. На изломе фрагментов была видна минеральная примесь в виде песка крупной фракции, а также дробленой скорлупы яиц страуса. Венчик слабо отогнут наружу. Орнамента нет, лишь на внутренней поверхности, согласно описания И. В. Асеева [Асеев, 2003, с. 37], отмечаются «отпечатки в виде параллельных жгутиков». Возможно, это были следы затирки травой или прочесы гребенчатым шпателем, характерные для усть-каренгской керамики и для большей части древней керамики Дальнего Востока. Относительно технологии первичного расщепления камня отмечено, что леваллуазские приемы расщепления являются стадией изготовления торцовых клиновидных нуклеусов [Там же]. Более подробная характеристика каменной индустрии дана в работе Г. Д. Павленок, где этот комплекс признается относящимся к «селенгинской» индустрии [Павленок, 2014, с. 113; Павленок, 2015].

Отсюда следует вопрос возникновения керамики в Забайкалье на базе бифасиальных комплексов типа «чикойской» индустрии или о существовании альтернативного пути ее возникновения в комплексах «селенгинской» индустрии. Абсолютные датировки немногочисленны, но свидетельствуют об их одновременности. Для прояснения вопроса необходимо в первую очередь сравнить коллекции между собой.

Однако некоторые специалисты сомневаются в принадлежности этой керамики к позднеплейстоценовому слою 1 Усть-Кяхты 3, для которого по углю была получена дата 11505 ± 100 л. н. (СОАН-1552), две даты по кости - 12136 ± 54 л. н. (АА-12176; NSKA-00830) и 12151 ± 58 л. н. (АА-12185; NSKA-00831) [Павленок, 2015]. Так, например, В.И. Ташак, изучавший ряд одновременных стоянок в окрестностях с. Усть-Кяхта, ни на одном из комплексов позднего плейстоцена керамики не обнаружил [Ташак, 2005].

Сравнение резцов Красной Горки с резцами «селенгинской» индустрии, выделенной В. И. Ташаком, показывает их отличие [Ташак, 2005]. Селенгинские изделия этого типа изготавливались на пластинчатых отщепах

и рабочие края их оформлялись на дисталах. Кроме того, у некоторых селенгинских резцов участок латерали, сопряженный с углом резцового скола, подработан ретушью и имеет выступ. Другой их характерной чертой является утончение со стороны противоположной рабочему краю. Подобные приемы отсутствуют в оформлении резцов Красной Горки. Так, группа резцов с высоким сечением не несет следов намеренного утончения, равно как и характерного выступа у рабочего угла. Собственно, и сам этот тип резцов с высокой спинкой не представлен в комплексах селенгинской культуры.

Помимо резцов с высокой спинкой, другие отличительные черты каменной коллекции Красной Горки прослеживаются в оформлении скребков. Это выражается в наличии таких изделий, как концевые скребки на пластинчатых заготовках, скребки округлых форм на отщепах средних размеров. Превалирование скребков не на стандартных заготовках, а произвольно взятых отщепах и сколах, вероятно, должно рассматриваться как поиск новых форм.

Позднепалеолитическая традиция прослеживается в оформлении вкладышей из микропластин в коллекции Красной Горки, подавляющее большинство из которых использовалось без специальной обработки. Лишь небольшой процент изделий имеет краевую мелкую вентральную или дорсальную ретушь. Аналогичный факт относительно микропластин отмечен разными авторами для комплексов позднего палеолита-мезолита Забайкалья [Константинов, 1994; Ташак, 2005].

Керамика Красной Горки (слой 2) в целом демонстрирует как сходства, так и различия с ранней керамикой Юго-Западного Забайкалья. Прежде всего, сходства наблюдаются в методе моделирования. Исследователи керамики Студеного-1 (слои 8, 9) и Усть-Мензы 1 (слои 5-8) пришли к выводу, что она была изготовлена из жгутов или лоскутов [Разгильдеева, Куникита, Яншина, 2013, с. 175]. В качестве отощителя в тесте сосудов всех этих стоянок, а также Усть-Каренги, использовались песок и растительные добавки. Также для сосудов из всех этих комплексов характерно наличие шнурового или

штрихового декора. На Студеном-1 и Усть-Мензе 2 прослеживаются эти же приемы, в то время как на сосудах Усть-Каренги присутствует только штриховой декор в виде вертикальных прочесов или прокатов [Разгильдеева, Куникита, Яншина, 2013, с. 177]. На керамике же Красной Горки имеются только заглаженные шнуровые отпечатки.

Помимо наличия сходных черт между всеми этими керамическими материалами есть и различия. Так, в подавляющем большинстве фрагменты из комплекса Красной Горки представлены гладкостенными неорнаментированными экземплярами с большим содержанием песка в тесте.

Сосуды Усть-Каренги отличаются богатой орнаментацией, чего нет на сосудах из Студеного 1, Усть-Мензы 2 и Красной Горки. Также сосуды Усть-Каренги имеют горизонтальные линии затирки на внутренней стороне, в то время как подобная обработка внутренней поверхности встречена только на одном сосуде из Студеного 1 [Разгильдеева, Куникита, Яншина, 2013, с. 177]. Параллельные прочерченные полосы на внутренней стороне отмечаются исследователями для одного фрагмента керамики слоя 1 Усть-Кяхты 3 [Асеев, 2003].

Технологию производства керамики Красной Горки (уровень 2) трудно реконструировать, поскольку мы не располагаем достаточным числом диагностичных фрагментов. Можно отметить лишь некоторые технологические особенности. Один из них - двухслойность. Возможно, эта двухслойность свидетельствует о спае внахлест тонких и широких лент или о лоскутном методе. Один диагностичный фрагмент, состоящий из двух апплицирующихся частей, демонстрирует соединение лент (?) практически встык, с небольшим нахлестом или скорее примазкой теста от одной части к другой для выравнивания шва спая. В любом случае, пока еще невозможно понять, какой из этих методов использовался. Возможно, имели место оба варианта: спай лент внахлест и встык. Примесь, содержащаяся в тесте, в основном минеральная и состоит из мелко, средне и крупнозернистых фракций песка.

Относительно растительной примеси тонкого волокнистого характера можно предположить, что это был побочный продукт (отходы) текстильного производства. По крайней мере, наши экспериментальные работы показали сходство следов от выгоревших волокон с продуктами, полученными в процессе изготовления нитей из растительного сырья. Проведенные нами экспериментальные работы по изготовлению нитей дали основание утверждать, что эти волокна являлись побочными продуктами или отходами процесса обработки растительного сырья. Следы от выгоревшей органики в основном очень тонкие, но некоторые из них сохраняют рисунок волокнистой структуры или не до конца расщепленного стебелька. Версия об измельченной траве в данном случае вряд ли будет правильной, так как обработка самой обычной травы оказалась непродуктивной. Тонкое волокно получилось только из крапивы, конопли и кипрея, которые используются и в настоящее время в текстильном производстве. Причем полезный выход у каждого из этих растений оказался разным. Наиболее продуктивной из использовавшихся в эксперименте растений оказалась конопля.

В сравнении с керамическими фрагментами Усть-Кяхты 3, больше ни в одной коллекции как с забайкальских местонахождений, так и дальневосточных нет керамики с примесью измельченной скорлупы яиц страуса. Кроме того, и в каменных индустриях опять же забайкальских и дальневосточных комплексов с древней керамикой унифасиальных традиций близких «селенгинской» не прослеживается. Вероятно, следует предположить то, что, керамика Усть-Кяхты 3, возможно и имеет древний возраст, но, в комплекс слоя 1 могла быть привнесена извне, например, в результате процессов биотурбации.

В контексте тематики ранней керамики в Забайкалье следует остановиться на дискуссионности этой проблемы в целом. Так, помимо сомнений по поводу принадлежности керамики слою 1 Усть-Кяхты 3, есть и другой момент дискуссии. Так, автором раскопок поселений Студеное 1 и Усть-Менза 1 М.В. Константиновым отрицается столь ранний возраст слоев с

древней керамикой [Константинов, 2016, с. 186]. Он считает, что датироваться эти комплексы должны в пределах 7-6,5 тыс. л.н. [Константинов, 1994, с. 153]. Эти убеждения основаны на разработках региональных климатостратиграфических подразделений (в том числе на многослойных археологических местонахождениях Студеное 1,2, Усть-Менза 1,2 и др.), хронологические рамки и границы которых были предложены коллективом исследователей во главе с геологом четвертичником Д. Б. Базаровым, [Базаров и др., 1982; Базарова, 1985]. Однако новые даты, а также обнаружение холодных спорово-пыльцевых спектров в этих слоях, позволяющих реконструировать палеоландшафты как тундровые и лесотундровые ассоциации, говорят в пользу их позднеплейстоценового возраста. В них отражены кустарники, полынь и разнотравье [Разгильдеева, Решетова, Попов, 2008, с. 25; Разгильдеева, Куникита, Яншина, 2013, с. 170)].

Сходные результаты палинологического изучения 7 слоя Усть-Каренги отмечались В.М. Ветровым со ссылкой на заключение В. В. Климановой: «... основное пространство занимали разнотравные степи, заросли кустарниковых форм берез, ольхи и ольховника; по склонам возвышенностей распространялось сосново-лиственное редколесье, каменистые склоны покрывали заросли плаунка сибирского. Именно такой спектр являлся характерным для плейстоцен-голоценового рубежа в позднеледниковье при сухом и холодном климате» [Ветров, 2010, с. 37].

Для нижних литологических слоев стоянки Красная Горка палинологические исследования отложений были произведены В. Б. Базаровой и М. С. Лящевской, палинологами из Тихоокеанского института географии (г. Владивосток). Ими реконструированы изменения среды позднего плейстоцена-начала голоцена. Данные по пыльце, полученные из профиля Красная Горка по литологическим слоям 4 (культурный слой 2) и 5, указали на холодные и сухие условия окружающей среды, характерные для позднего плейстоцена (рис. 56) [Tsydenova et al., 2021].

Вышеприведенные данные палинологии в целом соответствуют палеоклиматическим реконструкциям и результатам палинологических исследований донных отложений озер Западного Забайкалья. Помимо этого, новейшие данные по палеоклимату Байкальского региона указывают на существование коротких периодов потепления в финале плейстоцена, синхронных аллерёду по европейской геохронологической шкале [Bezrukova, 2012].

3.1.3. Корреляции комплексов начального неолита Забайкалья с раннекерамическими комплексами Дальнего Востока

Основные характеристики переходных от палеолита к неолиту комплексов осиповской и устиновской культур принципиально сходны с характеристиками забайкальских памятников этого же периода [Окладников, Деревянко, 1977; Деревянко, Медведев, 1993; Гарковик, 1996; Деревянко, волков, Ли Хонджон, 1998; Васильевский, Крупянко, Табарев, 1997; Шевкомуд, Яншина, 2013]. Исследователи единодушны во мнении о том, что к началу неолита все еще продолжают бытовать позднепалеолитические традиции.

Каменная индустрия Красной Горки (слой 2) также не является исключением и ей присущи черты позднепалеолитических культур. Причем, по всей видимости, она также ближе к позднепалеолитическим бифасиальным в основе комплексам юбецоидного типа, как Громатуха и Хумми. Однако в отличие от памятников осиповской и устиновской культур здесь не встречаются бифасиально обработанные наконечники стрел, а также шлифованные и шлифованные изделия, в том числе рубящие орудия.

Исследователи отмечают, что между громатухинской и осиповской культурами есть различия в каменных индустриях [Шевкомуд, Яншина, 2013]. Громатухинская ближе к селемджинской традиции, для которой характерны как нуклеусы, выполненные на бифасах, так и плоскостные нуклеусы эпилеваллуазской традиции [Окладников, Деревянко, 1977]. Коллекция Гончарки 1 отличается от громатухинской тем, что в комплексе очень мало

нуклеусов при большом числе бифасиальных изделий. Микронуклеусы выполнены на двухсторонне оббитых небольшого размера гальках [Шевкомуд, Яншина, 2013, рис. 44]. В громатухинской культуре в отличие от осиповской единично число наконечников стрел. В тоже время, другой памятник осиповской культуры Хумми имеет в коллекции микропластинчатые нуклеусы юбецойдного облика [Лапшина, 2000, с. 193].

В Забайкалье отсутствует плоскодонная посуда в этот период. Как правило, сосуды имели приостренное днище. Однако в ранней керамике присутствует ряд черт, сближающих с дальневосточной керамикой.

Керамика обнаруживает древние связи между громатухинцами и осиповцами. В ней присутствуют как общие черты, так и различия [Шевкомуд, Яншина, 2013; Медведев, Филатова, 2014]. В соответствии с этим наблюдаются сходства керамики забайкальских памятников с громатухинским и осиповским комплексами одновременно.

Сравнение громатухинских и забайкальских комплексов

Аналогии громатухинским сосудам в забайкальских материалах, прежде всего, обнаруживаются в керамике усть-каренгской культуры, где есть и горизонтальные пояса по всему тулову сосудов оттисков шагающей гребенки на внешней поверхности [Ветров, 2011]. Имеются экземпляры с техническим декором в виде вертикальных прочесов (штриховых линий) на внешней стороне. Сходство с усть-каренгскими сосудами и остальными забайкальскими сосудами проявляется в форме сосуда с приостренным днищем, а также в наличии на внешней стороне сосуда из Громатухи технического декора из вертикальных прочесов, характерных как для усть-каренгских сосудов, так и сосудов Студеного 1 и Усть-Мензы 1. Широко распространен в материалах Громатухи шнуровой декор, характерный также и для сосудов со Студеного 1, Усть-Мензы 1 и реже Красной Горки. Есть такой декор и на реконструированном сосуде, хранящемся в университете Кокогакуин в г. Токио [Шевкомуд, Яншина, 2013, с. 221]. Технологическими приемами характерными для ранней керамики всех сравниваемых стоянок

является наличие минеральной примеси, но, следует отметить, что характер и количество ее различно для разных памятников. Так же, как и различается объем органической примеси, так, например, в громатухинской керамике ее содержится значительно больше, чем в остальных. Объединяющим с материалами Красной Горки признаком является двухслойность фрагментов, которую в обоих случаях сложно трактовать, возможно, это результат широких спаев «внахлест». На счет двухслойности громатухинских сосудов высказаны также предположения о том, что это может быть результат замазывания дополнительным слоем глины следов армирования стенок травой [Шевкомуд, Яншина, 2013, с. 219] или возможное свидетельство формовки лоскутным методом [Жущиховская, 2004, с. 27]. Однако наличие фрагментов, демонстрирующих спай почти «встык», с примазыванием спая движением теста от одной соединяемой части к другой, не подтверждает лоскутный способ формовки, и тогда эта двухслойность скорее является результатом формовки из лент, соединявшихся «внахлест». Помимо этого, в комплексе Громатухи, как и на стоянках Забайкалья есть экземпляры с приостренным дном, правда, в тоже время присутствуют и плоскодонные сосуды, которых нет на забайкальских стоянках [Окладников, Деревянко, 1977]. В целом же, близость громатухинской культуры с забайкальскими ранними керамическими комплексами прослеживается по целому ряду признаков, что и отмечают исследователи [Yanshina, 2017, р. 75]. Отличия же, по всей видимости, являются отражением региональной специфики и более древних датировок слоя 3 Громатухи. По материалам громатухинской культуры (Громатуха слой 3, Черниговка-на-Зее слой 2) получены серии AMS дат в пределах 16260 – 8010 кал. л.н. по органическому отошителю в черепках, 15010-9550 кал. л.н. по нагару на керамике, 14820-11200 кал. л.н. по углю [Деревянко и др., 2017, с. 8-9].

Сравнение с осиповскими комплексами

Аналогии в материалах осиповских памятников проявляются также в виде зигзагообразного орнамента и присутствия на некоторых фрагментах

керамики с памятников Гася, Хумми и реже Гончарки 1 шнурового (веревочного) технического декора и горизонтальных прочесов гребенчатым орудием по внутренней стороне сосудов. Сходство с керамикой Красной Горки проявляется также в двухслойности некоторых фрагментов Гончарки 1. На хуммийской керамике и из Гончарки 1 есть орнаментация в виде гребенчатого зигзага, характерная для усть-каренгских. Горизонтальный и наклонный прочес гребенчатым шпателем с внутренней стороны и вертикальный нечасто встречаемый в Гончарке 1 является четко фиксируемым признаком на сосудах осиповской и усть-каренгской культур, а также единичным случаем на остатках одного сосуда из Студеного 1 [Шевкомуд, Яншина, 2013, с. 218; Разгильдеева, Куникита, Яншина, 2013, с. 176]. Но опять же есть отличие в виде плоскодонности осиповских сосудов, а также в наличии широких и невысоких сосудов на той же Гончарке 1.

Сравнение с устиновским комплексом

Считается, что устиновские комплексы с ранней керамикой сложились на основе позднепалеолитической устиновской культуры. Материалы первичного расщепления отличаются от громатухинской и осиповской традиций преимущественно унифасильным характером первичного расщепления каменного сырья. Преобладают изделия на пластинчатых заготовках, нуклеусы плоскостные, призматические для снятия пластин [Васильевский, Крупянко, Табарев, 1997]. Вместе с тем имеются и бифасиальные изделия. Сходство с осиповскими комплексами прослеживается в наличии пришлифованных изделий, наконечников стрел и т.д. [Там же]. Керамика немногочисленна, представлена в комплексе Устиновки 3 фрагментами гладкостенного сосуда простой формы с прямым венчиком, изготовленного по интерпретации исследователей лоскутным способом [Гарковик, 1996, с. 63]. Сходство с осиповскими сосудами проявляется в наличии горизонтальных линий на внутренней стороне фрагментов [Там же]. В тоже время высказываются и сомнения по поводу

лоскутного способа формовки этой керамики [Шевкомуд, Яншина, 2013, с. 176].

3.1.4. Раннекерамические комплексы Забайкалья в контексте комплексов с древнейшей керамикой из других регионов Востока и Юго-Востока Азии

Китай

На сегодняшний день древнейшие в мире керамические комплексы находятся в Азии. Исследования последних лет в южных провинциях Китая на пещерных стоянках Мяоянь, Юйчаньянь, Цзэнпиянь, Сяньжэньдун и др. предлагают нижнюю границу появления первой керамической посуды в 20-18 тыс. кал. л.н. [Boaretto et al., 2009; Wu et al., 2012; Xianrendong..., 2014; История Китая..., 2016]. Сосуды Юйчаньянь, Цзэнпиянь, Сяньжэньдун в основном со шнуровыми и штриховыми оттисками на внешней стороне, толстостенные с приостренным или округлым дном, прямым срезом венчика. Орнамента нет или он беден, присутствует в виде тонких косых насечек по краю венчика, а также в виде двойного ряда несквозных округлых наколов вдоль края венчика с внешней стороны на поздних этапах. В тесте эти сосуды обычно имели много минеральной примеси – крупные фракции песка [Xianrendong..., 2014, р. 80-86]. Шнуровой декор, вероятно, выполнен прокатом ролика в виде палочки с намотанным на нее шнуром [Xianrendong..., 2014; Яншина, 2019]. Коллекция каменных изделий стоянки Сяньжэньдун демонстрирует не очень выразительную в технологическом плане отщеповую в своей основе индустрию. Орудийный набор составляют скребки, резцы, сверла на отщепах, отбойники, а также редкие шлифованные орудия [Xianrendong..., 2014, р. 92]. Для большинства комплексов характерна каменная индустрия типа Хоабинь, а также изделия из кости – в основном это острия, гарпуны, иглы, и ножи из раковин [История Китая..., 2016].

Вместе с тем российскими исследователями отмечается то, что ранние датировки комплексов с ранней керамикой юга Китая обнаруживают ряд проблем: большая часть памятников являются пещерными памятниками со

сложной стратиграфией и различиями в методах и материалах датирования, когда часто датировались раковины, что удревняло комплексы. Сомнения по поводу того, что отбор образцов для датирования зачастую производился на отдельных участках пещер и т.д. [История Китая..., 2016; Яншина, 2019]. В итоге, предлагается рассматривать эти памятники в рамках длительного перехода от верхнего палеолита к неолиту [История Китая..., 2016].

Отдельную группу памятников, где найдена ранняя керамика, составляют памятники провинции Хэбэй и верховьев р. Хуайхэ: Дунхулинь, Наньчжауантоу, Линзин и др., которые признаются разнородными. Датировются они в пределах 12700-8700 кал. л.н. [История Китая..., 2016; Яншина, 2019].

В северо-восточных провинциях Китая стоянок с ранней керамикой известно меньше: Хоутаомуга, Шуанта, Таошань, Сяонаньшань. Для каменной индустрии этой и предыдущей группы в основном характерны микропризматические технологии.

Для нижнего 4 слоя Хоутаомуга характерны плоскодонные толстостенные сосуды с гребенчатыми оттисками (в том числе оттисками шагающей гребенки), содержащие в тесте значительное количество растительной примеси. Для этого слоя получена серия AMS дат по нагару на сосудах в пределах 10550 ± 50 л.н. (МТС-17581) - 9770 ± 90 л.н. (МТС-17752) [Kunikita et al., 2017]. Эти даты - редкие примеры прямого датирования керамики из ранних комплексов Китая. Авторами раскопок предполагается связь комплекса нижней фазы с памятниками Приморья и усть-каренгской культурой Забайкалья. Одним из объединяющих признаков считают орнаментацию «шагающей» гребенкой, а также наличие растительной примеси в тесте керамики.

Еще одним памятником, где найдена плейстоценового возраста керамика, является стоянка Таошань в провинции Хэйлунцзян. Интересно, что технология первичного расщепления слоя 3 сходна с технологией Красной Горки и здесь также в качестве заготовок выступают небольшие конкреции

сырья заранее заданной клиновидной формы, с латеральной подработкой ударной площадки. Такая технология существует наряду с техникой юбецу и орудиями-бифасами. Керамика гладкостенная, имеет наlepные валики. Имеются две даты по углю: 12580 ± 50 л.н. (BETA-430199 3) или 15172-14631 кал. л.н.; 12275 ± 30 л.н. (BA141494 3) или 14360-14044 кал. л.н. [Yue et al., 2020].

Япония

Следующим по древности керамики регионом являются Японские острова. На сегодня самые ранние даты имеют материалы стоянки Одай Ямамото I, около 16 тыс. кал. л.н. [Odai Yamamoto I..., 1999, P. 136]. Сосуды не имеют орнамента, гладкие. В тесте есть минеральная примесь, органики нет. Судя по немногим фрагментам, посуда была плоскодонной и, возможно, изготовлена из лент. Каменная индустрия относится к типу тёдзякубо-микосиба и характеризуется как комплекс с пластинами и изделиями на них, в том числе концевыми скребками, а также редкими бифасами, крупными топорами микосиба с двухсторонней оббивкой [Odai Yamamoto I..., 1999].

Прежде, до получения датировок по Одай Ямамото I, самой древней считалась керамика из пещеры Фукуи, расположенной на юге Японии. И сейчас она имеет одни из самых ранних дат – около 15 тыс. кал. л.н. [Kanomata et al., 2015, p. 50; Sato, Natsuki, 2017, p. 18-22]. Датировку в этих же пределах имеет комплекс Семпукудзи [Боднев, 2001; Sato, Natsuki, 2017, p. 18-22].

Вообще же, японские археологи выделяют несколько основных этапов в развитии керамики первоначального и начального дзёмон [Каталог выставки «Jomon wa itsu kara?...», 2009]:

1. Первоначальный дзёмон (草創期 sousoki или Incipient Jomon):

а) неорнаментированная «мумон», с бобовидными налeпами «мамэцубумон», налeпными валиками «рюкисэмон» и «рюсэнмон» (無文・隆線文) - 16000 ~ 13200 кал. л.н.;

б) с ногтевидными насечками «цумэгатамон», с отпечатками шнура или веревки «оацу дзёмон» (爪形文・押圧縄文) - 13000 ~ 12300 кал. л.н.;

в) шнуровая или веревочная «та дзёмон», гладкостенная «мумон» (多縄文・無文) – 11500 ~ 10500 кал. л.н.;

2. Начальный дзёмон (早期souki - Initial Jomon):

а) с отпечатками проката шнура или веревки «йоритомон-ито» (撚糸文) – 11500 ~ 10500 кал. л.н.

Вместе с тем существуют более детальные региональные схемы, что объясняется региональной спецификой и неравномерностью развития керамических традиций [Боднев, 2001].

По поводу происхождения керамики на японском архипелаге среди японских археологов нет единодушного мнения. Одни считают, что первые сосуды появились независимо друг от друга на юге и севере. Другие считали, что керамика впервые появилась на юге и проникла на острова из Кореи [Там же]. Но этому противоречит факт того, что самые ранние на сегодня даты на корейском полуострове получены для стоянки Госан-ри на о. Чеджу-до и определяются между 8,6-8,3 тыс. л.н. (9890-9130 кал. л.н.) [Sato, Natsukui, 2017, p. 18; Lee et al., 2019], то есть они намного моложе наиболее ранних японских дат. Третьи связывали происхождение керамики с устиновской и осиповской раннекерамическими культурами российского Дальнего Востока [Боднев, 2001, С. 38]. Однако на сегодняшний день, накоплено большое число радиоуглеродных дат для Японского архипелага, среди которых имеются даты примерно того же хронологического диапазона, что даты Одай Ямамото I [Sato, Natsuki, 2017, p. 18-22].

На юго-западе Японии, на о. Кюсю, в финале палеолита отсутствуют распространённые на севере архипелага юбецу традиции в чистом виде. Основами для клиновидных торцовых микронуклеусов являлись не листовидные бифасы, а небольшие желваки сырья для нуклеусов типа «фукуи» и «фуноано», или мелкие плитки для нуклеусов типа «каджиязоно».

Утилизация нуклеусов часто производилась до максимального истощения, нуклеусы на последней стадии расщепления иногда представляли собой микропризматические - конические или карандашевидные формы [Sato, Tsutsumi, 2007]. Каменные индустрии комплексов с ранней керамикой сохраняют позднепалеолитические традиции микропластинчатой техники.

В восточной и северной части японского архипелага на смену микропластинчатой технике приходит культура «микосиба», для которой характерны крупные рубящие орудия – топоры «микосиба» и двухсторонне ретушированные острия. Находки торцовых клиновидных нуклеусов единичны, даже на Хоккайдо, где для позднего палеолита выделено большое число микропластинчатых техник и типов торцовых клиновидных нуклеусов [Yamada, 2006; Sato, Tsutsumi, 2007]. Эти единичные микронуклеусы можно отнести к технике юбецу.

В технике первичного расщепления Красной Горки наблюдается сходство с техникой раннекерамического комплекса пещерного памятника Фукуи [Kanomata et al., 2015, p. 65]. Возможно, такое сходство, было обусловлено сходными параметрами литосырья. Для Фукуи характерно сочетание сразу трех техник подживления ударной площадки клиновидных нуклеусов, причем объясняется это небольшим размером сырьевых конкреций. Преформы подготавливались двухсторонней обработкой, но не представляли собой листовидные бифасы классического юбецу. Ударные площадки подживлялись: 1) продольными лыжевидными снятиями; 2) снятиями с латералей; 3) мелкими снятиями края ударной площадки, вдоль фронта. Датировки слоев 1-3 в пределах относят их к эпохе первоначального Дземона, нижележащие слои к палеолиту [Kanomata et al., 2015; Sato, Tsutsumi, 2007]. В орудийном наборе также есть бифасы. Различия же между ними заключаются в том, что комплекс Фукуи содержит наконечники стрел с двухсторонней обработкой, в то время, как на Красной Горке их нет. Правда, здесь присутствуют резцы и мелкие острия на пластинчатых отщепах, которых, в свою очередь нет в Фукуи. Имеются отличия и в керамике. На

Фукуи в слое 3 она линейно-рельефная (с валиками), в слое 2 - с ногтевидными отпечатками, а в слое 1 – с веревочными оттисками [Kanomata et al., 2015, p. 75-82]. Такой керамики на Красной Горке нет.

Корея

Самая ранняя керамика на известной по литературе южной части Корейского полуострова найдена на стоянке Косанни на о. Чечжудо. Для этих материалов имеются даты от 8310 ± 50 (KGM-OPy140001) до 8690 ± 50 л.н. (KGM-OWd130246), или между 9890-9130 кал. л.н. [Sato, Natsuki, 2017, p. 18]. Сосуды типа Косанни плоскодонные, преимущественно гладкостенные, реже орнаментированы пунктирным орнаментом или наlepными валиками. Цвет яркий, рыжеватый. В тесте присутствует большое количество растительной примеси. Каменный артефактный набор представлен большим числом наконечников стрел и каменных грузил, а также листовидными бифасами, шлифованными топорами и долотовидными изделиями, крупными топорами с двухсторонней обивкой, терочниками и пестами [Lee et al., 2019].

Таким образом, материалы слоя 2 стоянки Красная Горка обнаруживают сходства с керамикой других забайкальских памятников, а также дальневосточными комплексами. Наличие достаточного числа абсолютных дат, в том числе прямого датирования керамики, согласующихся с данными палинологических реконструкций климатических условий, а также сходства в технологиях каменного расщепления, типах каменных орудий с памятниками российского Дальнего Востока, Японии, северо-восточного Китая и Кореи, свидетельствуют в пользу выделения начального неолита в Забайкалье. Соглашаясь с мнением российских и японских исследователей о независимом возникновении древнейшей керамической посуды в разных частях Азии [Yanshina, 2017; Sato, Natsuki, 2017], тем не менее отмечаем наличие объединяющих признаков в технологии и типологии камня в комплексах начального неолита востока России, северо-востока Китая, Кореи, а также изначального/начального дземона Японии. Вероятно, это должно объясняться

независимым появлением керамических традиций в сходных бифасиальных комплексах. Но вместе с тем, взаимное влияние культур соседствующих областей российского Дальнего Востока и Забайкалья, Приамурья и северо-востока Китая на различных этапах начала неолита, не исключается. В любом случае, представленные в работе материалы стоянки Красная Горка дополняют представления о древнейшей в Забайкалье керамике и позволяют выделять этап начального неолита в этом регионе.

3.2. Ранний неолит (7,5 – 6,0 тыс. л.н.)

Преемственность от комплексов начального неолита к последующему его раннему этапу демонстрируют материалы нижнего слоя южного комплекса в Ярцах Байкальских. Сходство заключается, прежде всего, в трансверсальных резцах, оформленных на пластинчатых отщепах небольших размеров, с краевой притупляющей дорсальной ретушью на латералях. Эти изделия подобны резцам нижнего слоя стоянки Красная Горка, причем они аналогичны по выбору кремнистого сырья, типа заготовки (пластинчатый отщеп), вторичной обработке, а также совпадают по размерным характеристикам, что подтверждается при статистической обработке данных (рис. 57). Новшеством можно признать изготовление резцов на треугольных сегментах отщепов, хоть по остальным признакам они весьма сходны с другими орудиями этой группы. Резцов, выполненных на сколах крупнее, как на Красной Горке здесь нет. Отсутствуют также бифасы-клинки. Единственный торцовый клиновидный нуклеус из слоя 2 в Ярцах Байкальских имеет негативы подправки ударной площадки продольными сколами от фронта (не лыжевидными). В этом отличие как от селенгинского типа (подживление от латералей) и юбецoidного (снятие лыжевидных сколов). Особенной чертой коллекции также являются микроскребки, которые в отличие от более древних имеют четкую стандартизованность и типологическую выраженность (микроскребки на отщепах с округлым рабочим краем, с крутой и отвесной модифицирующей ретушью). В то время,

как в качестве заготовки микроскребка на Красной Горке выбирались в основном случайные отщепы. И опять же здесь отсутствуют скребки средних размеров: концевые скребки на пластинчатых заготовках, на отщепах округлой формы. То есть типологически материалы слоя 2 южного комплекса Ярцов Байкальских выглядят более молодыми по сравнению с материалами Красной Горки, но при этом свидетельствуют о преемственности традиций. По сравнению с более древними комплексами выбор каменного сырья стал разнообразнее. Основным сырьем стали выступать халцедоны и другие цветные породы.

Оригинальной находкой (южный комплекс, культурный слой 1) является каменный стерженек составного рыболовного крючка, отнесенный нами к «байкальскому типу». В известных по литературе коллекциях аналоги обнаруживаются в финально-мезолитических и ранненеолитических комплексах – Улан-Хада, слой IX [Новиков, Горюнова, 2005, с. 129, рис. 4], могильник Шаманка II [Базалийский и др., 2006, с. 89]. Из них типологически наиболее близок экземпляр из могильника Шаманка II [Там же, с. 89, рис. 5 - 6], из комплекса раннего неолита и датирующийся около 7-6 тыс. л.н. Исходя из этого, вероятно, данное изделие было переотложено и должно относиться к комплексу нижнего ранненеолитического уровня, но не исключается и вариант переиспользования его и в более позднее глазковское время, в слое которого он был найден.

В целом, каменная индустрия раннего неолита Байкальского региона продолжает свое развитие в направлении дальнейшего совершенствования, в том числе и рационализации микротехники, в первую очередь микропластинчатой. Вероятно, во многом такая ситуация была продиктована небольшими размерами сырья (яшмоиды, халцедоны и т.д.), на которое переходят неолитические обитатели региона, а также, возможно, в силу суровых природных условий, в которых продолжает бытовать и развиваться экономика охотников и собирателей.

Присутствие в комплексе Ярцов Байкальских шнуровой керамики также является еще одним свидетельством преемственности такого рода. Но при этом стенки сосудов стали тоньше, качество теста повысилось. Примесей крупных, в отличие, от керамики предыдущего этапа, здесь не наблюдается. Сами сосуды приобрели более профилированную форму. Основным типом является тонкостенная шнуровая керамика с орнаментом из горизонтальных поясов тонких прочерченных полос и «волны». Технология формовки, по всей видимости, ленточная, где ленты соединялись «внахлест». На это указывают фрагменты со сломом по месту спая. Причем, присутствие оттисков шнура, как на внешней, так и на внутренней стороне сосуда, является еще одной технологической особенностью. Наряду с тем, что отпечатки шнура с внешней стороны в придонной части разнонаправленные, это признак, вероятно, должен быть интерпретирован, как прием прокатывания валика с намотанным на него шнуром, к тому же с обеих сторон, для выравнивания тонких стенок и следов спаев лент. Отпечатки шнура на внутренней поверхности, возможно, указывают на способ формовки с использованием мягкого шаблона, например, текстильного мешочка. Нечеткость, некоторая замытость шнуровых оттисков с внутренней стороны могут свидетельствовать о многократном использовании этого шаблона, текстура которого забивалась глиняной массой. Наряду со шнуровой керамикой интересно присутствие фрагментов гладкостенного неорнаментированного сосуда, содержащих в тесте растительные волокна. По внешнему виду эти фрагменты сходны с гладкостенной керамикой Красной Горки, но немного тоньше и не имеют крупных примесей в тесте.

Сосуды с наклепными валиками, рассеченными 2-зубчатым орнаментом или насечками и гладкие, толстостенные в основном фиксировались в верхней части слоя при снятии дерна. По типологическим характеристикам первые определяемы, как относящиеся к финальному бронзовому-раннему железному веку, а вторые как средневековые. По этой причине из анализа в рамках

представляемой работы исключаются. Также, к поздним периодам, по всей видимости, относятся кости лошади.

3.2.1. Радиоуглеродная дата и ее обсуждение (Табл. 12).

Для слоя 2 по углю из кострища получена ^{14}C дата в Центре коллективного пользования «Геохронология кайнозоя» ИАЭТ СО РАН и ИЯФ СО РАН: 5225 ± 258 л.н. (NskA- (s724)).

Вероятнее всего, эта дата, имеющая большую стандартную ошибку, является омоложенной, поскольку по типологическим признакам артефактного набора (торцовый клиновидный нуклеус, трансверсальные резцы, фрагменты гладкостенного сосуда с примесью растительных волокон, «хайтинская» керамика и т.д.) и его аналогиям комплекс должен быть датирован несколько более ранним временем.

3.2.2. Корреляции с ранненеолитическими поселенческими и погребальными комплексами региона

Большинство авторов, предлагавших свои периодизационные схемы для неолита Забайкалья, вслед за А.П. Окладниковым выделили ранненеолитический мухинский этап. Однако вопросы хронологии материалов стоянки Мухино все ещё остаются не решенными. Работами 1990-х гг. установлена многослойность стоянки Мухино, выделено семь уровней залегания археологического материала, из которых нижний VII слой отнесен к палеолиту, имеет дату 13270 ± 140 (ГИН-5791). Материалов в нем найдено немного: заготовка призматического нуклеуса, чопперы, концевой скребок, пластины, отщепы [Ярославцева, 1993, 1996]. Слой VI предположительно отнесен к раннему неолиту [Ярославцева, 1993], содержал микропризматические нуклеусы, скребки, резцы, острия, проколки, фрагменты керамики со штриховым декором. Слои V-I были датированы финальным неолитом-бронзовым веком, но позднее по костям из III получена радиоуглеродная дата 9500 ± 470 (СО РАН-3033). В итоге, основные характеристики, по которым стоянка относилась к раннему неолиту

(«нуклеусы-скребки», сетчатая или шнуровая керамика) не подтверждены, а вопросы хронологии для выделенных слоев не решены.

В контексте ранненеолитических комплексов Предбайкалья с сетчатой керамикой возникает вопрос о месте и датировке сосудов с сетчатыми оттисками в Забайкалье. Следует отметить, что такая керамика встречается только в материалах поселений и стоянок по восточному побережью оз. Байкал, а также на юге региона - в Тункинской котловине [Цыденова, Хамзина, 2006; История Бурятии, 2011]. Проблемы стратиграфии и хронологии таких памятников, как Посольское поселение, не позволяют на сегодняшний день однозначно ответить на этот вопрос [Там же]. В целом, в начале рассматриваемого периода на большей части территории Западного Забайкалья была, по всей видимости, распространена керамика «хайтинского» типа, а к концу его появляются новые приемы формовки сосудов. Прежде всего, меняется форма венчика, который утолщается и преимущественно с внешней стороны своеобразным «карнизом» в виде налепа подтреугольной формы. Типологически эти сосуды «посольскому» типа.

К раннему неолиту принадлежат погребения ранней или группы I могильника Фофаново, соотносимые с китойской традицией и имеющие абсолютные датировки в пределах 7,5-7 тыс.л.н. Данная группа характеризуется скорченным положением костяков, наличием коллективных погребений, посыпкой охрой. Сопроводительный инвентарь представлен подвесками из расщепленных клыков кабана, ожерельями из зубов марала, украшениями - кольцами из мрамора (кальцита?), шлифованными топорами и теслами из нефритов, вкладышевыми кинжалами [Герасимов, Черных, 1975; Мамонова, Сулержицкий, 1989; Лбова, Жамбалтарова, Конев, 2008].

К тому же времени отнесен могильник на севере Забайкалья Старый Витим II (Усть-Муя), со скорченными костяками на боку и посыпкой охрой. Инвентарь погребенных составляли изделия из нефрита (тесла, ножи, их заготовки), абразивы для их изготовления, халцедоновые пластинки-вкладыши, агальматолитовые бусины, вкладышевый кинжал. Три погребения

датированы радиоуглеродным методом в пределах от 7280 ± 65 л.н до 6415 ± 79 л.н. [Ветров, 2002, с. 403; Ветров, 2003, с. 346].

По радиоуглеродным определениям к раннему неолиту также отнесены погребения № 20 и № 21 могильника Бухусан на оз. Исинга в Еравнинском районе Бурятии: 6430 ± 100 (ГИН-4410) и 6650 ± 90 л.н. (ГИН-4411) [Мамонова, Сулержицкий, 1989].

На восточном склоне горы Тологой Н. Н. Мамоновой выявлен могильник из 5-6 погребений, получивший название Тологой II. Из них, погребение № 1 отнесено к раннему неолиту и китойской традиции. На поверхности оно было выражено каменной кладкой. Погребенная 16-17 лет лежала на спине с согнутыми в коленях ногами, есть посыпка охрой. На груди найдены тонкие халцедоновые микропластины. Автор работ предположила, что они были вставлены в деревянную основу [Мамонова, 1957].

Еще одно погребение, открытое в Нижней Джилинде (Сивакон-1), в Бамбуйской котловине на берегу р. Витим с датой 7230 ± 40 л.н. (ГИН-405) имело своеобразный погребальный обряд и большое число сопроводительного инвентаря [Ветров и др., 1993, с. 106].

К раннему неолиту, вероятно, должны относиться и некоторые одиночные погребения, раскопанные или обнаруженные в виде экспонированных материалов на современной поверхности в разное время в бассейне р. Селенги. Не все из них имеют абсолютные датировки. Это погребения в местности Тулту-Дабан; в районе Новой Шишковки в черте г. Улан-Удэ; Улан-Одон возле д. Кибалино; у с. Дунда-Киреть на р. Хилок; у улуса Могсохон, на р. Кудун, в пади Тамахтай в районе с. Новая Брянь; на р. Чикое, у с. Поворот); Нижний Мангиртуй; Петропавловка; Зеленхоз и др. Почти все они представляют собой грунтовые захоронения в ямах. Положение костяков – скорченное на боку и на спине с согнутыми ногами, во многих случаях в погребениях присутствует охра.

Общим для всех этих погребений является отсутствие керамики. Всем им присущи различные элементы китойской культуры: засыпка погребенного

охрой, наличие в некоторых могилах подвесок из клыков кабана и бус, в том числе из зубов марала (Дунда-Киреть, Тамахтай, Новая Шишковка), костяные вкладышевые орудия, а также костяные иглы, игольник из трубчатой кости (Бухусан (погр. 20, 21), Старый Витим II, Тулту-Дабан, Могсохон, Поворот, Тологой II (погр. 1), Верхний Мангиртуй, Зеленхоз), шлифованные нефритовые орудия (Новая Шишковка, Улан-Одон, Тамахтай). Отличает эти могилы от классических китойских положение костяков, которые находились в основном на спине или на боку с подогнутыми ногами, но в то же время этот признак сближает их между собой, с китойскими погребениями могильника Хоторук (Усть-Анга) в Приольхонье и в некоторой степени с погребениями, известными в Восточном и Юго-Западном Забайкалье - Усть-Менза-5, Мельничное, Жиндо, Токуй [Константинов, 1994, с. 159; Константинов, Константинов, 2015, с. 106-107; Васильев и др., 2018].

На территории Западного Забайкалья в погребениях неолита керамика встречается исключительно редко. Так, единственный тонкостенный фрагмент с отпечатками тонкого витого шнура найден в погребении № 3 ранне-неолитической группы могильника Фофаново [Жамбалтарова, 2010]. Несколько мелких фрагментов керамики без орнамента обнаружены в погребении 20 могильника Бухусан [Ивашина, 1979].

Следует отметить, что погребения и поселенческие комплексы неолита плохо коррелируются между собой, прежде всего потому, что в погребениях крайне редко находят керамику. Помимо этого, находки из могильников редко находят аналогии в материалах поселенческих комплексов, что также затрудняет корреляцию погребений и поселений между собой.

3.2.3. Корреляции с ранне-неолитическими поселенческими и погребальными комплексами Предбайкалья

Безусловно, корреляции материалов обнаруживают связи с Предбайкальем, прежде всего Приольхоньем. К ранне-неолитическому времени также отнесен слой VI стоянки Саган-Заба II в Приольхонье. Здесь встречена керамика хайтинского типа совместно с сетчатыми фрагментами

[Горюнова и др., 2012, с. 90, 92]. Каменный инвентарь представлен «призматическими пластинами, вкладышами, резцом, тесловидным изделием» [Номоконова и др., 2016], костяным гарпуном и обоймами составного орудия [Горюнова и др., 2012, с. 92, рис. 1; Номоконова и др., 2016]. По данным комплексам получены абсолютные даты, относящие их к 7,9 тыс. л.н. [Горюнова, Новиков, Вебер, 2011, с. 127; Горюнова, Новиков, 2015]. Однако последующими исследованиями такая датировка была скорректирована и комплексы отнесены к периоду около 7 тыс. л.н., так как кости нерпы из коллекции памятника при радиоуглеродном датировании показали «эффект резервуара» [Nomokonova et al., 2013; Номоконова и др., 2016].

Ранний неолит на территории Приольхонья и Приангарья связывается исследователями с двумя керамическими традициями – сетчатой и шнуровой хайтинской. Смешанные комплексы с керамикой этих двух типов встречаются: в Приольхонье Саган-Заба II, слой VI с датами около 7 тыс. л.н.; по южному побережью оз. Байкал – погребальный комплекс Моты -Новая Шаманка [Базалийский и др., 2016]. В Приангарье чаще встречаются ранненеолитические комплексы с хайтинской керамикой: Усть-Хайта, слои V и Va с датировками 7-5,5 тыс. л.н.; Горелый лес, слой VI, датируемый около 7 тыс. л.н. [Савельев, 1989; Савельев и др., 2001, с. 343, 346].

Ранненеолитические китойские погребения, как правило, не содержат керамики. И лишь в некоторых из них найдены сосуды с сетчатыми отпечатками (Базалийский, 2012, с. 68, рис. 10). Наборы инвентаря погребений включают наконечники стрел с двухсторонней обработкой разных форм (треугольные, ромбовидные и др.), а также стерженьки составных рыболовных крючков китойского типа, гарпуны, острия, вкладышевые кинжалы, подвески из клыков кабана, кальцитовые кольца и т.д. [Базалийский, 2012, с. 67].

3.2.4. Корреляции с ранненеолитическими поселенческими и погребальными комплексами Юго-Западного и Восточного Забайкалья

К востоку и юго-востоку от региона исследований, на территории соседнего Забайкальского края, также встречаются комплексы, соотносимые с западно-забайкальскими. Так, в Юго-Западном Забайкалье в силу того, что предполагаемые ранненеолитические комплексы оказались более древними и относятся к концу плейстоцена, комплексы, считавшиеся средненеолитическими, вероятно, должны занять их место, что требует специального исследования.

В Восточном Забайкалье ранненеолитический этап выделен на материалах стоянки Чиндант, где представлены каменные изделия в виде торцовых клиновидных и конической формы микронуклеусов, микропластин с краевой преимущественно вентральной ретушью, даурскими остриями, двусторонне обработанными подтреугольной формы наконечниками стрел с выемкой в основании, концевых микроскребков на пластинчатых отщепах, микроскребков округлых форм, трансверсальных, срединных, боковых, угловых резцов на небольших пластинчатых сколах и отщепах, проколов, тесловидных изделий, отбойников. Керамика тонкостенная (0,3-0,5 см) со шнуровым и штриховым декором, с прямым венчиком и ровным срезом венчика. Орнаментальные мотивы отмечаются в виде горизонтальных поясов из оттисков штампа-лопаточки. На одном фрагменте венчика имеется пояс из сквозных отверстий – проколов вдоль края [Окладников, Кириллов, 1980, с. 106]. Авторами монографии форма сосудов предполагается узкой удлиненной, с приостренным дном. В тесте отмечается значительное количество песка. По сравнению с материалами слоя 2 Ярцов Байкальских данные материалы выглядят немного более древними, что подтверждается их, возможно, бореальным возрастом, т.к. залегают они в слое, лежащем непосредственно на позднеплейстоценовых лессовидных суглинках [Там же], а также наличием более архаичных форм изделий – даурских острий, концевых скребков. Формы сосудов также более архаичны и просты, венчики их прямые. Скорее всего, чиндатские материалы немного древнее материалов из Ярцов Байкальских.

Погребальные комплексы раннего неолита Мельничное, Усть-Менза-5, по мнению М. В. Константинова сходны с Фофановскими погребениями китойской группы, могилами Тулту-Дабан, Поворот, Дунда-Киреть, Тологой II, Могсохон из Западного Забайкалья [Константинов., 1994]. Погребение 2 могильника Токуй датировано 7414 ± 34 ; Жиндо - погребение 1 - 6813 ± 42 (UA44176), погребение 2 скелет 1 - 6995 ± 39 и скелет 2 - 7050 ± 35 [Васильев и др., 2018]; Усть-Менза-5 – 6940 ± 160 (ГИН-5000); Мельничное – 7480 ± 180 (ГИН-4997) [Константинов, 1994]. Практически во всех случаях погребенные зафиксированы в скорченной позе, с подогнутыми ногами, а также посыпны охрой [Константинов, Константинов, 2015, с. 106-107]. Антропологическое изучение костяков из Токуя, Жиндо и Усть-Мензы-2 указывает на их разнородность. Индивиды из могильника Токуй тяготеют к палеоантропам и обладают архаичными чертами, а черепа из Жиндо «вписываются» в круг популяций современного населения Восточной Сибири (близки манси и кетам) [Васильев и др., 2018].

К раннему неолиту были отнесены исследователями погребения могильника 1 у оз. Ножий. Среди находок могильника 2 оз. Ножий, отнесенного по началу также к раннему неолиту [Окладников, Кириллов, 1980], а позже к развитому неолиту будуланского этапа [Кириллов, Верхотуров, 1985] отмечены 2 одинаковых остродонных сосуда с отпечатками шнура, невысоким карнизом. Орнаментированы сосуды поясами из отпечатков гребенчатого штампа вдоль края венчика и опускающимися от них наклонными фестонами из отпечатков того же штампа [Окладников, Кириллов, 1980, с. 116]. Еще одно погребение, где найдены остатки сосуда и сохранность которых позволяет определять его типологическую принадлежность - погребение 1 в пади Токуй. В нем найдено 17 фрагментов круглодонного шнурового сосуда с карнизом, орнаментированного поясами отпечатков отступающей лопатки [Константинов, Константинов, 2015, с. 106-107]. Все эти сосуды можно отнести к посольскому типу, точнее, видимо, к его вариантам. Правда, следует отметить, что указанные погребения абсолютных

дат не имеют, но на могильнике Токуй погребение 2 имеет раннюю дату. В случае, если датировка этих погребений окажется действительно ранненеолитической, вероятно, это будут самые ранние даты посольской керамики в Забайкалье.

Также пока не до конца решенным остается вопрос о возрасте других могильников Восточного Забайкалья – Арын-Жалга, Молодовск, Арта, и одиночных погребений на р. Шилке – Илимка, Ишихан, Петищи. Ни по одному из этих погребальных комплексов нет абсолютных дат. Для всех них характерно наличие надмогильной каменной кладки, скорченное положение костяков, в большинстве прослеживается посыпка охрой. Исследователи считают, что они при общем сходстве, все же культурно и хронологически разделяются. К раннему неолиту отнесены погр. 4 могильника Арын-Жалга, погребение 1 могильника 1 у оз. Ножий, могильник Арта на р. Ингоде. К развитому неолиту (будуланскому этапу) – остальные погребения могильников 1 и 2 оз. Ножий и Арын-Жалга, Шилкинская пещера, Илимка, Ишихан, Петищи. К позднему неолиту – могильник Молодовск и Дарасун. [Кириллов, Верхотуров, 1985]. Отмечается сходство погребений Восточного Забайкалья с монгольским ранненеолитическим погребением в Тамцак-Булаке, а Норовлийн уул, относимый на тот момент к энеолиту, признавался «существенно отличающимся».

3.2.5. Корреляции с ранненеолитическими поселенческими и погребальными комплексами Монголии

Наиболее ранним датированным комплексом с керамикой, на сегодняшний день, является слой 1 поселения Толбор-15 в Северной Монголии. Абсолютные даты 7685 ± 30 л.н. (PLD-18654) и 6725 ± 30 л.н. (PLD-18655), полученные по остаткам органической примеси в тесте керамики, отнесли данный горизонт к раннему неолиту. Каменный инвентарь представлен преимущественно кремневыми подпризматическими нуклеусами, торцовыми и конических форм микронуклеусами, микропластинками, скребками, острием, проколкой, стругом, каплевидной

формы наконечником стрелы. Керамика представлена фрагментами нескольких сосудов, орнаментированных оттисками отступающей лопатки или пунктира, нанесенных по гладкой внешней поверхности. Срез венчиков сосудов прямой, орнаментирован оттисками лопаточки [Гладышев, Табарев, 2012]. Эта керамика отличается от ранненеолитической забайкальской.

Несколько лет назад археологами Улан-Баторского университета были обнаружены и раскопаны новые неолитические некрополи в Северной Монголии в долине р. Эгийн гол, притоке р. Селенга, получившие название Марзын хутол и Харуулын гозгор [Идэрхангай и др., 2016, с. 127]. В истории археологии Монголии это первые и древнейшие могильники. По всей видимости, по своему погребальному обряду захоронения должны быть соотнесены с китойской традицией Байкальского региона. Наиболее близким аналогом для Марзын хутол является I группа погребений могильника Фофаново, расположенного в низовье р. Селенги [Герасимов, Черных, 1975]. Среди могил также имеются коллективные, костяки также густо посыпаны охрой и зафиксированы в скорченном положении, как и фофановские [Идэрхангай и др., 2016, с. 136, 139, рис. 2, 5]. Коллективное погребение Марзын хутол отнесено к 7,0-6,5 тыс. л.н. по аналогии с могилами I группы Фофаново. По погребениям Харуулын гозгор получены AMS даты: 6739±40 л.н. (AA107617) и 6571±47 л.н. (COL3897.1.1) [Идэрхангай, Мижиддорж, Оргилбаяр, 2017, с. 537].

Основная часть известных неолитических комплексов расположена на востоке Монголии [Дорж, 1971]. Исследованные стоянки были оставлены древними охотниками-собираателями и земледельцами. Из них большой интерес представляет поселение в местности Тамцаг-Булаг [Окладников, Деревянко, 1970, с. 3], где раскопаны жилища - полуземлянки с площадью около 40 кв. м. Коллекция находок состоит из каменных микронуклеусов, концевых и языковидных скребков, пластинок, проколов, тесловидных инструментов «громатухинского» типа, костяных обойм вкладышевых клинков, костяного шила, игловидных костяных наконечников стрел,

каменных плиток-зернотерок, курантов, каменного диска-утяжелителя, нескольких фрагментов слабо профилированного керамического изделия с прочерченными линиями, единичных фрагментов со шнуровыми оттисками, фрагментов керамической плитки, костей животных и фрагментов раковин. Обитатели Тамцаг-Булага, очевидно, вели оседлый образ жизни. Основу их хозяйства составляло земледелие, наряду с которым большое значение имела охота или даже раннее домашнее скотоводство. Датировка памятника методами абсолютной хронологии была произведена позднее. По гумусу из стенки жилища-полуземлянки была получена дата 5590 ± 120 л.н. (Gif-10949) [Seferiades, 2004, p. 142]. Интересен факт того, что в полу одного из жилищ было найдено погребение. Костяк был зафиксирован в сильно согнутом сидячем положении. При нём были найдены три пазовых - вкладышевых костяных кинжала и в одном из них сохранились двухсторонне ретушированные пластинки-вкладыши. Перламутровые бусины из раковин, вероятно, украшали одежду. Недавние исследования совместной монголо-японской экспедиции и проведение абсолютного датирования материалов поселения указывают на более ранний возраст комплексов и относят к периоду между 6646 ± 29 л.н. (PLD-20348) и 6760 ± 25 л.н. (PLD-23212) [Одсурэн, Бухчулуун, Яанз, 2015, с. 84]. Остальные результаты этих работ пока не опубликованы. Вероятно, к этой же культуре относится поселение в местности Овоот на р. Керулен [Дорж, 1971, с. 33]. Раскопанное жилище-полуземлянка имела площадь около 120 кв. м. Здесь также найдены каменные зернотерки и куранты, указывающие на оседлый земледельческий характер хозяйства жителей древнего поселка. Коллекция каменных находок представлена концевыми скребками на ножевидных пластинах, ногтевидными скребками на отщепах, крупными скреблами, трансверсальными резцами, скобелями на пластинчатых отщепах, ножевидными пластинами, торцовыми микронуклеусами и пластинками-вкладышами. Найдены орудия земледелия - фрагменты плит-зернотерок и диск-утяжелитель. Встречены изделия из кости: ретушеры, шилья, гарпун. Керамика представлена тонкостенными

фрагментами со шнуровыми оттисками, рыхлыми на сломе и примесью песка. В целом, материалы тамцаг-булагской культуры представляют большой интерес для решения вопросов культурных связей неолитического населения Монголии с раннеземледельческим населением Северного Китая и Приамурья [Окладников, Деревянко, 1970, с. 12-14]. Вопрос же о том, являлись ли тамцаг-булагцы инокультурным населением по отношению к неолитическому населению Забайкалья, скорее сложен, чем однозначен. О возможностях связей свидетельствуют фрагменты шнуровой керамики, а также сходство погребального обряда Тамцак-Булакского погребения с погребальным образом нескольких неолитических погребений известных в восточных районах Монголии.

Кроме упомянутого выше погребения в Тамцаг-Булаке, на востоке страны раскопаны погребения в окрестностях г. Чойболсана, в местности Дзун и Барун-Ульдзит. Оба погребенных были зафиксированы в скорченном положении. Костяк из Дзун-Ульдзийт был посыпан охрой [Дорж, 1971]. Еще одно погребение найдено в Норовлийн уул и отнесено предварительно автором раскопок В. В. Волковым к энеолиту. Захоронение было обнаружено в борту оврага. Погребенный также был помещен в могильную яму в скорченном положении и густо посыпан охрой. Богатый сопроводительный инвентарь представлен около 3000 мелкими цилиндрическими бусинами белого цвета, зооморфными украшениями из раковин, подвесками из расщепленных клыков кабана. В районе предплечья зафиксировано 10 подвесок из клыков кабарги. У руки погребенного найден костяной вкладышевый кинжал с кремневыми пластинками-вкладышами. Под плечом отдельным скоплением лежал набор из 2 крупных пластин без следов утилизации и 6 микропластин с краевой ретушью. Замечательной находкой является амулет на уплощенном продолговатом каменном бруске (длина 22,5 см) с приостренными концами. Одна плоская сторона амулета гладкая, зашлифованная, а на второй имеется изображение человеческого лица [Волков, 1975, с. 78, рис. 2]. Для этого погребения по костям человека

получена AMS дата - 6150 ± 32 л.н. (AAR-22184), отнесшая его к раннему неолиту (Табл. 12).

Новые данные, полученные нами в ходе экспедиционных работ в Монголии, свидетельствуют о том, что неолитические материалы восточных районов страны обнаруживают сходство не только с раннеземледельческими культурами Северного Китая и российского Дальнего Востока, но также и с культурами бродячих охотников и собирателей Байкальского региона [Окладников, Деревянко, 1970, с. 15]. Керамика нижнего слоя (раскоп 1, слой 2) стоянки Тогоотын гол -V оказалась сходной с керамикой «хайтинского» типа (шнуровая с прямым срезом венчика) из Байкальского региона, а также обнаружила сходство с материалами стоянки Хаг из Северного Китая [Цыденова и др., 2015]. Изделия из камня здесь представлены микропризматическими (коническими) нуклеусами, концевыми микроскребками, микропластинами-вкладышами. Для вышележащего слоя 2 шурфа 2 (раскопки 2014 г.), где был обнаружен фрагмент сетчатой керамики, получена абсолютная дата по кости из слоя 2 шурфа 2 (раскопки 2014 г.) - 5087 ± 30 л.н. (AAR-22181). Каменный инвентарь данного слоя 2 немногочисленен и представлен изделиями из халцедона: коническим нуклеусом, двусторонне обработанным наконечником стрелы, микропластинами-вкладышами, микроскребками и т.д. [Цыденова и др., 2015, с. 99-102].

3.2.6. Корреляции с раннеолитическими поселенческими и погребальными комплексами Северного Китая

В северо-восточном Китае, в районе оз. Далай-нор на поселении Хаг (哈克) в слое 7 залегают материалы, датированные ранним неолитом. Для данного комплекса получены абсолютные даты между 7710 ± 40 л.н. (BA081790) и 7355 ± 35 л.н. (BA081791) [Hag site. Report..., 2008, p. 210]. Похожие материалы были зафиксированы в комплексах стоянок Хуйхе шуйба (輝河水霸), также расположенных вблизи г. Хайлар. В культурном слое 7 стоянки Хаг была найдена фрагменты сосудов со шнуровыми оттисками,

имевших приостренное дно и ровный срез венчика, наряду с плоскодонной гладкостенной керамикой. Каменные изделия этого комплекса представлены микропризматическими нуклеусами конических форм, остриями на микропластинах, вкладышами из микропластин, двусторонними ретушированными наконечниками стрел треугольной формы, костяными орудиями и т.д. [Nag site. Report..., 2008, p. 34-93].

Резюмируя вышеизложенное, можно отметить, что при всей схожести материалов памятников раннего неолита Забайкалья, Монголии и северо-восточного Китая (район г. Хайлар), все же имеются локальные отличия. Объяснение сходству, возможно, как отмечалось ранее исследователями, должно заключаться в том, что все эти комплексы возникли на единой позднепалеолитической основе и оставлены родственными древними племенами, что отмечалось исследователями ранее [Ларичев, 1959, с. 33]. Хотя, древние культурные контакты между населением этих областей также не могут быть исключены.

3.3. Развитый неолит (6,0 - 4,5 тыс. л.н.)

Традиция сосудов со шнуровыми оттисками продолжается и в развитом неолите. Керамические емкости сохраняют тонкостенность и приостренное дно. Типологически в комплексе развитого неолита Муханских Озер I керамика представлена шнуровыми «хайтинским» и «посольским» типами. Вместе с тем, имеются и отличия от классических сосудов этих типов. Другой особенностью сосудов данного комплекса является штриховой декор. Прослеживается сходство с керамическими традициями предыдущих периодов. Так, шнуровая и штриховая традиция декорирования сосудов характерна для Забайкалья с самого начала появления керамики в регионе. Сходство с керамикой начального и раннего неолита также обнаруживают толстостенные фрагменты донной части со шнуровыми оттисками, имеющие в тесте примесь в виде песка и волокон (Центральный комплекс, слой 2). С сосудами раннего неолита из Ярцов Байкальских сходны фрагменты

шнуровой тонкостенной керамики, имеющие отпечатки шнура с двух сторон. Также, здесь прослеживается ленточный способ формовки, где ленты также соединялись путем нахлеста. Отличительной чертой керамической традиции следует признать присутствие сосудов посольского типа, а также наличие керамических плиток.

Кроме того, наблюдаются изменения предпочтений при выборе сырья для изготовления каменного инвентаря. Основным сырьем для каменных орудий выступает халцедон. Первичное расщепление представлено микропризматическими (коническими) формами и техническими сколами «таблетками». Среди орудийных форм и техник новыми являются тронкирование и тронкированные микропластины. Встречаются серии наконечников стрел подтреугольной формы. Хотя, скорее всего, в комплексе Ярцов Байкальских их отсутствие не является характеристикой периода в целом. К ранее не встречавшимся орудиям относятся ножи на сланцевых плитках, а также пилки, использовавшиеся, по-видимому, в работе по кости.

3.3.1. Радиоуглеродная дата и ее обсуждение (Табл. 12).

Для слоя 2 центрального комплекса Муханских Озер I получена радиоуглеродная дата по кости 4620 ± 110 л.н. (СОАН-6605), которая вполне соответствует относительной датировке комплекса, основанной на аналогиях.

По морфо-типологическим показателям, представленные в данной работе материалы развитого неолита Муханских Озер I, обнаруживают сходство с материалами широкого круга забайкальских памятников. Так, прежде всего, это стоянки, находящиеся в относительной близости - в долине р. Кодун: Кулькисон [Ивашина, 1983, с. 46], Заречное [Цыденова, 2007; 2009]. А также поселения и комплексы среднего этапа неолита – Посольск [Цыденова, Хамзина, 2006], Катунь I [Номоконова, Горюнова, 2004], позднего неолита – Усть-Юмурчен [Аксенов, Ветров и др., 2000; Ветров, 2012], Харга I [Ивашина, 1979, с. 59; Ивашина, 1983, с. 52; История Бурятии, 2011].

Аналоги в керамических материалах Посольска, Катунь I, Усть-Юмурчена, Харги I, Кулькисона, ряда стоянок с поверхностным

экспонированием материалов (Заречное в долине р. Кодун, Барыкино в бассейне р. Хилок, Михайловка на р. Джида и др.) - это сосуды с сочетанием подтреугольно утолщенного венчика, орнаментированные разными вариациями отступающей лопатки в верхней части сосуда, со штриховым или шнуровым техническим декором на тулове. Хотя, при указанных общих чертах чаще всего они имеют свои локальные особенности, которые, видимо, отражают временные или пространственные черты вариабельности. В наборах каменного инвентаря указанных комплексов сходны микропризматические нуклеусы, микроскребки и двусторонне обработанные наконечники стрел.

3.3.2. Корреляции с материалами развитого неолита поселенческими и погребальными комплексами Западного Забайкалья

Посольская стоянка открыта А. П. Окладниковым в 1949 г., расположена она на террасе озера Байкал, в окрестностях с. Посольск в Кабанском районе Бурятии. В 1959 и в 1963-1964 гг. раскопками Е.А. Хамзиной выявлены три культурных горизонта. Позже на памятнике был заложен шурф, показавший наличие девяти стратиграфических подразделений (1А-1Е, 2А-2В) [Константинов, Базарова, Семина, 1995, с. 22]. Большой частью инвентарь поселения представлен керамикой, образующей несколько типологических групп. К комплексам развитого неолита следует отнести керамику следующих групп [Цыденова, Хамзина, 2006; История Бурятии, 2011]:

1) Керамику «хайтинского» типа: фрагменты тонкостенных сосудов митровидной формы, с оттисками витого шнура и горизонтальными, наклонными прочерченными полосами. Край венчика прямо срезанный, часто орнаментированный. Сам венчик в профиль прямой или слабо отогнутый.

2) Сосуды с сетчатыми оттисками, в основном с прямо срезанным краем венчика, который тоже несет негативы сетки. Иногда с поясом круглых ямочек вдоль края венчика или горизонтальным наlepным валиком.

3) Керамику «посольского» типа с венчиком, утолщенным подтреугольным «карнизом» с внешней стороны, по которому проходят ряды гребенчатого штампа или гребенчатого пунктира, вдоль кромки по желобку

прочерченной линии - сквозные отверстия, ниже рядов гребенки – идут горизонтальные ряды отступающего штампа, от последнего ряда парные полосы той же лопаточки в виде «бахромки». По форме это остродонные сосуды с довольно широким устьем, на тулове несут негативы технического декора – шнура (рис. 58 – 1-3).

Сюда же относим серию фрагментов, выделяемую в подтип посольской керамики, с внешним подтреугольным утолщением, орнаментированных подтреугольной отступающей лопаточкой разных размеров и вариантов. Ниже этого утолщения идут, как правило, горизонтальные ряды проташенной прямой или отступающей лопатки.

Другим подтипом посольской керамики, встреченным на поселении в Посольске, являются сосуды с горизонтальным поясом сквозных отверстий в сочетании с утолщением венчика с внутренней стороны и рядами наклонных оттисков гребчатого или прямого, немного удлиненного стеков.

В нижнем горизонте поселения открыты хозяйственные ямы со скоплениями галечных грузил, рыбьих костей, чешуи; найден фрагмент стерженька рыболовного крючка «китойского» типа, нуклеусы, орудия и отщепы из кремнистой породы и халцедона [Константинов, Базарова, Семина, 1995, с. 23].

Для Посольской стоянки получена одна абсолютная дата по гумусу слоя 2 – 5750 ± 110 л. н. (ГИН-5792) [Константинов, Базарова, Семина, 1995, с. 23], также имеется дата 4630 ± 150 л. н. (ГИН-6294), опубликованная без разъяснения контекста [Номоконова, Горюнова, 2004, с. 122].

К развитому неолиту относят исследователи VI и VII культурные горизонты стоянки Катунь I (Чивыркуйский залив оз. Байкал) [Номоконова, Горюнова, 2004]. Слой VII характеризуется смешанным керамическим материалом – преимущественно керамикой посольского типа, а также единичными фрагментами хайтинского типа, сетчатой и гладкостенной. Каменный инвентарь слоя составляют конический нуклеус, микропластины, в том числе с ретушью – вкладыши, скребки, наконечники стрел с

двухсторонней обработкой вогнутым и прямым насадами, резцы, сверла, проколки, а также топор, тесло и фрагмент пилы из сланца, грузило из гальки, сколы и отщепы. Кроме того, в слое встречены каменные стерженьки рыболовных крючков китойского типа. Вышележащий слой VI содержал также в основном посольскую керамику, а также хайтинскую, сетчатую, гладкостенную и экземпляры с оттисками отступающей лопатки, идентифицировать которые не представлялось возможным. Каменный материал слоя представлен коническим нуклеусом, единичными пластинками, наконечником стрелы с двухсторонней обработкой с выемкой в основании и заготовками, скребловидным изделием из кварцита, скобелем, обломком абразива, а также сколами и отщепами. Оригинальным изделием является рыбка-приманка, сохранившаяся во фрагментированном виде. Надо отметить, что посольская керамика представлена на памятнике экземплярами с гладкими стенками, с оттисками шнура и штриха, и имеет карниз с внешней или внутренней сторон. Орнамент представляет оттиски гребенчатого штампа, лопатки-стека, сквозные проколы вдоль края венчика. Оба комплекса признаны типологически сходными и отнесены на основе стратиграфических позиций вмещающих их слоев к средней части голоцена. Относительная датировка предлагается в пределах 5,5-4,3 тыс. л.н. [Номоконова, Горюнова, 2004, с. 123; История Бурятии, 2011].

Отметим интересный момент - керамика посольского типа встречена на стоянке не только в виде широко распространенных шнуровых и штриховых экземпляров, но и с гладкими стенками.

Фрагменты сосудов с налетом в виде «карниза», характерным для керамики посольского типа, имеется в коллекции поселения Харга I (рис. 59 – 1-3), интерпретированного автором раскопок Л.Г. Ивашиной, как относящийся к началу бронзового века. К такому выводу исследователь пришла на основании находки бронзовой бусины-пронизки [Ивашина, 1979, с. 71]. Однако полученные недавно абсолютные даты значительно удревняют данный комплекс и ставят вопрос о неоднородности его материалов. Даты

были получены по костям из заполнения хозяйственной ямы: 6198 ± 40 л.н. (UBA-28384) и 5948 ± 41 л.н. (UBA-28385).

Для северо-восточной части Бурятии – бассейна р. Витим иркутскими исследователями на основе II горизонта Усть-Каренги и аналогичных комплексов в устьях рек Юмурчен, Конда, Кумыхта выделена усть-юмурченская археологическая культура, отнесенная к периоду около 5000(4600)–3500 л. н. [Ветров, 2011, с. 35]. Характеризуется она коллекцией каменных артефактов, преобладающим сырьем для изготовления которых, был халцедон. Керамический материал – штриховая керамика, с утолщенным венчиком, по мнению авторов, по форме и орнаменту близок керамике «посольского» типа (пласта) [Аксенов, Ветров и др., 2000, с. 14].

Таким образом, комплексы развитого неолита Забайкалья с керамикой посольского типа на сегодняшний день имеют датировки в диапазоне 6-4,5 тыс. л.н. Следует отметить, что керамика, относимая к посольской в Забайкалье типологически несколько разнородна при основных общих характерных признаках (утолщение венчика карнизом, приостренное дно, шнуровые отпечатки на внешней поверхности сосудов, тонкие стенки) и, возможно, нужно согласиться с мнением о необходимости определения этого явления, как более широкого таксона, чем тип - посольского керамического пласта [Савельев, 1989; Ветров, 2011, с. 37]. Классический тип посольской керамики представляет собой сосуд с приостренным дном, шнуровыми отпечатками на внешней стороне, утолщением венчика карнизом, орнаментом по нему в виде плотных гребенчатых наклонных поясов, сквозными мелкими проколами вдоль края венчика внутри желобка, образованного от протаскивания тонкого стека. Однако в Забайкалье керамика с таким набором характеристик существует практически только на эпонимном памятнике – Посольской стоянке. В других случаях, при сохранении основных признаков, она вариативна, что выражено в разнообразии орнаментальных композиций: без проколов, без гребенчатых оттисков, а с оттисками штампа—лопаточки, с различной шириной карниза и т.д. Вероятно, такое многообразие отражает

локальные варианты и в будущем станет возможным выделить и разделить территориальные зоны распространения этих вариантов.

В погребениях развитого неолита керамика встречается очень редко. В камнях кладок погребений 3, 6, 13 могильника Бухусан были зафиксированы фрагменты со шнуровыми отпечатками [Ивашина, 1979, с. 78]. Погребение 3 может быть датировано по аналогии с погребением 6, имеющем дату по ^{14}C 4520 ± 50 л.н. (ГИН-4405). Коллективное погребение 13 имеет даты 4670 ± 90 (ГИН-4408) по индивиду 2 и 4780 ± 80 (ГИН-4409) по индивиду 1 [Мамонова, Сулержицкий, 1989, с. 23].

По всей видимости, к этому же времени должно относиться одиночное погребение в Хамнигота, раскопанное в 1954 г. А. П. Окладниковым на юге региона, недалеко от монгольской границы. Исследователь отнес погребение к глазковскому времени, посчитав его близким к погребению из Шилкинской пещеры на основании находок пластин с просверленными отверстиями и перламутровых бусин [Мамонова, 1957]. Но поскольку погребение из Шилкинской пещеры, скорее всего, датируется также, как и погребения 3, 6, 13 могильника Бухусан, то и, возможно, останки женщины из Хамниготы датируются тем же периодом.

К периоду развитого неолита относится отдельное парное погребение у с. Заган с датой 5410 ± 80 л.н. (ГИН-4413). Могила была найдена в 1978 г. Е.А. Хамзиной в небольшом гроте в полуразрушенном виде. В погребении обнаружены скорченные костяки двух индивида, захороненных в два яруса и засыпанных охрой. Находки: зубы марала, бисер [Лбова, Хамзина, 1999].

Корреляции материалов поселений и погребений достаточно трудновыполнимы, в силу отсутствия в погребениях керамики или же отсутствия диагностичных предметов в материалах поселений. Тем не менее в ряде случаев, как например, на стоянке Катунь I, в слое VII со шнуровой керамикой хайтинского, посольского типов, а также с сетчатыми экземплярами, встречены специфические предметы – каменные стерженьки

рыболовных крючков (китайского типа), характерные для погребальных комплексов китайской культуры [Номоконова, Горюнова, 2004, с. 120, рис. 3].

3.3.3. Корреляции с материалами развитого неолита поселенческих и погребальных комплексов сопредельных регионов

Предбайкалье и Красноярско-Канская лесостепь

Неолитический комплекс, содержащий керамику «посольского» типа с наиболее ранними датами 6530 ± 60 л.н. (СО АН 2907) и 6900 ± 115 л.н. (СО АН 2906), отмечен на опорном местонахождении эпохи неолита и бронзы для Красноярской лесостепи - пещере Еленева (слой 11Г) [Макаров, 2005, с. 151]. В Забайкалье комплексов с посольской керамикой такого раннего возраста пока не подтверждено. В материалах поселений, расположенных в Приангарье, на западном побережье оз. Байкал и в Приольхонье, керамика этого типа встречается в слоях, датируемых в диапазоне около 6,0-4,0 тыс. л.н. [Номоконова, Горюнова, 2004, с. 122; Макаров, 2005, с. 151]. Так, керамика посольского типа имеет аналогии в Приангарье в слое V Горелого Леса, датированном 4880 ± 180 л.н. (ГИН-4366) и в слое IV Усть-Хайты [Савельев, Горюнова, Генералов, 1974, с. 192, рис. 16; Савельев и др., 2001, с. 352, рис. 4], а также в смешанных с хайтинской керамикой комплексах Приольхонья – Улан-Хада, IX слой (4560 ± 100 л.н., 4030 ± 115 л.н.), Итырхей, IV слой (4740 ± 155 л.н.), Саган-Заба, III слой (6000 ± 40 л.н., 5160 ± 55 л.н.), Кулара III, слой I (5290 ± 15 л.н.) [Номоконова, Горюнова, 2004, С. 122]. Верхняя граница существования этой керамики имеет дату 4080 ± 60 л.н. (ЛЕ-1415), полученную по материалам слоя III Б стоянки Няша на Енисее [Дроздов, Погудин, 1979, с. 46-47; Номоконова, Горюнова, 2004, с. 122].

Одним из опорных памятников Приольхонья является многослойное поселение Улан-Хада, в материалах слоя Г/2 (слой IX по Б.Э. Петри) которого встречаются сосуды кругло- и остродонные посольского типа, с пунктирной позднесеровской керамикой и сетчатой с проколами вдоль края венчика [Грязнов, Комарова, 1992, рис. 17). Слой отнесен исследователями к развитому неолиту – концу 4-го – середине 3-го тыс. до н.э. [Там же].

В целом, посольская керамика, распространенная к западу от оз. Байкал, ближе к классическому типу. К востоку от Байкала, начиная с самой эпонимной стоянки Посольск, отмечается вариативность этого типа [Цыденова, Хамзина, 2006; Цыденова, 2009].

Восточное Забайкалье

Удивительное сходство по инвентарю с погребениями 3, 6, 13 могильника Бухусан обнаруживает погребение в Шилкинской пещере в верховьях р. Амур [Окладников, 1960], что отмечалось Л. Г. Ивашиной [Ивашина, 1979]. Приактически идентичны костяные и роговые изделия – гарпуны, стерженьки рыболовных крючков, резцы из клыков кабана и др. В Шилкинской пещере были найдены фрагменты шнуровой керамики, что говорит в пользу принадлежности фрагментов с отпечатками шнура, найденных в камнях кладки, комплексам самих погребений 3, 6, 13 могильника Бухусан. И самое главное, это означает, что погребение из Шилкинской пещеры может быть отнесено к развитому неолиту и датироваться так же, как и погребения 6 и 13 могильника Бухусан, т.е. в пределах 4780-4520 тыс. л.н.

Поселенческим комплексом Восточного Забайкалья, проявляющим сходство с материалами изучаемой нами территории, является поселение Дворцы, раскопки которого проводил И. И. Кириллов [1988]. В литологическом слое 3 первичное расщепление камня представлено в подпризматическими, торцовыми и клиновидными нуклеусами. Орудийный набор составляют изделия на пластинчатых заготовках: концевые скребки, резцы, скребки-проколки, микроострия. Остальной каменный материал составляют сколы и отщепы. Фрагментов керамики небольшое число и все имеют оттиски тонкого витого шнура, тонкостенные. Часть сосудов имела в венчиковой зоне отпечатки гребенчатого штампа. Фаунистические остатки представлены костями косули и благородного оленя. По слою имеются даты по углю из кострищ: 6090±200 л.н. (СОАН-1296), 5700±50 л.н. (СОАН-1297), 6000±65 л.н. (СОАН-1298).

Остальные памятники Восточного Забайкалья, отнесенные к развитому неолиту будаланского этапа – Арын-Жалга, Дарасун, абсолютных дат не имеют. При всем своеобразии они обнаруживают некоторое сходство, а точнее в их материалах присутствует шнуровая керамика. Каменный инвентарь стоянок составляют: призматические, торцовые и конические нуклеусы, ножевидные пластины, орудия из галек – песты, ложила, кольца-диски. Керамика представлена фрагментами остро- и круглодонных сосудов с отпечатками шнура и орнаментом из оттисков гребенчатого штампа и штампа-лопаточки [Окладников, Кириллов, 1980; Кириллов, 1979].

Монголия

На востоке Монголии на поселениях Барга элс и Тогоотын гол -V в Сухэ-Баторском аймаке, наряду с многочисленными каменными изделиями нами были зафиксированы фрагменты керамики со шнуровыми отпечатками, наряду с сетчатыми, гладкостенными и др. [Цыденова, Тумэн, Эрдэнэ, 2012, с. 125; Bazarova et al., 2019]. Несколько фрагментов, найденные на Барга элс, оказались сходны с керамикой посольского типа (тонкостенная шнуровая и штриховая с подтреугольным утолщением венчика - «карнизом» и приостренным дном), характерной для Байкальского региона и датируемой в пределах 6-4,5 тыс. л.н. (рис. 60). Коллекция каменных артефактов Барга элс состоит из торцовых и призматических микронуклеусов, микропластинок-владышей, двусторонне ретушированных наконечников стрел и дротиков, трансверсальных и боковых резцов, концевых и комбинированных скребков, скобелей на отщепах. Оказалось, что для Монголии этот комплекс не единственный в своем роде. Недавние сборы на песчаных дюнах на р. Керулен (неопубликованные данные) дали, в том числе, керамику посольского типа, причем близкую к керамике Барга Элс и Муханских Озер I.

3.4. Поздний неолит (4,5-3,8 тыс. л.н.)

В этот период в регион проникает пришлая усть-бельская традиция с западного побережья озера Байкал и Приангарья, что предварительно может

считаться маркером позднего неолита. Она сосуществует с посольской керамической традицией и более того демонстрирует смешение стилей. Сосуды усть-бельского типа Посольска имеют широкое устье и округлое дно, а также сохраняют основную черту усть-бельской традиции - орнамент в виде горизонтальных и широких волнообразно-зигзагообразных линий из оттисков округлого в сечении стека в сочетании со сквозными проколами вдоль края венчика. Вместе с тем, орнамент наносился поверх отпечатков тонкого витого шнура и имел четкое зонирование, т.е. располагался в верхней части сосуда. Стенки сосудов тонкие. Обнаруживает эта керамика и единство технического исполнения с посольскими сосудами, которые формировались из тонких лент шириной около 4-5 см. Причем стыки лент производились внахлест и, как правило, на поверхности спая ленты с внешней с внешней стороны (т.е. нижней ленты) видны шнуровые оттиски. Такой прием был предназначен для лучшего сцепления-склеивания пластов сырой глины лент. Из этого также следует, шнуровой техникой декор образовывался вовсе не в результате выколачивания, а был следствием проката цилиндрического орудия (округлой в сечении палочки?) с намотанным на нее тонким витым шнуром. Против того, что шнуровые следы были получены выколачиванием лопатки с намотанным на нее шнуром, говорит также факт того, что ряды оттисков шнура очень ровные практически строго вертикальные, даже похожие на текстильные. Надо отметить, что оттиски шнура стали значительно аккуратнее и тоньше по сравнению с таковыми на сосудах более раннего времени.

3.4.1. Корреляции с материалами других поселенческих комплексов Западного Забайкалья и сопредельных территорий

Западное Забайкалье

Комплексы с такой керамикой на территории Бурятии зафиксированы на поселениях Нижне-Березовское в окрестностях г. Улан-Удэ и в материалах поселения Посольск.

Нижне-Березовская стоянка открыта в 1920-е годы в 8 км от г. Верхнеудинска (ныне г. Улан-Удэ), в устье речки Нижняя Березовка, правого притока р. Селенги. Раскопками Г. П. Сосновского в 1928 г. было установлено, что культурные остатки в виде расколотых костей животных, каменных орудий из кремнистых, яшмовидных пород и халцедона, и фрагментов керамики были приурочены к темному гумусированному слою, перекрытому сверху небольшим наносным слоем песка. Г. П. Сосновский пришел к выводу, что находки идентичны и составляют единый комплекс [Архив ЛОИА, фонд Г. П. Сосновского, №№164, 297]. Инвентарь стоянки, по описанию Г. П. Сосновского, состоит из наконечников стрел удлиненно-треугольной формы с прямым или с незначительно ассиметричным основанием, среди которых изредка встречаются наконечники даурского типа с ретушью у острия и по краям, скребков, нуклеусов-скребков (торцовых клиновидных), тонких ножевидных пластин в виде микропластин и крупных пластин со следами ретуши, рыболовных орудий в виде каменных стерженьков рыболовных крючков со специальными прорезями для крепления лесы, наконечников гарпунов с односторонне расположенными зубцами и вырезом у основания, фрагментов глиняных сосудов красновато-серого оттенка, часто с налипшими утолщениями, «карнизами» у венчиков, с оттисками гребенчатого штампа, лопаточковидного стека, различного типа ямок и штрихов. Г. П. Сосновский отмечал, что ни следов металла, ни керамики более позднего времени на стоянке не обнаружено и датировал этот памятник эпохой неолита. Датировка Нижне-Березовской стоянки неолитическим временем была подтверждена и в результате работ 1936 г. Э. Р. Рыгдылона [1950]. И только позднее, во время работ Бурят-Монгольской экспедиции А.П. Окладникова, при раскопках стоянки в 1949 г. выяснилось, что она имеет два культурных горизонта. Новым было то, что кроме каменных и костяных изделий и разнообразно орнаментированной керамики неолитического облика обнаружены металлические предметы - обломки ножей и полушаровидные бляшки с перекрестием [Окладников, 1951, с. 445].

Стратиграфическое положение нижнего и верхнего культурных слоев позволило датировать их соответственно временем неолита и эпохой развитой бронзы.

В изготовлении каменных орудий нижнего культурного горизонта широко использовалась техника отделения ножевидных пластин от призматических нуклеусов. Есть нуклеусы торцовые клиновидные. Среди скребков различаются орудия округлой, прямоугольной, подтреугольной форм. Распространены двусторонне ретушированные наконечники стрел треугольной формы с прямым или вогнутым основанием. Реже встречаются даурские острия на пластинках, с частичной ретушью у острия и по краям. Среди рыболовных орудий имеются каменные стерженьки рыболовных крючков с прорезями, костяные наконечники гарпунов с вырезом для крепления к древку, сходные с прибайкальскими серовскими и китойскими (по схеме А. П. Окладникова).

Одновременно с изредка встречающейся сетчатой керамикой распространена посуда с оттисками шнура, часто с «карнизом» у венчика, орнаментированная различными типами оттисков гребенчатого штампа или штампа-лопаточки (рис. 61 – 3). Вместе с тем, широко представлена в коллекции керамика усть-бельской традиции (рис. 61 – 1, 2), орнаментированная поясом округлых сквозных отверстий, а ниже горизонтальных и волнообразных рядов отступающей лопатки, которая по аналогии с предбайкальскими памятниками, относит данный горизонт к концу неолита. Стенки сосудов несут штриховые оттиски.

Подобные сосуды с характерным усть-бельским орнаментом найдены на Посольском поселении (рис. 62 – 1-3). Это тонкостенные сосуды, с венчиком, утолщенным с внутренней стороны, в то время как по внешнему и внутреннему краю идет один (реже елочкой) ряд косо поставленного гребенчатого штампа, ниже - пояс круглых ямочек или сквозных отверстий, под ними - горизонтальные ряды прямого стека. В некоторых случаях эти ряды оттисков лопатки образуют волны-зигзаги, в промежутках между которыми

идут одиночные вдавления того же штампа, сопровождаемые отпечатками гораздо более мелкой лопаточки. Зачастую вся композиция нанесена поверх оттисков технологического шнура. Форма сосудов простая, открытая. Размеры довольно большие, диаметр устья в некоторых случаях достигает 40-45 см. Отпечатки шнура более тонкие, чем раньше, а техника формовки сосудов осталась практически прежней, о чем свидетельствуют фрагменты лент, отслоившихся по спаям «внахлест». Причем, на поверхностях этих спаев также имеются шнуровые отпечатки. Такой же технический прием наблюдается на посольских сосудах этого же памятника.

Однако у сосудов с Нижне-Березовской и Посольской стоянок есть отличие от сосудов с приангарского памятника Усть-Белой, которое говорит о смешении двух традиций. Оно заключается в сочетании орнамента и формы сосудов, присущих усть-бельской традиции со способом формовки и шнуровым декором, характерным для большинства забайкальских памятников эпохи неолита. Орнамент нанесен только в верхней части сосудов поверх отпечатков штриха, а стенки сосудов тонкие. Произошло наложение двух традиций – формы и орнаментальной – пришлой, а технологической шнуровой – местной.

Предбайкалье

Наиболее близкие территориально к Забайкалью комплексы с усть-бельскими сосудами известны на о. Ольхон. Здесь она обнаружена в слое ВЗ, культурном горизонте VIII многослойного поселения Улан-Хада [Грязнов, Комарова, 1992, с. 169, рис. 23], по которому имеется радиоуглеродная дата 4150 ± 80 л.н. [Горюнова, Хлобыстин, 1992, с. 47].

Керамику усть-бельского типа Н. Е. Бердниковой предлагается объединять с казачинской в усть-бельский керамический пласт [Бердникова, 1986, с. 36-38], охватив тем самым территорию от Среднего Енисея до восточного побережья Байкала. По мнению Н. А. Савельева, на Казачке не один, а два пласта керамики – казачинская раннего неолита и усть-бельская

позднего неолита – раннего бронзового века. Однако исследователь признает морфологическое родство между ними [Савельев, 1989, с. 23, 24].

3.5. Бронзовый век (3,8 – 3,0~2,9 тыс. л. н.)

В период от 3,8 тыс. л. н. в составе находок из археологических памятников Забайкалья впервые появляются медные и бронзовые изделия. Наступает период бронзового века, изученный на территории Западного Забайкалья крайне неравномерно. Тем не менее, имеющиеся данные в общих чертах дают представление об основном его содержании.

Ярцы Байкальские: материалы культурного горизонта 1 южного комплекса в Ярцах Байкальских отчасти могут быть отнесены к бронзовому веку на основании характерных керамических и каменных артефактов, а главное фрагментов бронзовых изделий (неопределимых до типа изделия). В слое сразу под дерном или даже в дерне встречаются немногочисленные фрагменты средневековых гладкостенных сосудов. В литологическом слое 1 отмечены немногочисленные фрагменты с пунктирным орнаментом. Основное же число керамики составляют сосуды, которые можно отнести к глазковской культуре: с «жемчужинами» и плотными рядами отступающего стека; с ногтевидными насечками и угловыми оттисками узкого стека; со штриховыми и шнуровыми отпечатками; с наlepными валиками, рассеченными 2-зубчатым штампом или нарезками; с оттисками гребенчатого штампа. Каменные находки составляют немногочисленные орудийные формы – конические нуклеусы, наконечники стрел с двухсторонней обработкой и прямым основанием, микроскрепки округлых форм, сколы, отщепы. Собственно, основная составляющая слоя представляет комплекс глазковской культуры. Материалы более позднего времени фиксируются в самой кровле слоя, на границе с маломощным верхним слоем дерна.

Материалы центрального комплекса залежали в более мощных отложениях субаэрального генеза и имеют более четкие стратиграфические привязки. Так остатки сосуда с пунктирными оттисками залежали чуть выше

развала глазковского сосуда. Таким образом, на материалах данного комплекса удалось построить хронологическую последовательность культур – глазковской и так называемой хэнтэйской, к которой можно отнести посуду с пунктирной орнаментацией.

Слой 2а центрального комплекса:

Аналогии сосуду из культурного горизонта 2а центрального комплекса известны на стоянках Катунь I и Окуневая IV на побережье Чивыркуйского залива, где в материале есть фрагменты венчиков, также орнаментированных рядами «жемчужин» [Горюнова, Лыхин, 1985, с. 137, рис. 4 – 1, 4; с. 145, рис. 8 - 1]. По форме, а также таким элементам орнамента, как «жемчужины» и отступающая лопатка, являющихся превалирующими декоративными приемами для серии сосудов II группы Фофановского могильника [Герасимов, Черных, 1975, с. 33], данный сосуд, а вместе с ним горизонт, могут быть определены позднеглазковским временем.

Слой 1в центрального комплекса:

Слой 1в центрального комплекса датами не обеспечен, но стратиграфически выше слоя 2а, соответственно должен быть немного моложе. Сосуды, абсолютно аналогичные керамике с пунктирными отпечатками из слоя 1в по элементам, способу и композиционному строению орнамента (совпадает орнаментация, оформление венчика), известны из коллекции поселения Кулькисон (рис. 63), расположенного в юго-восточной части Западного Забайкалья и датировемого автором раскопок Л. Г. Ивашиной эпохой раннего бронзового века [Ивашина, 1983, с. 51; История Бурятии, 2011]. Наряду с пунктирной керамикой в комплексах встречаются сосуды со шнуровыми отпечатками, орнаментами, выполненными различными видами штампа. Многочисленный и даже массовый каменный материал является, по мнению автора раскопок, свидетельством использования его как мастерской [Там же].

Подобный же сосуд, но уже с оттисками не пунктира, а «горизонтальными желобками с ребристым дном», но с похожим

оформлением венчика и мотивом из вертикальных наклонных линий того же штампа, прерывающих горизонтальные, найден с верхнем подперновом слое поселения Куналей на юге Забайкалья [Константинов и др., 1981, с. 6-8].

3.5.1. Радиоуглеродные даты и их обсуждение (Табл. 12).

Для слоя 2 центрального комплекса получена AMS дата по нагару с внутренней стенки глазковского сосуда в лаборатории Токийского университета - 3625 ± 25 л.н. (ТКА-19736), которая соотносится с датировками по II глазковской группе погребений могильника Фофаново. Всего имеется даты в диапазоне между 4100 ± 100 и 3670 ± 40 л.н. (Табл. 12) [Мамонова, Сулержицкий, 1989, с. 23].

Также для этого слоя Ярцов Байкальских по углю из кострища, где был найден развал датированного сосуда, получена ^{14}C дата в Центре коллективного пользования «Геохронология кайнозоя» ИАЭТ СО РАН и ИЯФ СО РАН: 3024 ± 231 л.н. (NskA- (s725)), которая представляется несколько омоложенной.

3.5.2. Корреляции с поселенческими материалами Западного Забайкалья и сопредельных территорий

К бронзовому веку Западного Забайкалья исследователями отнесены материалы поселений Кулькисон и Харга I, часть материалов Посольского поселения, а также погребальные комплексы II-ой группы погребений Фофановского могильника и ряд погребений могильника Бухусан [Герасимов, Черных, 1975; Ивашина, 1979, 1983; История Бурятии, 2011].

Начало эпохи бронзы на северо-востоке Бурятии связывалось с поселением Харга I. По мнению Л. Г. Ивашиной, керамические материалы этого поселения аналогичны сосудам глазковской группы могильника Фофаново [Ивашина, 1979, с. 122]. Позднее Ю. С. Гришиным керамическая традиция Харги I признана близкой отличающейся от глазковской. Он пришел к выводу о том, что в период раннего палеометалла в материалах Харги I все еще продолжают бытовать неолитоидные керамические традиции [Гришин, 2000, с. 82]. Однако полученные недавно абсолютные даты

указывают на ранненеолитический возраст керамики Харги I - 6000 л.н. (6198±40 л.н. (UBA-28384), 5948±41 л.н. (UBA-28385) (неопубликованные данные). По крайней мере, той, которая, по нашему мнению, близка к посольскому типу: имеет карниз, орнаментирована оттисками отступающих штампов у венчика, имеет приостренное дно и шнуровые отпечатки на стенках.

Многолетние исследования Фофановского могильника показали, что по истечении длительного времени, когда над поверхностью погребений I группы образовался слой лессовидного суглинка и сформировался новый почвенный горизонт, с уровня которого заложены могилы глазковского времени (погребения II группы), соотносимые исследователями с энеолитом или ранним бронзовым веком. Почти все они разграблены в древности, о чем свидетельствуют разрушенные надмогильные кладки и потревоженные костяки. В ряде случаев установлено вытянутое положение погребенных на спине. Единственная неразграбленная могила 36 содержала скорченный скелет на спине. Однако и разрушенные погребения дали многочисленный материал. Разнообразны орудия рыболовства: костяные и роговые наконечники гарпунов, обломки сложных рыболовных крючков, стерженьки с отверстием, костяные жальца [Герасимов, Черных, 1975, С. 38, 39]. В числе каменных изделий – скребки округлых и прямоугольных форм на пластинах, двусторонние ретушированные наконечники стрел, наконечники дротиков, сплошь покрытые ретушью и подработанные мелкой отжимной ретушью по краям [Там же, с. 37].

Среди остатков глиняной посуды наиболее часты фрагменты сосудов с округлым, приостренным или плоским днищем, орнаментированных вертикальными и горизонтальными полосами, выполненными отступающей лопаточкой. Края венчиков сосудов часто украшались выпуклинами-горошинами [Там же, с. 33].

В глазковское время еще шире, чем в неолите, стал использоваться нефрит и, следовательно, техники пиления и шлифования. Из нефрита

изготавливались кольца и диски, нашивавшиеся, по-видимому, на головной убор. Установлен тот факт, что глазковцам были известны расположенные на значительном удалении друг от друга месторождения нефрита, как светлого витимского, так и темного саянского [Горюнова, Новиков, Секерин, 2007, с. 141-144; Tsydenova et al., 2015, p. 123]. Причем из светлого они предпочитали изготавливать украшения, а темный камень обычно шел на изготовление топоров и тесел [Горюнова, Новиков, Секерин, 2007, с. 143].

Довольно редки находки обломков медных и бронзовых пластинчатых ножей, рыболовных крючков и игл [Там же, с. 34, 43].

Спектральный анализ бронзовых изделий из погребений глазковской группы могильника Фофаново показал большое содержание меди в них и примеси мышьяка, в меньшей степени олова [Герасимов, Черных, 1975, с. 43; Сергеева, 1981, с. 36]. Бронзовые изделия из погребения 8 могильника Бухусан, которое Л. Г. Ивашина отнесла к эпохе раннего энеолита, определены как оловянистые [Ивашина, 1975, с. 101]. Правда, позже радиоуглеродный анализ дал более позднюю дату для этого погребения – 2940 ± 100 л.н. (ГИН-4406), что синхронизирует его с эпохой культуры плиточных могил [Мамонова, Сулержицкий, 1989, с. 23]. Кроме того, Ю.С. Гришиным отмечено типологическое отличие ножа из Бухусана от плоских листовидных ножей глазковской группы Фофаново [Гришин, 2000, с. 82]. Следовательно, вопрос о существовании различных центров производства древнего металла на территории Западного Забайкалья остается открытым, а дальнейшее изучение данного вопроса актуальным.

Радиоуглеродные даты, имеющиеся для данной II группы погребений Фофановского могильника, были получены по кости - 3670 ± 40 л.н. (ГИН-4473), 3740 ± 50 л.н. (ГИН-4474), 3890 ± 50 л.н. (ГИН-4485), 4100 ± 100 л.н. (ГИН-4803) и относят его к III тыс. л. до н.э. [Мамонова, Сулержицкий, 1989, с. 23].

В целом, все известные глазковские комплексы к востоку от оз. Байкал (Фофаново, II группа погребений; Онкули; Ярцы Байкальские, центральный комплекс, слой 2; Окуневая IV, слой 1 и Катунь I) должны быть отнесены к

позднему этапу глазковской культуры. В пользу этого говорит не только большая часть абсолютных дат, но и типологическое единство керамики, каменных и костяных орудий.

Для противоположного побережья оз. Байкал, а точнее для Приольхонья, также характерны позднеглазковские комплексы с такими же датами: Улан-Хада, слой I - 3800 ± 100 - 3620 ± 50 л.н.; Тышкинэ III, слой IV - 3080 ± 60 - 3000 ± 30 л.н. и слой V - 3440 ± 20 - 3160 ± 50 ; средний диапазон дат для могильника Хужир-Нугэ XIV - 4000-3200 л.н.; а для могильника Улярба, погр. 3 - 3840 ± 50 л.н. (ГИН-4483) и 3850 ± 100 (ГИН-4481), погр. 16 - 4290 ± 80 л.н. (ГИН-4484) [Горюнова и др., 2004].

На основании «эпохального», а не общекультурного сходства материалов позднеглазковских погребений Приольхонья с материалами кротовской культуры Западной Сибири и окуневской культуры, О. И. Горюновой предложено определять позднее глазково, как развитый этап бронзового века. Вероятно, к раннему этапу бронзового века должны относиться раннеглазковские комплексы, которые не выявлены как в Приольхонье, так и в западной части Забайкалья.

Соглашаясь с таким определением, можем отнести и забайкальские позднеглазковские и последующие комплексы к этапу развитого бронзового века, а не к раннему бронзовому веку, как они определялись большинством исследователей [Окладников, 1955; Герасимов, Черных, 1975; Ивашина, 1979; Семина, 1985; Константинов, 1994; Гришин, 2000; Цыбиктаров, 2006].

Северо-байкальская культура

Вместе с тем, все же часть материалов поселения, видимо, может быть отнесена к периоду раннего бронзового века. Прежде всего, это керамика с наlepными горизонтальными рассеченными валиками (рис. 64), сходная с керамикой северо-байкальского типа, выделенной на материалах северного побережья оз. Байкал [Абдулов, Пилипчук, 1982; Харинский, Емельянова, Рыков, 2009]).

Подобная керамика – северо-байкальского типа отмечена нами в коллекции Посольска (рис. 65) [Цыденова, Хамзина, 2006, с. 328, рис. 3]. Аналогии ей находятся и в материалах стоянки на мысе Бурхан, расположенной на о. Ольхон [Качалова, Мандельштам, 1992, с. 213, рис. 67]. Другие аналогии сосудам этой группы находим в материалах II слоя стоянки Окуневая IV на полуострове Святой Нос [Горюнова, Лыхин, 1985, с. 135, рис. 3 - 10]. Интересно то, что керамика всех этих комплексов выглядит единообразно. Она представляет собой отрывной формы гладкостенные сосуды с округлым дном и широким устьем, орнаментированных в верхней части рядами налепных валиков, рассеченных скобковидным штампом. Ниже рядов поясов валиков, как правило, имеются пояса из оттисков отступающего стека, от которых идут вниз фестоны, оставленные различными фигурными штампами – каплевидной, округлой и др. форм. Каменный материал представлен вкладышами, скребками, ножевидными изделиями, резчиком, наконечником стрелы, а также каменными упорами [Емельянова, Харинский, 2008, с. 149-158]. Планомерные исследования данного культурного феномена на поселениях Байкальское I-III проводятся иркутскими археологами Ю. А. Емельяновой и А. В. Харинским [Емельянова, 2008; Харинский, Емельянова, Рыков, 2009]. Ими получены даты для комплексов Байкальское III и IV, Богучанская XIII, Северобайкальск I, Лысая Сопка I - на северо-западном побережье оз. Байкал [Харинский, Емельянова, Рыков, 2009, с. 118]. Исследователи относят северобайкальскую керамику к периоду от 2,4-1,2 тыс. до н.э. (3875 ± 50 л.н. (СОАН-4101), 3020 ± 40 л.н. (ГИН-7062), 3674 ± 332 (ЛЕ-3612) и 3815 ± 35 л.н. (СОАН-3894)), предлагая выделить северо-байкальскую культуру, как отдельный этап в общей периодизационной схеме бронзового века региона [Там же]. И хотя этими авторами данная культура предварительно отнесена к развитому бронзовому веку, абсолютные даты указывают на ее синхронность или, возможно, несколько более поздний возраст, чем возраст позднеглазковских комплексов восточного побережья озера Байкал. Правда, одна дата несколько моложе остальных. В любом

случае, дальнейшее датирование северо-байкальской культуры все же необходимо.

Генезис этой культуры остается неясным. Возможно, решение этой проблемы могло бы быть связано с материалами Харги I, где встречаются остатки сосудов с рядами рассеченных налепных валиков [Ивашина, 1979, с. 63, рис. 45], но недостаточное количество радиоуглеродных дат по харгинским материалам затрудняет такую постановку вопроса.

Хэнтэйская культура в Западном и Юго-Западном Забайкалье

В раннем бронзовом веке Западного и Восточного Забайкалья на материалах поселений Нижне-Березовское (слой 2), Харга I, Кулькисон, Дворцы, Жигуржинка 1 и др., а также могильников Ножий, Тологой II, погребение в Норовлийн уул и др. А. Д. Цыбиктаровым предложено выделять восточную степную «селенгинско-даурскую» культуру [Цыбиктаров, 2006]. Основными характеристиками этой культуры признаются единство керамических традиций, возникновение скотоводства и земледелия, редкие бронзовые предметы. Однако, как указано выше, слой 2 Нижне-Березовского поселения относится к развитому неолиту, стоянка Харга I имеет еще более ранние даты. Ранние даты получены и по погребению в Норовлийн уул (Табл. 12). Керамические материалы поселения Кулькисон относятся к иной культурной традиции. Исходя из всего изложенного, нельзя согласиться с выделением данной культуры.

На р. Чикой и на р. Менза керамика с подобным декором встречается в верхних слоях поселений Студеное 1 (слой 1б) и Усть-Менза 2 (слой 2). Культурные горизонты, к которым привязаны эти сосуды, отнесены Л. В. Семиной и М. В. Константиновым, на основе анализа стратиграфических позиций материалов и находок бронзовых изделий, к эпохе раннего бронзового века [Семина, 1985, с. 113, рис. 7, с. 116-117, рис. 10; Константинов, 1994; Константинов, Екимова, Верещагин, 2016]. Коллекция содержит также разнообразную керамику с другими типами орнаментов, выполненных гребенчатыми штампами и штампами-лопаточками,

типологически близкую части материалов поселения Кулькисон. Единственная радиоуглеродная дата по углю из слоя 1б Студеного 1 - 2280 ± 80 (ГИН-), должна быть признана омоложенной [Константинов, 1994, с. 85].

На материалах слоев раннего бронзового века Студеного 1, Усть-Мензы 1 и 2, Алтана, Кристинкиной пещеры, погребений Усть-Менза 3, Усть-Менза 5 и др. А. Д. Цыбиктаров [2006] предлагает выделять восточную лесную «хэнтэйскую» культуру раннего бронзового века. Однако при всем том, что такой термин в принципе, вероятно, имеет право на существование, следует признать не разработанность и недостаточность обоснования понятия «хэнтэйской» культуры. Так, например, погребение Усть-Менза 5 включено им в данную культуру лишь на основании первоначальной и предварительной публикации, отнесшей погребение к эпохе ранней бронзы [Родникова, Селин, 1986, с. 74, 75]. Впоследствии оно было датировано ранним неолитом - 6940 ± 160 (ГИН-5000) [Константинов, 1994, с. 158] и, соответственно, относиться к выделяемой А. Д. Цыбиктаровым «хэнтэйской» культуре не может. Причем, исследователь выделяет хэнтэйскую культуру в большей степени опираясь на территориальное распространение. Но при этом границы хэнтэйской культуры выходят за обозначенные им территориальные рамки.

Так, на основе сходства керамических материалов поселений Студеное 1 (слой 1б), Усть-Менза 2 (слой 2), Алтан (слои 6-8) в Юго-Западном Забайкалье, а также поселений Кулькисон, Куналей (слой 1), Ярцы Байкальские (центральный комплекс, слой 1в) на территории Западного Забайкалья, выделение хэнтэйской культуры представляется возможным. Истоки ее пока не ясны, по крайней мере, в Предбайкалье подобные комплексы не известны.

Датировок по этим комплексам минимум. Если не считать сильно омоложенную дату для слоя 1б Студеного 1 – 2280 ± 80 (ГИН) [Константинов, 1994], то есть еще радиоуглеродная дата 2770 ± 40 (ЛЕ-2401) для слоя 4 поселения Алтан, который отнесен к ранней бронзе [Константинов, Екимова, Верещагин, 2016]. Сам этот слой не имеет выразительного материала, но

залегает выше слоев 6-8, где есть аналогии керамике слоя 1в Ярцов Байкальских, слоя 1 Куналея, слоя 1б Студеного 1, слоя 2 Усть-Мензы 2, Кулькисона. Значит, все эти комплексы должны быть древнее и относятся к развитому бронзовому веку, по крайней мере, возможно, к его позднему периоду. То есть, эта дата древнее и приблизительно указывает на верхнюю границу существования хэнтэйской культуры. Вышележащий слой 1а на Студеном 1 с датой 2635 ± 75 (СОАН-1646) демонстрирует материалы, характерные для финала бронзового века. То же самое относится и к материалам слоя 1 Усть-Мензы 1 [Константинов, Екимова, Верещагин, 2016]. В Ярцах Байкальских рассматриваемый комплекс лежит ниже слоя с сосудом типичным для плиточных могил. На поселении Кулькисон Л. Г. Ивашиной в некоторых квадратах раскопа было выделено два слоя, на остальной части только один слой. Материалы слоев 1 и 2 практически идентичны и коллекция описана автором раскопок, как единый комплекс [Ивашина, 1983]. Различие лишь в том, что в слое 1 присутствуют фрагменты керамики с рассеченными наlepными валиками, характерной для плиточных могил. В нижнем слое 2 их нет. Помимо того, в коллекции имелись ножки триподов [Бутковская, 2000]. То есть, по всей видимости, комплекс Кулькисона неоднороден и состоит, по крайней мере, из материалов хэнтэйской культуры и культуры плиточных могил.

В любом случае, понятно, что имеющихся дат недостаточно. В дальнейшем необходимо выявлять новые памятники и изучать материалы уже известных комплексов этой культуры, в том числе с привлечением методов абсолютного датирования. Хронологические рамки существования хэнтэйской культуры станут более понятными. В любом случае, факт существования в Забайкалье комплексов с ярко выраженными аналогиями в керамике свидетельствует об их культурном единстве и дополнительно подтверждается представленными в данной работе новыми материалами из Ярцов Байкальских.

3.5.3. Вопрос о появлении зачатков скотоводства в неолите – бронзовом веке Западного Забайкалья

Одной из важнейших проблем неолита – бронзового века Западного Забайкалья является проблема появления ранних скотоводов на этой территории. Именно, период конца неолита, но в большей степени начала бронзового века исследователи связывали с появлением зачатков скотоводства в Забайкалье и в целом в Центральной Азии [Сосновский, 1933, с. 210-222; Ивашина, 1979, с. 133; Ивашина, 1996, с. 23; Окладников, Кириллов, 1980, с. 171; Цыбиктаров, 2006, с. 148-162; Данилов, 2013, с. 10]. А.Д. Цыбиктаров считает основанием для вывода о самостоятельном переходе к скотоводству в Западном Забайкалье находки костей domesticiрованных видов животных на поселениях неолита – бронзового века Харга I, Нижне-Березовское и др. [2006]. Однако ревизия материалов этих поселений, в том числе хранящихся в фондах ИМБТ СО РАН, а также их новые абсолютные даты обнаруживают наличие некоторых проблем.

Г. П. Сосновским при изучении Нижне-Березовского поселения в 1928 – 1929 гг. был сделан вывод о раннем скотоводстве в неолите [Архив ЛОИА, фонд Г.П. Сосновского 42, № 164, № 297]. Позднее, раскопками А.П. Окладникова в 40-е гг. XX в. была уточнена стратиграфия памятника, выделено два культурных слоя. Нижний слой отнесен к неолиту, а верхний к позднему бронзовому веку [Окладников, 1952; Асеев, 2003, с. 147]. Кости домашних животных оказались привязаны к верхнему слою и вопрос об их неолитическом возрасте потерял актуальность.

Л. Г. Ивашиной на материалах стоянки Харга I, где были найдены кости домашних животных (лошадь, корова), сделан вывод о зачатках скотоводства в конце неолита - энеолите Западного Забайкалья [Ивашина, 1996]. Полученные нами и впервые представленные в данной работе абсолютные даты по Харге I – 6,1 и 5,9 тыс. л.н., говорят о неоднородности памятника [Tsydenova, 2017, р. 90]. Следовательно, возникает вопрос о датировке костей домашних животных.

Единственной известной на сегодня, бесспорной находкой костных остатков раннего domestiцированного животного следует признать костяк домашней овцы на могильнике Фофаново. Здесь, в позднеглазковском погребении № 20, рядом с костяком молодого мужчины зафиксирован скелет домашней овцы в анатомическом порядке [Герасимов, Черных, 1975, с. 31, рис. 6; с. 35]. Однако этот факт остается единственным для глазковских памятников, что скорее говорит в пользу обмена, нежели о существовании зачатков скотоводства у глазковцев. Находка костяка домашней овцы на памятнике, территориально расположенном в приграничном для глазковской культуры районе, по всей видимости, должна свидетельствовать о контактах глазковцев Фофаново с ранними скотоводами. Вот только вопрос о том, кем были эти соседи, остается пока неясным.

Отсюда следует необходимость пересмотра имеющихся материалов, а также поиска и изучения стратифицированных комплексов, включающих кости домашних животных. Нерешенность проблемы появления одомашненных животных для данной территории, являющейся одной из крупнейших областей, включенных в кочевую ойкумену на протяжении тысячелетий, актуализирует необходимость изучения комплексов неолита – бронзового века в регионе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом, представляемые в данной работе материалы поселенческих комплексов Красная Горка, Ярцы Байкальские, Муханские Озера I, дополняют и уточняют существующие на сегодня представления о неолите и бронзовом веке Западного Забайкалья. На этих материалах и их сравнительном анализе в контексте других памятников рассматриваемого региона и сопредельных территорий, выделено несколько этапов, от начального до позднего неолита и бронзового века. В итоге, складывается следующая хронологическая последовательность для эпохи неолита и бронзового века:

1. Начальный неолит – 12 – 7,5 тыс. л.н.;
2. Ранний неолит – 7,5 – 6,0 тыс. л.н.;
3. Развитый неолит – 6,0 – 4,5 тыс. л.н.;
4. Поздний неолит – 4,5 – 3,8 тыс. л.н.;
5. Бронзовый век – 3,8 тыс. л.н. ~ 3,0-2,8 тыс. л.н. (рис. 66).

Начальный неолит Западного Забайкалья обнаруживает сходство каменной индустрии с позднепалеолитическими комплексами. Каменный материал Красной Горки демонстрирует сходство с позднепалеолитическими бифасильными индустриями, но в то же время иллюстрирует несколько иную традицию первичного расщепления. В качестве заготовок для торцовых клиновидных нуклеусов в слое 2 Красной Горки использовались небольшого размера желваки сырья. Преформы подготавливались двухсторонней обработкой, в результате которой им задавалась подклиновидная форма. Ударная площадка оформлялась также сразу на преформе. Переход к такой технике, возможно, был связан с ограничениями, накладываемыми размерами конкреций сырья. В орудийном наборе Красной Горки имеются трансверсальные резцы, концевые скребки на пластинчатых заготовках, орудия-бифасы, характерные для комплексов позднего палеолита долины р. Витим [Инешин, Тетенькин, 2010; Тетенькин, 2010]. Для Красной Горки (слой 2) получена серия дат, выполненная преимущественно по пищевому нагару на

керамике, а также по углю и кости. Большая часть релевантных дат относится к периоду от 12020 ± 60 л.н. (Поз-68609) до 9285 ± 35 л.н. (KIA42073).

На стоянках в устье р. Каренги в слое VII, содержащем древнюю керамику, представлены две техники расщепления клиновидных нуклеусов, т.е. бифасиальная юбецoidная техника и техника подработки ударных площадок с латералей. Среди орудий есть концевые скребки, резцы, имеются орудия-бифасы. Комплексы усть-каренгской культуры датируются в пределах 12 – 6 тыс. л.н. [Ветров, 2012].

Для данного региона исследователями выделяются две основные культурные традиции позднего палеолита – чикойская бифасиальная аналогичная юбецу, представленная материалами стоянки Аршан-Хундуй [Ташак, 2005], и унифасиальная селенгинская, к которой отнесены Усть-Кяхта 3, Усть-Кяхта 17 [Ташак, 2005; Павленок, 2014]. По комплексам селенгинской культуры имеются даты в пределах 12-11 тыс. л.н. [Ташак, 2005; Павленок, 2015], чикойская культура отнесена к 18 тыс. л.н. [Антонова, 2012].

Между комплексами начального неолита Западного Забайкалья и унифасиальной селенгинской индустрией можно проследить единственное сходство – подработку ударной площадки от латералей, в остальном сходств нет ни в технологии первичного расщепления, ни в орудийном наборе.

Ближайшим к Западному Забайкалью бифасильным позднепалеолитическим комплексом, где методом ремонтажа реконструирована технологическая цепочка первичного расщепления, является Большой Якорь I, расположенный в Байкало-Патомском нагорье. Для позднеплейстоценовых слоев 6-3 этого памятника имеются серии абсолютных дат в пределах 12,7-10,1 тыс. л.н. [Инешин, Тетенькин, 2010].

Наряду с юбецoidным комплексом Большого Якоря I на Нижнем Витиме для позднего палеолита (12,0-10,4 тыс. л.н.) описаны комплексы стоянок Коврижка III (культурный горизонт 2) и Авдеиха, где подработка ударной площадки клиновидных нуклеусов производилась снятиями с латералей и фронта [Тетенькин, 2010].

В более широком географическом контексте подобное сочетание разных техник в рамках синхронных комплексов одного региона и даже одних комплексов отмечено на Дальнем Востоке России и в Восточной Азии.

Для комплексов громатухинской и осиповской культур характерно сохранение бифасиальной селемджинской традиции первичного расщепления, сходной с юбецу. Прежде всего, это нижние слои поселений Громатуха [Окладников, Деревянко, 1977] и Хумми [Деревянко, Медведев, 1993; Лапшина, 2000]. Следует отметить, что именно для указанных комплексов получены одни из наиболее древних дат [Деревянко и др., 2017].

Техника первичного расщепления Красной Горки находит аналогии в материалах слоя 3 Гончарки 1 [Шевкомуд, Яншина, 2012], где преформам еще на этапе их подготовки придавалась клиновидная форма.

Техника типа юбецу и техника подработки ударной площадки от латералей отмечены для стоянки Таошань в северо-восточном Китае, где слой 3 включает фрагменты керамики, а слой 4 палеолитический. Комплекс слоя 3 датируется в пределах 12,5-12,2 тыс. л.н., а для слоя 4 есть даты 13,8 – 15,7 тыс. л.н. [Yue et al., 2020].

Комплексы с ранней керамикой пещерного памятника Фукуи в Японии характеризуются присутствием сразу трех техник подживления ударной площадки клиновидных нуклеусов, причем объясняется это небольшим размером сырьевых конкреций. Преформы подготавливались двухсторонней обработкой, но не представляли собой листовидные бифасы классического юбецу. Ударные площадки подрабатывались: 1) продольными лыжевидными снятиями; 2) снятиями с латералей; 3) мелкими снятиями по краю ударной площадки, у фронта. Датировки слоев 1-3 в пределах 12,8 – 12,3 тыс. л.н. относят их к эпохе первоначального Дземона [Kanomata et al., 2015; Sato, Tsutsumi, 2007].

Керамика Красной Горки преимущественно гладкостенная, реже с заглаженными шнуровыми отпечатками, по форме остродонная. Она обнаруживает сходство со шнуровой керамикой позднплейстоценового

возраста Студеного 1 и Усть-Мензы 1, и несколько более отдаленные параллели с усть-каренгской.

Забайкальские носители традиции ранней керамикой, возможно, имели связи с населением громатухинской и осиповской культур, распространенных на территориях к востоку от Забайкалья, в долинах рр. Зея и Амур. Основными общими признаками забайкальской керамики с древнейшей керамикой упомянутых культур является наличие: сосудов с приостренным днищем, шнурового и штрихового декора на стенках, орнамента «шагающей гребенки», горизонтальных полос затирания с внутренней стороны (отмечалось ранее В.М. Ветровым [2007]), двухслойности некоторых фрагментов, присутствия в тесте растительной примеси. Наибольшее сходство обнаруживают материалы громатухинской культуры, территориально наиболее близкой к Забайкалью [Окладников, Деревянко, 1977; Деревянко и др., 2017]. Особенно похож на усть-каренгские сосуд из Громатухи, имеющий шнуровые отпечатки и горизонтальные пояса оттисков «шагающей» гребенки, описанный японским исследователем М. Кани [Шевкомуд, Яншина, 2012, С. 221] или фрагмент подобного же сосуда из слоя 2 с датой 12,5 тыс. л.н. [Деревянко и др., 2017, с. 10, рис. 4-1]. Правда, отличаются они от усть-каренгских сосудов тем, что гребенчатый орнамент нанесен поверх шнурового декора, а не штрихового.

В целом же, на основании имеющихся абсолютных дат, а также палинологических данных можно говорить о том, что появление керамики в Забайкалье в столь ранний период было связано с коротким, но благоприятным периодом потеплений конца ледниковой эпохи, соответствующего европейскому интерстадиалу позднего плейстоцена аллерёду.

Коллекция *раннего неолита* южного комплекса Ярцов Байкальских, слоя 2, обнаруживает сходство с местными комплексами начального неолита в первичном расщеплении и орудийном наборе. Так, торцовый клиновидный нуклеус слоя 2 юго-восточного комплекса в Ярцах Байкальских имеет подработку ударной площадки продольными сколами, что сближает его с

техникой юбецу. В этом же слое найдены трансверсальные резцы на мелких пластинчатых отщепах, сходные с таковыми с Красной Горки. Также здесь наблюдается продолжение и развитие традиции шнуровой керамики, вероятные истоки которой наблюдаем в ранней керамике Студеного 1 и Усть-Мензы 1 [Константинов, 1994; Разгильдеева, Куникита, Яншина, 2013]. Вместе с тем все еще присутствуют гладкостенные сосуды с растительной примесью в тесте. То есть, преемственность наблюдается как в камне, так и в керамике.

Ранний неолит на сопредельных территориях Приольхонья и Приангарья связывается исследователями с двумя керамическими традициями – сетчатой и шнуровой (хайтинской). Смешанные комплексы с керамикой этих двух типов встречаются: в Приольхонье Саган-Заба II, слой VI с датами около 7 тыс. л.н. [Горюнова и др., 2012, с. 90, 92; Nomokanova et al., 2013; Номоконова и др., 2016]. В Приангарье чаще встречаются ранненеолитические комплексы с хайтинской керамикой: Усть-Хайта, слои V и Va с датировками 7-5,5 тыс. л.н.; Горелый Лес, слой VI, датируемый около 7 тыс. л.н. [Савельев, 1989; Савельев и др., 2001, с. 343, 346].

К раннеолитическим памятникам со шнуровыми сосудами простых форм из других сопредельных регионов, расположенных южнее и восточнее, следует причислить Чиндант в Восточном Забайкалье, отнесенный к борреальному периоду [Окладников, Кириллов, 1980], слой 3 Тогоотын гол V на востоке Монголии [Цыденова и др., 2015], а также стоянку Хаг вблизи г. Хайлар в Китае с датами 7,7-7,3 тыс. л.н. для VII-го слоя [Hag site. Report..., 2008].

В *развитом и позднем неолите* Западного Забайкалья преемственность от ранненеолитических комплексов определяется в первую очередь по керамике. Свидетельством этому являются находки фрагментов в слое 2 Муханских Озер I с аналогичными диагностическими технологическими признаками, характерными для ранненеолитической керамики из Ярцов Байкальских. Такими признаками являются: шнуровые оттиски на внешней и

внутренней стенках; изготовление сосудов из лент «внахлест»; приостренная форма днищ. Дата для этого слоя Муханских Озер I - 4620 ± 110 л.н. (СОАН–6605) получена по кости. Каменный артефактный набор изготовлен преимущественно из халцедонов и представляет собой микропримазитические (конические) нуклеусы, микроскребки, двусторонне обработанные наконечники стрел, микропластины с краевой ретушью, ножевидные изделия из сланцев.

Для соседнего Юго-Западного Забайкалья (на материалах Студеного 1, 2, Усть-Мензы 1, 2 и др.) характерно развитие от раннего неолита до бронзового века единой традиции шнуровой керамики (Семина, 1985, с. 122). В целом, такой тезис правомерен и для исследуемой нами территории. Ранний и развитый неолит на данной территории имеют местное происхождение, получившее развитие на основе начального неолита. На протяжении всего неолита на исследуемой территории доминирует шнуровая и штриховая керамика. В начальном неолите встречаются сосуды, как с отпечатками шнура (Студеное 1, Усть-Менза 1) [Семина, 1985; Константинов, 1994; Разгильдеева, Куникита, Яншина, 2013], так и штриховые (Усть-Каренга XII) [Ветров, 1985; Ветров, 2012; Hommel, 2012]. Для раннего неолита шнуровая керамика хайтинского типа, а в период развитого и позднего неолита хайтинского и посольского типов. Посольская керамика получила широкое распространение от Красноярской лесостепи на западе – пещера Еленева (слой 11Г) с датами 6,9 и 6,5 тыс. л.н. [Макаров, 2005], до Восточного Забайкалья на востоке – керамика из погребений у оз. Ножий [Окладников, Кириллов, 1980], от Усть-Юмурчена на севере [Ветров, 2011] и до монгольских степей на юге [Цыденова и др., 2012]. В основном посольская керамика представлена на таких памятниках Предбайкалья и Западного Забайкалья как: Посольск [Константинов и др., 1995; Цыденова, Хамзина, 2005], Харга I (до получения абсолютных дат относилась к раннему бронзовому веку с признаками неолитоидности) [Ивашина, 1979; Гришин, 2000], Усть-Юмурчен [Ветров,

2012], Катунь I [Номоконова, Горюнова, 2004] и др. [Цыденова, 2009; Ветров, 2011].

Для Посольской стоянки есть одна абсолютная дата по гумусу для слоя 2 – 5,7 тыс. л. н. [Константинов и др., 1995, с. 23], есть также дата около 4,6 тыс. л. н., опубликованная без привязок [Номоконова, Горюнова, 2004, с. 122]. Для поселения Харга I получены новые даты 6198 ± 40 л.н. (UBA-28384) и 5948 ± 41 л.н. (UBA-28385).

В Приангарье посольская керамика также была широко распространена и присутствует в слое V Горелого Леса, датированном 4,8 тыс. л.н., в слое IV Усть-Хайты [Савельев, Горюнова, Генералов, 1974, с. 192, Рис. 16; Савельев и др., 2001, с. 352, рис. 4], а также в смешанных с хайтинской керамикой комплексах Приольхонья – Улан-Хада, IX слой (4,5 – 4,0 тыс. л.н.), Итырхей, IV слой (4,7 тыс. л.н.), Саган-Заба, III слой (6,0 – 5,1 тыс. л.н.), Кулара III, слой I (5,2 тыс. л.н.) [Номоконова, Горюнова, 2004, с. 122]. Верхняя граница существования этой керамики имеет дату около 4,0 тыс. л.н., полученную по материалам слоя III Б стоянки Няша на Енисее [Дроздов, Погудин, 1979, с. 46-47; Номоконова, Горюнова, 2004, с. 122].

Одним из опорных памятников Приольхонья является многослойное поселение Улан-Хада, в материалах слоя Г/2 (слой IX по Б.Э. Петри) которого встречается керамика кругло и остродонная посольского типа, с пунктирной позднесеровской керамикой и сетчатой с проколами вдоль края венчика [Грязнов, Комарова, 1992, рис. 17). Слой отнесен исследователями к развитому неолиту – концу IV-го – середине III-го тыс. до н.э. [Там же].

К развитому неолиту исследователи относят традицию сетчатой керамики, например, в VI и VII культурных горизонтах стоянки Катунь I (Чивыркуйский залив оз. Байкал) [Горюнова, Лыхин, 1985; Номоконова, Горюнова, 2004] она встречается совместно с хайтинской и посольской. В небольшом числе сетчатая керамика есть и в коллекции Посольска [Цыденова, Хамзина, 2006]. Далее к востоку от побережья оз. Байкал она не распространялась. В тоже время, в Предбайкалье она широко распространена

и характерна для раннего - среднего неолита [Базалийский, 2012, с. 68, рис. 10; Горюнова и др., 2012, с. 90, 92]. Традиция сетчатой керамики была также известна населению соседних территорий Монголии и северо-востока Китая [Окладников, Дорж, 1977; Цыденова и др., 2015].

В *конце неолита* на территорию Западного Забайкалья проникает усть-бельская традиция, которая под местным влиянием оказывается также шнуровой [Цыденова, Хамзина, 2006]. Характерные черты усть-бельского типа сохраняются в форме и орнаменте [Савельев, 1989], но орнамент зонирован и расположен только в верхней части сосуда, а стенки сосудов несут отпечатки шнура. При этом техника формовки сосуда осталась практически прежней, о чем свидетельствуют фрагменты лент, отслоившихся по спаям «внахлест». Причем, на поверхностях этих спаев также имеются шнуровые отпечатки. Такой же технический прием наблюдается на посольских сосудах из коллекции Посольска. Территориально и, по всей видимости, хронологически наиболее близким комплексом с усть-бельской керамикой является комплекс слоя В3, культурного горизонта VIII поселения Улан-Хада [Грязнов, Комарова, 1992, с. 169, рис. 23] с радиоуглеродной датой 4,1 тыс. л.н. [Горюнова, Хлобыстин, 1992, с. 47].

Погребальная традиция на протяжении раннего и развитого неолита Западного Забайкалья также единообразна, что прослеживается по комплексам могильников Фофаново, Старого Витима II, Бухусана и отдельных одиночных погребений Тулту-Дабан, Поворот, Дунда-Киреть, Верхний Мангиртуй, Петропавловка, Могсохон, Тологой II, Ключнево, Нижняя Джилинда, отдельные парные и коллективные могилы Новая Шишковка, Заган и Зеленхоз [Мамонова, 1957; Хамзина, 1959; Иваньев, 1959; Герасимов, Черных, 1975; Коновалов, 1975; Ивашина, 1979; Ветров и др., 1993; Ветров, 2003; Лбова и др., 2008]. Как правило, для этих погребений отмечается скорченное положение костяков, посыпка охрой, отсутствие керамики и наличие украшений из зубов диких животных. Абсолютными датами обеспечены далеко не все из них. Большинство ранних погребений

могильников и часть одиночных погребений имеет даты около 7,0-6,5 тыс. л.н. Но есть и даты и помоложе: погр. 3, 6, 13 могильника Бухусан относятся ко времени около 4,8-4,5 тыс. л.н., погребение Заган – 5,4 т.л. Возможно, одновременно этим Бухусанским погребениям развитого неолита и погребение из Хамниготы.

Вероятно, широкое распространение и длительное существование шнуровой и штриховой керамических традиций, погребального обряда близкого китойскому, должны рассматриваться, как свидетельство существования единых традиций в раннем - позднем неолите Западного Забайкалья, что собственно отмечалось еще в начале XX в. Г.Ф. Дебецем, затем В. Е. Ларичевым и др. Однако выражены эти традиции были, по всей видимости, локальными вариантами.

В эпоху развитого бронзового века, на территории Западного Забайкалья наблюдается большее разнообразие культурных традиций, чем для неолита: глазковской, северо-байкальской, хэнтэйской. Традиция шнуровой керамики, бытовавшая в Забайкалье на протяжении всего неолита в эпоху раннего бронзового века, распространена уже не повсеместно.

Для глазковских комплексов восточного побережья оз. Байкала характерны в основном гладкостенные сосуды с орнаментом из горизонтальных поясов из отпечатков отступающего штампа-лопаточки, гребенчатых оттисков, а также «жемчужного» орнамента. Находки изделий из меди и бронзы редки, встречаются в виде обломков медных и бронзовых пластинчатых ножей, рыболовных крючков и игл [Там же, 1975, с. 34, 43]. Радиоуглеродные даты, имеющиеся для данной II группы погребений Фофановского могильника, были получены по кости – 4,1-3,6 тыс. л.н. и относят его к III тыс. л. до н.э. [Мамонова, Сулержицкий, 1989, с. 23].

Для Приольхонья и побережья оз. Байкал О. И. Горюновой обоснована новая хронология для конца неолита – позднего бронзового века. Позднеглазковские погребения и поселенческие комплексы, датированные в интервале 4000-3200 л.н., по ее мнению, должны быть отнесены к развитому

бронзовому веку по аналогии с материалами окуневской культуры и позднего этапа кротовской культуры Западной Сибири [Горюнова и др., 2004]. Сходство прослеживается в обрядах погребений, сопроводительном инвентаре. Вместе с тем О. И. Горюнова подчеркивает, что сходства эти не культурно-сближающие, а эпохальные. Соответственно, все последующие после глазковских комплексов в Западном Забайкалье также должны быть отнесены к развитому бронзовому веку.

Сосуды северо-байкальской культуры на всех комплексах выглядят единообразно. Как правило, они представляют собой отрывной формы гладкостенные сосуды с округлым дном и широким устьем, орнаментированные в верхней части рядами налепных валиков, рассеченных скобковидным штампом. Ниже рядов поясов валиков, как правило, имеются пояса из оттисков отступающего стека, от которых идут вниз фестоны, оставленные различными фигурными штампами – каплевидной, округлой и др. форм. Каменный материал представлен вкладышами, скребками, ножевидными изделиями, резчиком, наконечником стрелы, а также каменными упорами [Емельянова, Харинский, 2008, с. 149-158]. Подобная керамика отмечена нами в коллекции Посольска [Цыденова, Хамзина, 2006, с. 328, Рис. 3], есть она и в материалах II слоя стоянки Окуневая IV на полуострове Святой Нос [Горюнова, Лыхин, 1985, с. 135, рис. 3 - 10], а также в материалах стоянки на мысе Бурхан на о. Ольхон [Качалова, Мандельштам, 1992, с. 213, рис. 67]. Собственно, выделять северо-байкальскую культуру было предложено исследователями Ю. А. Емельяновой и А. В. Харинским на основании изучения материалов поселений Байкальское III и IV, Богучанская XIII, Северобайкальск I, Лысая Сопка I на северо-западном побережье оз. Байкал [Емельянова, 2008; Харинский, Емельянова, Рыков, 2009, с. 118]. Имеющиеся для этих комплексов радиуглеродные даты в пределах 3,8 – 3,0 тыс. л.н. указывают на синхронность этой культуры или даже несколько более поздний ее возраст, чем возраст позднеглазковских комплексов восточного побережья озера Байкал.

А.Д. Цыбиктаровым было предложено на материалах верхних слоев Студеного 1, Усть-Мензы 1 и 2, Алтана, Кристинкиной пещеры, погребения Усть-Менза 5 выделять хэнтэйскую культуру раннего бронзового века [2006]. В нашей работе предлагается использовать понятие «хэнтэйская культура» для материалов верхних слоев многослойных поселений Студеное 1 (слой 1б) и Усть-Менза 2 (слой 2), которые объединяет схожесть керамической традиции, представленной сосудами с пунктирным орнаментом [Семина, 1985, с. 113, Рис. 7, с. 116-117, рис. 10]. Похожая керамика также встречается в Западном Забайкалье на поселении бронзового века Кулькисон [Ивашина, 1983, с. 51]. Еще один аналогичный сосуд был найден в верхнем подперновом слое поселения Куналей на юге Забайкалья [Константинов и др., 1981, с. 6-8]. Каменный артефактный набор во всех комплексах сходен и представлен призматическими микронуклеусами, микропластинами, микроскребками и др.

Фрагменты сосудов с орнаментом в виде пунктирных линий найдены в слое 1в центрального комплекса в Ярцах Байкальских, где они относятся к горизонту, лежащему выше позднеглазковского, но ниже сосуда сеногдинского типа финальной бронзы. Это единственный известный случай на сегодняшний день, когда стратиграфические наблюдения позволяют определять относительное время существования данной культуры. Особенно при условии того, что единственная радиоуглеродная дата 2,2 тыс. л.н. по слою 1б Студеного 1, не может быть признана верной [Там же, С. 85], поскольку относит комплекс к концу эпохи бронзы – началу железного века. Верхняя граница культуры не может быть моложе 2,8 тыс. л.н, так как такая датировка получена по слою 4 поселения Алтан, в нижележащих слоях 6-8 которого, отмечены сосуды с пунктирным орнаментом и отпечатками мелкочаеистого стека.

В целом, представленные в данной работе новые материалы и данные дополняют и корректируют сложившиеся представления о неолите – бронзовом веке Западного Забайкалья. Предложены изменения и дополнения в культурно-периодизационную схему Л. Г. Ивашиной. В первую очередь,

добавлен этап начального неолита, основанный на материалах Усть-Каренги, Студеного 1, Усть-Мензы 1, Красной Горки. Дана характеристика раннего неолита и перехода к нему от начального неолита, а также последующим этапам развитого и позднего неолита. Обозначены основные общие черты и своеобразие культурных традиций неолитического населения Западного Забайкалья. Переосмыслено место позднеглазковских комплексов в этой схеме в связи с предложениями коллектива авторов во главе с О. И. Горюновой по хронологии и периодизации комплексов позднего неолита – позднего бронзового века Приольхонья и побережья оз. Байкал. Учтены данные по северо-байкальской и хэнтэйской культурам [Емельянова, Харинский, 2008; Цыбиктаров, 2006]. В рамках работы сделана попытка осмыслить место культур неолита – бронзового века представляемого региона в общей системе данных севера и востока Азии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдулов Т. А., Пилипчук Н. П. Поселение Лысая Сопка на Северном Байкале// Материальная культура древнего населения Восточной Сибири. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1982. – С. 55-70.
2. Аксенов М. П. Аппликативный метод в анализе археологических источников// Описание и анализ археологических источников. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1981. – С. 34-43.
3. Аксенов М. П., Ветров В. М., Инешин Е. М., Тетенькин А. В. История и некоторые результаты археологических исследований в бассейне р. Витим (Витимское плоскогорье и Байкало-Патомское нагорье)// Байкальская Сибирь в древности – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2000. – Вып. 2, Ч.1. – С. 4-35.
4. Алексеев А. Н. Древняя Якутия: неолит и эпоха бронзы. Серия История и культура Востока Азии. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1996. – 144 с.
5. Антонова Ю. Е. Селенгинская индустрия в финале палеолита Западного Забайкалья (к вопросу о межкультурном взаимодействии)// Материалы международной научной конференции «Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири». Том 1. – Улан-Батор: Изд-во Национального университета Монголии, 2012. – С. 1-6.
6. Арембовский И. В. На заре истории Прибайкалья. – Иркутск: Иркутское областное изд-во, 1940. – 60 с.
7. Асеев И. В. Юго-Восточная Сибирь в эпоху камня и металла. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2003. – 208 с.
8. Базалийский В. И., Ливерс А. Р., Хаверкорт К. М., Пежемский Д. В., Тютрин А. А., Туркин Г. В., Вебер А. В. Ранненеолитический комплекс погребений могильника Шаманка II (по материалам раскопок 1998-2003 гг.)//Известия лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2006. – № 4. – С. 80-103.

9. Базалийский В. И. Погребальные комплексы эпохи позднего мезолита – неолита Байкальской Сибири: традиции погребений, абсолютный возраст// Известия лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, – 2012. № 1 (9). – С. 43-101.
10. Базалийский В. И., Песков С. А., Щетников А. А., Тютрин А. А. Ранненеолитический могильник Моты – Новая Шаманка в долине р. Иркут// Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2016. – Т. 18. – С. 40–72.
11. Базаров Д. Б., Константинов М. В., Иметхенов А. Б., Базарова Л. Д., Савинова В. В. Геология и культура древних поселений Западного Забайкалья. – Новосибирск: Наука, 1982. – 163 с.
12. Базарова Л. Д. Палеогеографические реконструкции эпохи обитания первобытного человека в Юго-Западном Забайкалье (по материалам исследования археологических памятников): автореф. дис. ... канд. географ. наук. – Иркутск, 1985.
13. Безрукова Е. В., Летунова П. П., Абзаева А. А., Кулагина Н. В. Изменения растительности и природной среды в Байкальском регионе после оледенения: хронология, возможные причины// Материалы международной научной конференции «Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири». – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2011. – С. 23–30.
14. Бердникова Н. Е. Усть-Бельский керамический пласт (к постановке проблемы)// Тезисы докладов Всесоюзной конференции «Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири». – Улан-Удэ: Изд-во БФ СО АН СССР, 1986, Ч.2. – С. 36–38.
15. Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. – М.: Наука, 1978. – 272 с.
16. Боднев И. А. Ранние керамические комплексы Японии// Исследования молодых ученых в области археологии и этнографии. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2001. – С. 11–41.

17. Бородовский А. П., Глушков И. Г., Матющенко В. И. Методические рекомендации и программы обработки и описания археологических коллекций. Методические рекомендации для обработки коллекций по археологии// Методика археологических исследований Западной Сибири. – Омск: Изд-во «Фаворит», 2005. – С. 256–287.
18. Большая советская энциклопедия: [в 30 т.] / гл. ред. А. М. Прохоров. — 3-е изд. — М.: Советская энциклопедия, 1969–1978.
19. Бураев А. И. Антропология Прибайкалья и Забайкалья (древность и средневековье). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. – 211 с.
20. Бутковская Д. А. Анализ керамических материалов поселения у озера Кулькисон// Материалы 40-й РАЭСК «Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии». – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000, Т. I. – С. 115–116.
21. Васильев С. В., Веселовская Е. В., Галеев Р. М., Григорьева О. М., Константинов М. В., Пестряков А. П., Боруцкая С. Б. Антропологическое исследование неолитических памятников Забайкалья (падь Токуй, Жиндо, Усть-Менза-2)// Сибирские исторические исследования. – Томск: Изд-во ТГУ, 2018. – №3. – С. 107-138.
22. Васильевский Р. С., Крупянко А. А., Табарев А. В. Генезис неолита на юге Дальнего Востока России (каменная индустрия и проблема ранней оседлости). – Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 1997. – 140 с.
23. Вебер А. В., Линк Д. В. Неолит Прибайкалья: итоги и перспективы изучения// Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2001. – № 1(5). – С. 135-147.
24. Вебер А., Беттинджер Р., Андерсон Д., Вамфорт Ф., Буш А., Каценберг М.А., Шурр Т. Неолит и бронзовый век Предбайкалья: некоторые теоретические и методологические проблемы// Вестник ИрГТУ. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2004. – № 4(20). – С. 15-25.

25. Ветров В. М. Керамика усть-каренгской культуры на Витиме // Древнее Забайкалье и его культурные связи. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 123–130.
26. Ветров В. М. Каменный век Верхнего Витима: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1992. – 17 с.
27. Ветров В. М., Задонин О. В., Инешин Е. М. Многослойное местонахождение Нижняя Джилинда (Сивакон) - 1 в Бамбуйской котловине// Культуры и памятники эпохи камня и раннего металла Забайкалья. – Новосибирск: Наука, –1993. – С. 106–111.
28. Ветров В. М. Резцы и нуклеусы усть-каренгской археологической культуры// Байкальская Сибирь в древности. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1995. – С. 30–45.
29. Ветров В. М. Работы Иркутского педагогического университета в Муйской котловине// Археологические открытия 2001 года. – Москва: Наука, 2002. – С. 403–404.
30. Ветров В. М. Работы на местонахождении Старый Витим II в Муйской котловине// Археологические открытия 2002 года. – Москва: Наука, 2003. – С. 345–346.
31. Ветров В. М. Ритуальный комплекс в устье р. Каренга (долина р. Витим) и некоторые проблемы неолита Восточной Сибири// Известия лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2008, –С. 28–43.
32. Ветров В. М. Проблемы сходства в технике изготовления и орнаментации сосудов ранних керамических комплексов Северной Евразии// Материалы Всероссийского археологического съезда «Современные проблемы археологии России». – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. I. – С. 173–176.
33. Ветров В. М. Древнейшие следы керамического производства в Восточной Азии (Проблемы возникновения, периодизации, терминологии)//

- Антропоген. Палеоантропология, геоархеология, этнология Азии. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2008. – С. 28–34.
34. Ветров В. М. Археология Витимского плоскогорья: усть-юмурченская культура (5-4,6-3,5 тыс.л.н.)// Материалы международной научной конференции «Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири». – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2011. – С. 34–41.
35. Ветров В. М. Археология Витимского плато: усть-каренгская культура (13000-5000 л.н.)// Материалы науч. конференции «Актуальные вопросы археологии Сибири и Дальнего Востока». – Уссурийск: Изд-во УГПУ, 2012. – С. 173–187.
36. Волков В. В. Погребение в Норовлийн уула (Монголия)// Археология Северной и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1975. – С. 76–79.
37. Воробьева Г. А., Медведев Г. И. Плейстоцен-голоценовые отложения и почвы археологических местонахождений юга Средней Сибири: Плейстоцен. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1984. – Ч.1. – 42 с.
38. Воробьева Г. А., Медведев Г. И. Плейстоцен-голоценовые отложения юга Средней Сибири и археологические остатки в геологических слоях: Голоцен. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1984. – Ч.2. – 44 с.
39. Воробьева Г. А., Арсланов Х. А., Бердникова Н. Е., Вашукевич Н. В., Рыжов Ю. В., Чайка Н. В. Седименты каргинских почв в разрезах геоархеологических объектов Южного Прибайкалья// Материалы международной научной конференции «Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири». – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2011. – С. 49–57.
40. Гарковик А. В. Некоторые итоги исследования стоянки Устиновка-3 в Приморье// Поздний палеолит-ранний неолит Восточной Азии и Северной Америки. – Владивосток: Изд-во «Дальпресс», 1996. – С. 58–67.
41. Герасимов М. М. Восстановление лица по черепу. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 588 с.
42. Герасимов М. М., Черных Е. Н. Раскопки Фофановского могильника в 1959 г.// Первобытная археология Сибири. – Ленинград: Наука, 1975. – С. 23-48.

43. Герасимова М. М., Боруцкая С. Б., Васильев С. В., Фризен С. Ю., Жамбалтарова Е. Д. Палеоантропологическое исследование Фофоновского могильника (Забайкалье) эпохи неолита-энеолита// Вестник антропологии. – 2010. № 18. – С. 113–127.
44. Гиря Е. Ю. Проблемы технологического анализа продуктов расщепления камня// Российская археология. –1991. – № 3. – С. 115.
45. Гладышев С. А., Табарев А. В. Раннеголоценовая керамика Северной Монголии (по материалам многослойного поселения Толбор-15)// Problems of study of the ancient pottery of the North-East Asia (X-V mill. BC) by methods in archeology and natural sciences. International workshop. – Сахалин, 2012.
46. Глушков И. Г. 1996. Керамика как исторический источник. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – 327 с.
47. Горюнова О. И., Савельев Н. А. Опыт разработки понятий для описания форм сосудов неолитической и раннебронзовой керамики Восточной Сибири// Описание и анализ археологических источников. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1981. – С. 115–125.
48. Горюнова О. И., Лыхин Ю. П. Археологические памятники п-ова Святой Нос (оз. Байкал)// Древнее Забайкалье и его культурные связи. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 130–147.
49. Горюнова О. И., Хлобыстин Л. П. Датировка комплексов поселений и погребений бухты Улан-Хада// Древности Байкала. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1992. – С. 41–56.
50. Горюнова О. И., Красавцев А. А., Сергиенко Т. Ю., Новиков А. Г. Новые комплексы развитого неолита Приольхонья (по материалам поселений)// Байкальская Сибирь в древности. – Иркутск: Изд-во Иркут. пед. ун-та, 2000. – Вып. 2, ч. 2. – С. 3-14.
51. Горюнова О. И., Новиков А. Г., Зяблин Л. П., Смотрова В. И. Древние погребения могильника Улярба на Байкале (неолит – палеометалл). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – 88 с.

52. Горюнова О. И., Новиков А. Г., Секерин А. П. Нефрит из археологических объектов Приольхонья// Известия лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2007. – № 1 (5). – С.138–145.
53. Горюнова О. И., Новиков А. Г., Вебер А. В. Керамика раннего неолита Прибайкалья (по материалам многослойного поселения Саган-Заба II)// Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Посвящается 100-летней годовщине проведения XV Всероссийского археологического съезда. – СПб–М–Великий Новгород: Изд-во ИИМК РАН, 2011. – Т. I. – С. 125-127.
54. Горюнова О. И., Долганов В. А., Новиков А. Г., Вебер А. В. Ранний неолит Приольхонья: по материалам VI культурного слоя геоархеологического объекта Саган-Заба II// Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. – № 1. – С. 86–93.
55. Горюнова О. И., Новиков А. Г. Неолитическая керамика из поселений Приольхонья (озеро Байкал): вопросы периодизации и датировки// Материалы межд. науч. конф. «Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири» («Ancient cultures of Northern China, Mongolia and Baikalian Siberia»). – Пекин: Изд-во Наука (科学kēxué), 2015. – Т. I. – С. 42–48.
56. Гришин Ю. С. Памятники неолита, бронзового и раннего железного века лесостепного Забайкалья. – М.: Наука, 1981. – 201 с.
57. Гришин Ю. С. Проблемы периодизации неолита и энеолита Прибайкалья и Забайкалья. – М.: Изд-во «Старый сад», 2000. –128 с.
58. Грязнов М. П., Максименков Г. А. Задачи и итоги работ Иркутской экспедиции// Древности Байкала. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1992. – С. 5-13.
59. Грязнов М. П., Комарова М. Н. Раскопки многослойного поселения Улан-Хада// Древности Байкала. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1992. – С. 13-32.
60. Данилов С. В. О ранних этапах появления и становления кочевого скотоводства в Центральной Азии// Вестник Бурятского научного центра

- Сибирского отделения Российской академии наук. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2013. – № 1 (9). – С. 7-17.
61. Дебец Г. Ф. Следы доисторического человека в долине р. Уды (Забайкалье)// Бурятияведение. – Верхнеудинск: б. и., 1925. – № 1. – С. 20–21.
62. Дебец Г. Ф. Отчет об археологических разведках на оз. Котокель// Бурятияведение. – Верхнеудинск: б. и., 1928. – №1-3 (5-7). – С. 13-16.
63. Дебец Г. Ф. Опыт выделения культурных комплексов в неолите Прибайкалья// Известия ассоциации научно-исследовательских институтов при физико-математическом факультете МГУ. – М.: Изд-во МГУ, 1930. – Т. III, № 2а. – С. 151-169.
64. Деревянко А. П., Медведев В. Е. Исследование поселения Гася (предварительные результаты, 1980). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1993. – 109 с.
65. Деревянко А. П., Маркин С. В., Васильев С. А. Палеолитоведение: введение и основы. – Новосибирск: Наука, 1994. – 288 с.
66. Деревянко А. П., Волков П. В., Ли Хонджон. Селемджинская позднепалеолитическая культура. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1998. – 336 с.
67. Деревянко А. П., Деревянко Е. И., Нестеров С. П., Табарев А. В., Учида К., Куникита Д., Морисаки К., Мацудзаки Х. Новые радиоуглеродные даты громатухинской культуры начального этапа неолита в Западном Приамурье// Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Том 45, №4. – С. 3-12.
68. Джалл Э. Дж. Т., Бурр Дж. С., Деревянко А. П., Кузьмин Я. В., Шевкомуд И. Я. Радиоуглеродная хронология перехода от палеолита к неолиту в Приамурье (Дальний Восток России)// Современные проблемы евразийского палеолитоведения. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – С. 140-142.

69. Дорж Д. Неолит Восточной Монголии. – Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1971. – 170 с.
70. Емельянова Ю. А. Керамика северобайкальского типа// Известия Алтайского государственного университета. – 2008. – № 4-5. – С. 58-62.
71. Емельянова Ю. А., Харинский А. В. Древнейшее городище-святилище на побережье озера Байкал// Известия лаборатории древних технологий. – 2008. – № 1 (6). – С. 145-166.
72. Ербанов М. Н., Цыбиков Г. Ц., Попов В. В. Отчет о деятельности Бурят-Монгольского Научного Общества имени Доржи Банзарова с 1-го октября 1925 года по 1-ое октября 1926 года//Бурятияведение. – Верхнеудинск: б. и., 1927. – №3-4. – С. 91-103.
73. Жамбалтарова Е. Д. Ранненеолитические материалы Фофановского могильника (по результатам раскопок 2007-2008 гг.)// Материалы международной научной конференции «Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири». – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2010. – С. 44-47.
74. Жущиховская И. С., Залищак Б. Л. Вопросы изучения сырья и формовочной массы древней керамики юга Дальнего Востока// Древняя керамика Сибири: типология, технология, семантика. – Новосибирск: Изд-во Наука, 1990. – С. 144-157.
75. Жущиховская И. С. Очерки истории древнего гончарства Дальнего Востока России. – Владивосток: Изд-во ДВО РАН, 2004. – 312 с.
76. Жущиховская И. С. Технология формовки на шаблоне в древнем гончарстве Дальнего Востока России// Археологические вести. – СПб: Изд-во ИИМК РАН, 2011. – № 12. – С. 62-70.
77. Жущиховская И. С., Мыльникова Л. Н. Древнейшая керамика Восточной Азии: актуальные вопросы исследования (материалы для учебного курса «Керамика как археологический источник»)// Вестник НГУ. Серия: История, филология. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2020. – Т. 19, № 7. – С. 10-33.

78. Иваньев Л. Н. Неолитическое погребение в Худунской впадине// Краткие сообщения БКНИИ СО АН СССР. – Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1959. – Вып. I. – С. 93-98.
79. Ивашина Л. Г. Новые материалы по археологии бронзового века Забайкалья// Известия СО АН СССР. Серия общественный наук. – Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1975. – № 1. – Вып. 1. – С. 98-103.
80. Ивашина Л. Г. Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии. – Новосибирск: Наука, 1979. – 155 с.
81. Ивашина Л. Г. Поселения эпохи позднего неолита – раннего металла у озер Кулькисон и Харга// По следам древних культур Забайкалья. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 52-57.
82. Ивашина Л. Г. О раннем неолите Западного Забайкалья// Культуры и памятники эпох камня и раннего металла Забайкалья. – Новосибирск: Наука, 1993. – С. 81-88.
83. Ивашина Л. Г. Предпосылки к зарождению производящих отраслей хозяйства в эпоху позднего неолита – ранней бронзы (на материале археологических памятников Бурятии)// Тезисы докладов межд. науч. конф. «100 лет гуннской археологии. Номадизм прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен», Часть II. – Улан-Удэ: Изд-во «Олзон» при БНЦ СО РАН, 1996. – С. 23-25.
84. Ивашина Л. Г. Элементы китойской культуры в неолите Забайкалья// Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – Т. 1: Археология. Этнология. – С. 55-60.
85. Инешин Е. М., Тетенькин А. В. Человек и природная среда севера Байкальской Сибири в позднем плейстоцене. Местонахождение Большой Якорь I. – Новосибирск: Наука, 2010. – 270 с.
86. История Бурятии. Бураев А. И., Данилов С. В., Дашибалов Б. Б., Ивашина Л. Г., Именохоев Н. В., Коновалов П. Б., Крадин Н. Н., Лбова Л. В., Нанзатов Б. З., Нимаев Д. Д., Симухин А. И., Ташак В. И., Убугунова В. И.,

- Цыбиктаров А. Д., Цыденова Н. В. в 3 т. / Под гл. ред. Б. В. Базарова. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. – Том 1 «Древность и Средневековье». – 328 с.
87. История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Том I. Древнейшая и древняя история (по археологическим данным). От палеолита до V в. до н.э. – М.: Изд-во Наука – «Восточная литература», 2016. – 974 с.
88. История Сибири. – Л.: Наука, 1967. – 452 с.
89. Качалова Н. К., Мандельштам А. М. Поселения и могильники на мысах Бурхан, Шибэтэй и Нюргон (остров Ольхон)// Сборник научных трудов «Древности Байкала». – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1982. – С. 73-77.
90. Кириллов И. И. Восточное Забайкалье в древности и средневековье. Учебное пособие. – Иркутск: Изд-во ИГПИ, 1979. – 97 с.
91. Кириллов И. И., Верхотуров О. Г. Новые неолитические могильники из Восточного Забайкалья и их значение в определении этнокультурных связей местных племен// Древнее Забайкалье и его культурные связи. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 7-21.
92. Кириллов И. И. Стоянка Дворцы и некоторые вопросы периодизации развития культуры населения Восточного Забайкалья в эпоху палеометалла// Памятники эпохи палеометалла в Забайкалье. – Улан-Удэ: Изд-во БФ СО АН СССР, 1988. – С. 3-17.
93. Кирюшин Ю. Ф., Нохрина Т. И., Петрин В. Т. Методика обработки коллекций каменного инвентаря неолитического времени: Учебное пособие. – Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 1993. – 65 с.
94. Колобова К. А. Приемы оформления каменных орудий в палеолитических комплексах Горного Алтая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006.
95. Конев В. П. Фофановский могильник. Новый этап исследования// Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока: Тез. докл. к XXXVI РАСК. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1996. – Ч. 1. – С. 114-116.

96. Коновалов П. Б. Археологические исследования в Бурятском научном центре (начало XX - начало XXI в.)// Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. – № 3 (7). – С. 26-48.
97. Коновалов П. Б. Неолитическое погребение возле Дунда-Киреть на р. Хилок (Южная Бурятия) // Вопросы краеведения Бурятии. – Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1975. – Вып. 8. – С. 139-145.
98. Конопацкий А. К. Древние культуры Байкала. – Новосибирск: Наука, 1982. – 176 с.
99. Константинов М. В., Базаров Б. В., Иметхенов А. Б., Базарова Л. Д., Семина Л. В., Савинова В. В. Древнее поселение Куналей// Новое в археологии Забайкалья. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 6-18.
100. Константинов М. В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. – Улан-Удэ – Чита: Изд-во БНЦ СО РАН и ЧГПИ, 1994. – 179 с., 83 ил.
101. Константинов М. В., Базарова Л. Д., Семина Л. В. Древнее поселение Посольское (новые материалы)// Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. – С. 18-25.
102. Константинов М. В., Константинов А. В. Древние погребения в российско-монгольском пограничном районе// Материалы межд. науч. конф. «Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири» («Ancient cultures of Northern China, Mongolia and Baikalian Siberia»). – Пекин: Изд-во Наука (科学kēxué), 2015. – Т. I – С. 106-120.
103. Константинов М. В., Екимова Л. В., Верещагин С. Б. Таежный Чикой на рубеже камня и бронзы. – Чита: Изд-во ЗабГУ, 2016. – 247 с.
104. Константинов М. В. Возраст древнейшей керамики Забайкалья: реальный и абсурдный// Материалы международной науч. конф. «Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики». – СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 2016. – С. 183-187.

105. Кузьмин Я. В., Ветров В. М., Джалл Э. Дж. Т., О'Малли Ж. М. Радиоуглеродное датирование керамики усть-каренгской культуры Верхнего Витима и хронология начального неолита Восточной Азии // Байкальская Сибирь в древности. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2000. – Вып. 2, Ч.1. – С. 181-188.
106. Кудрявцев Ф. А. Пять лет нашей работы//Бурятияведение. – Верхнеудинск: б. и., 1930. – Вып. III-IV (11-12). – С. 3-9.
107. Ларичев В. Е. Неолит Дунбэя и его связи с культурами каменного века Северо-Восточной Азии// Археологический сборник I. – Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1959. – С. 33-61.
108. Ларичев В. Е. Неолит Забайкалья//Материалы по древней истории Сибири. – Улан-Удэ: б. и., 1964. - С. 173-181.
109. Ларичев В. Е. Бронзовый век Прибайкалья//Материалы по древней истории Сибири. – Улан-Удэ: б. и., 1964. - С. 315-325.
110. Лапшина З. С. Древности финала плейстоцена-начала голоцена на Амуре// Байкальская Сибирь в древности. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2000. – Вып. 2, Ч.1. – С. 189-202.
111. Лбова Л. В., Хамзина Е. А. Древности Бурятии: Карта археологических памятников. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – 220 с.
112. Лбова Л. В., Жамбалтарова Е. Д., Конев В. П. Погребальные комплексы неолита – раннего бронзового века Забайкалья (формирование архетипов первобытной культуры). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – 248 с.
113. Макаров Н. П. Хронология и периодизация эпохи неолита и бронзы Красноярской лесостепи// Известия лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. – Вып. 1 (3). – С. 149-171.
114. Мамонова Н. Н. Новые находки неолитических черепов в Забайкалье// Записки Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры. – Улан-Удэ: Бурят-Монгольское книжное изд-во, 1957. – XXIII. – С. 118-135.

115. Мамонова Н. Н., Сулержицкий Л. Д. Опыт датирования по С14 погребений Прибайкалья эпохи голоцена// Советская археология. – 1989. – №1. – С. 19-32.
116. Мартынович Н. В. Птицы из погребальных комплексов Забайкалья (могильники Бухусан и Фофановский)// Материалы международной научной конференции «Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири». – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2011. - С. 116-122.
117. Медведев В. Е., Цетлин Ю. Б. Техничко-технологический анализ древнейшей керамики Приамурья (13–10 тыс. л.н.) // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск: Изд-во института археологии и этнографии СО РАН, 2013. – № 2. – С. 94–107.
118. Медведев В. Е., Филатова И. В. Керамика эпохи неолита Нижнего Приамурья (орнаментальный аспект). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – 168 с.
119. Медведев Г. И., Михнюк Г. Н., Лежненко И. Л. О номенклатурных обозначениях и морфологии нуклеусов в докерамических комплексах Приангарья// Древняя история народов юга Восточной Сибири. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1974. – Вып. 1. – С. 60-90.
120. Медведев Г. И. К проблеме морфологического анализа каменного инвентаря палеолитических и мезолитических ансамблей Восточной Сибири// Описание и анализ археологических источников. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1981. – С. 16-34.
121. Медведев Г. И., Савельев Н. А., Лежненко И. Л. Моделирование и технологическая классификация резцов и скребков// Описание и анализ археологических источников. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1981. – С.104-115.
122. Мостиц А. П. Археологические находки в окрестностях слободы Усть-Кяхты// Протокол обыкновенного общего собрания ТКОПОИРГО. – 1894. – № 3. – С. 7-18.
123. Мостиц А. П. Следы каменного века в долине р. Селенги// Протоколы общих собраний ТКОПОИРГО. – 1896. – № 1-2. – С. 5-17.

124. Мостиц А. П. Следы доисторического человека в долине р. Чикоя// Протоколы обыкновенных общих собраний ТКОПОИРГО. – 1897. – № 2-3. – С. 5-9.
125. Мыльникова Л. Н. Гончарство неолитических племен Нижнего Амура (по материалам поселения Кондон-Почта). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – 160 с.
126. Мыльникова Л. Н. Методы изучения археологической керамики: учебно-методическое пособие. – Новосибирск: Изд-во НГУ, ИАЭТ СО РАН, 2007. – 82 с.
127. Нехорошев П. Е. К методике изучения нижнепалеолитической техники и технологии расщепления камня// Российская археология. – 1993. – № 3. – С. 100-119.
128. Новиков А. Г., Горюнова О. И. Древнее рыболовство на Байкале (по материалам многослойных поселений периода мезолита - бронзового века)// Известия лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. – Вып. 3. - С. 125-134.
129. Номоконова Т. Ю., Горюнова О. И. Неолитические комплексы многослойного поселения Катунь I (Чивыркуйский залив, оз. Байкал)// Известия лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2004. – Вып. 2. – С. 117-123.
130. Номоконова Т. Ю., Горюнова О. И., Лозей Р. Д., Новиков А. Г., Вебер А. В. Кости животных из ранних комплексов многослойного поселения Саган-Заба II (9120-7880 кал. л.н.) в Прибайкалье: планиграфия, хозяйственная деятельность и сезонность использования стоянки// Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. 44. № 3. – С. 37-46.
131. Окладников А. П. Предварительное сообщение об археологических разведках в окрестностях села Кабанска// Бурятияведческий сборник. – Иркутск: Изд-во Бурят-Монгольской секции ВСОРГО, 1927. - Вып. III-IV. – С. 102-105.

132. Окладников А. П. Следы доисторических культур на севере Селенгинской Даурии// Северная Азия. – 1928, - т. 3. - С. 65.
133. Окладников А. П. Археологические исследования в низовьях реки Селенги// КСИИМК. – Москва-Ленинград: Изд-во АН СССР, 1950а. – Вып. XXXV. – С. 85-90.
134. Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Материалы и исследования по археологии СССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950б. – № 18. – 208 с.
135. Окладников А. П. Археологические исследования в Бурят-Монголии (1947-1950 гг.)// Известия АН СССР. Сер. истории и философии. – М.: 1951. – Т. 8. – № 5. – с. 445.
136. Окладников А. П. Работы Бурят-Монгольской экспедиции в 1947-50 гг. – Л.: КСИИМК, 1952. – Вып. 45. – С. 21-22.
137. Окладников А. П. Триподы за Байкалом// Советская археология. – 1959. – №3. – С. 114-132.
138. Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. III. – Материалы и исследования по археологии СССР. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – № 43. – 412 с.
139. Окладников А. П. Шилкинская пещера – памятник древней культуры Верхнего Амура. Материалы и исследования по археологии СССР. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – № 86. – С. 9-71.
140. Окладников А. П., Деревянко А. П. Тамцак-Булак – неолитическая культура Центральной Азии// Материалы по истории и филологии Центральной Азии 5. – Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1970. – С. 3-20.
141. Окладников А. П. Многослойное поселение Санний мыс на р. Уде, в 35 км ниже Хоринска, Бурятской АССР (раскопки 1968 г.) // Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции. – Новосибирск: Наука, 1971. – Вып. 2 – 15 с.
142. Окладников А. П. Древнее Забайкалье// Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1975. – Ч. 2. – с. 148.

143. Окладников А. П., Деревянко А. П. Громатухинская культура. – Новосибирск: Наука, 1977. – 288 с.
144. Окладников А. П., Дорж Д. Памятники каменного века на юге МНР (по работам 1971-1972 гг.)// Археологический судлал. – Улаанбаатар: Изд-во АН МНР, 1977. – С. 3-13.
145. Окладников А. П., Кириллов И. И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. – Новосибирск: Наука, 1980. – 176 с.
146. Ошибкина С. В. Понятие о неолите// Неолит Северной Евразии. – М.: Наука, 1996. – С. 6-9.
147. Павленок Г. Д. Микропластинчатое расщепление в пред- и раннеголоценовых индустриях Западного Забайкалья (по материалам стоянки Усть-Кяхта-3)// В сборнике: Труды IV (XX) всероссийского археологического съезда в Казани. Ответственные редакторы: А.Г. Ситдилов, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. – Казань: Изд-во «Отечество», 2014. – С. 109-113.
148. Павленок Г. Д. Технология обработки камня в селенгинской культуре Западного Забайкалья (по материалам стоянки Усть-Кяхта 3)// Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. – Новосибирск, 2015.
149. Петри Б. Э. Далекое прошлое Бурятского края. – Иркутск: б/и, 1922. – 42 с.
150. Петри Б. Э. Далекое прошлое Прибайкалья. – Иркутск: б/и, 1928. – 73 с.
151. Подгорбунский В. И. К вопросу об изучении стоянок Торской и Тункинской котловины. – Иркутск: б/и, 1923. – 13 с.
152. Поляков И. С. Отчет о поездке в Восточный Саян// Отчет о действиях СОИРГО за 1868 г. – СПб.: б. и., 1869. – С. 109-198.
153. Попов В. В. П. С. Михно как краевед// Бурятияведение. – Верхнеудинск: б. и., 1927. – № 3-4. - С. 59-63.
154. Протокол обыкновенного общего собрания ТКОПОИРГО. – Троицкосавск: б/и, 1894. – № 3.

155. Птицын В. В. Следы доисторического человека в долине р. Селенги в Забайкалье. – СПб: Типография Императорской Академии наук, 1890. – 7 с.
156. Разгильдеева И. И., Решетова С. А., Попов В. Б. Новые данные исследований поселения Студеное-1 (к вопросу о возрасте культурных горизонтов)// Проблемы биологической и культурной адаптации человеческих популяций. Археология. Адаптационные стратегии древнего населения Северной Евразии: сырьё и приёмы обработки. – СПб.: Наука, 2008. – Т. 1. – С. 23-36.
157. Разгильдеева И. И., Куникита Д., Яншина О. В., 2013 Новые данные о возрасте древнейших керамических комплексов Западного Забайкалья// Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. – № 2. – С. 168-178.
158. Решетова С. А., Безрукова Е. В. Динамика растительности и климата в позднеледниковье и голоцене: региональные корреляции// Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2016. – № 5. – С. 70-76.
159. Родникова Е. А., Селин В. В. Усть-Менза 5: погребение бронзового века// Тезисы докладов Всесоюзной конференции «Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири». – Улан-Удэ: Изд-во БФ СО АН СССР, 1986. – Ч.2. – С. 74-75.
160. Рыгдылон Э. Р. Неолитические находки на Нижне-Березовской стоянке// Советская археология. – М.: 1950. – № 12. – С. 288.
161. Савельев Н. А. Неолит юга Средней Сибири (история основных идей и современное состояние проблемы): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1989. – 26 с.
- 162.
163. Савельев Н. А., Горюнова О. И., Генералов А. Г. Раскопки многослойной стоянки Горелый лес (предварительное сообщение)// Древняя история

- народов юга Восточной Сибири. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1974. – Вып. 1. – С. 160-199.
164. Савельев Н. А., Тетенькин А. В., Игумнова Е. С., Абдулов Т. А., Инешин Е. М., Осадчий С. С., Ветров В. М., Клементьев А. М., Мамонтов М. П., Орлова Л. А., Шибанова И. В. Многослойный геоархеологический объект Усть-Хайта – предварительные данные// Современные проблемы евразийского палеолитоведения. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – С. 338-352.
165. Свинин В. В. Археологические памятники Байкала и их исследователи// Древности Байкала. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1992. – С. 111-133.
166. Семина Л. В. Керамика эпохи неолита и бронзы Юго-Западного Забайкалья// Древнее Забайкалье и его культурные связи. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 104-122.
167. Сергеева Н. Ф. Древнейшая металлургия меди юга Восточной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1981. – 151 с.
168. Сирина А. А. Забытые страницы сибирской этнографии: Б. Э. Петри// Репрессированные этнографы. – М.: Восточная литература, 2002. – Т. 1. – С. 57-80.
169. Сосновский Г. П. Краткий отчет о летней работе археологического отряда Бурят-Монгольской экспедиции АН СССР в 1928 г.// Бурятияведение. – Верхнеудинск: б/и, 1928. – Вып. IV (8). – С. 162-166.
170. Сосновский Г. П. Следы пребывания палеолитического человека в Забайкалье// Труды Комиссии по изучению четвертичного периода при Академии наук. – 1933. – № 3, Вып. 1. – С. 23-40.
171. Сосновский Г. П. Древнейшие следы скотоводства в Прибайкалье// Известия ГАИМК. – Л.: Изд-во ГИАМК, 1933. – Вып. 100. – С. 210-222.
172. Талько-Грынцевич Ю. Д. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья// Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. – 1901. – Т. 4. – Вып. 2. – С. 32-59.

173. Талько-Грынцевич Ю. Д. Население древних могил и кладбищ забайкальских// Бурятияведение. – Верхнеудинск: б/и, 1928. – № 1–3. – С. 91-104.
174. Ташак В. И. Клиновидные нуклеусы Западного Забайкалья в позднем палеолите и мезолите// Каменный век Южной Сибири и Монголии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – С. 59-73.
175. Ташак В. И. Палеолитические и мезолитические памятники Усть-Кяхты. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. – 130 с.
176. Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества, 1899. – 1900. – Т. 2. – Вып. 1-2. – 130 с.
177. Тюменцев Н. В. Письма И. Д. Черского к Н. И. Витковскому (1881 г.)// И.Д. Черский. Неопубликованные статьи, письма и дневники. Статьи о И. Д. Черском и А. И. Черском. – Иркутск: Иркутское книжное изд-во, 1956. – С. 166-179.
178. Хамзина Е. А. Неолитическое погребение с Новой Шишковки// Археологический сборник. – Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1959. – Вып. I. – С. 127-128.
179. Хамзина Е. А. Ранние погребения в Онкулях (долина р. Баргузина)// Этнографический сборник. – Улан-Удэ: Изд-во БФ СО АН СССР, 1974. – Вып. 6. – С. 127-130.
180. Харинский А. В., Емельянова Ю. А., Рыков Г. К. Северо-западное побережье озера Байкал в бронзовом веке: по материалам стоянок // Известия лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2009. – Вып. 7. – С. 126.
181. Хороших П. П. Доисторический человек на Байкале. – Иркутск: Изд-во «Власть труда», 1928. – Вып. 1. – 15 с.
182. Хлобыстин Л. П. К истории нерпичьего промысла на Байкале// Советская археология. – 1963. – № 1. – С. 17.

183. Цетлин Ю. Б., Рыкунов А. Н. Методология науки и археологическое источниковедение// Вестник Рыбинской государственной авиационной технологической академии им. П.А. Соловьева. – Рыбинск: Изд-во РГАТА, 2012. – № 2 (21). – С. 249-257.
184. Цыбиктаров А. Д. Центральная Азия на заре бронзового века (конец III первая половина II тыс. до н.э.). – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2006. – 236 с.
185. Цыденова Л. Б., Батоцыренов Э. А., Тулохонов А. К. К 125-летию Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского географического общества// Труды Бурятского республиканского отделения РГО. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2019. – С. 121-130.
186. Цыденова Н. В., Хамзина Е. А. Керамические материалы Посольской стоянки: корреляции и варианты интерпретации// Известия лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2006. - С. 323-332.
187. Цыденова Н. В. Новые археологические объекты долины р. Кодун// Тезисы международной научной конференции «Мир Центральной Азии». – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2007. – С. 104-105.
188. Цыденова Н. В. Поселение неолита – средневековья Муханские озера (Западное Забайкалье)// Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2009. – Т. 8, Вып. 4: Археология и этнография. – С. 123 – 131.
189. Цыденова Н. В. Нуклеусы ранне-неолитического горизонта стоянки красная горка (Западное Забайкалье)// Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. – СПб–М–Великий Новгород: Изд-во ИИМК РАН, 2011. – Т. I. – С. 203-205.
190. Цыденова Н. В., Тумэн Д., Эрдэнэ М. Древнее поселение Барга элс в Восточной Монголии// Материалы международной научной конференции «Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири». – Улан-Батор: Изд-во Национального университета Монголии, 2012. – Т. I. – С. 121-133

191. Цыденова Н. В., Тумэн Д., Эрдэнэ М., Пьецонка Х., Хензыхенова Ф. И., Лоренц С., Цех В., Андреева Д. Б., Базарова В. Б., Намазалова О. Д. Новый голоценовый объект Тогоотын гол V на Востоке Монголии// Материалы межд. науч. конф. «Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири» («Ancient cultures of Northern China, Mongolia and Baikalian Siberia»). – Пекин: Изд-во Наука (科学kēxué), 2015. – Т. I – 2015. – С. 88-105.
192. Шевкомуд И. Я., Яншина О. В. Начало неолита в Приамурье: поселение Гончарка-1. – СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 2012. – 270 с.
193. Яншина О. В. Проблема выделения бронзового века в Приморье. – СПб: Изд-во МАЭ РАН, 2004. – 211 с.
194. Яншина О. В. О возрасте древнейшей керамики Южного Китая// Кунсткамера. – СПб: Изд-во МАЭ РАН, 2019. – № 3 (5). – С. 142-163.
195. Ярославцева Л. Г. Многослойное поселение Мухино// Культуры и памятники эпохи камня и раннего металла Забайкалья. – Новосибирск: Изд-во Наука, 1993. – С. 128-138.
196. Ярославцева Л. Г. Геоморфология и стратиграфия поселения Мухино// Тезисы докладов межд. науч. конф. «100 лет гуннской археологии. Номадизм прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен». – Улан-Удэ: Изд-во «Олзон» при БНЦ СО РАН, 1996. – Ч. II. – С. 13-16.

Литература на иностранных языках:

197. Bazarova V. B., Tsydenova N. V., Lyashevskaya M. S., Khenzykhenova F. I., Tumen D., Erdene M. Reconstruction of paleoenvironmental conditions of ancient people habitation in the Togootyn gol river valley (Eastern Mongolia)// Quaternary International. – 2019. - Vol. 503, Part A. - Pp. 105-114.
198. Boaretto E., Wu X., Yuan J., Bar-Yosef O., Chu V., Pan Y., Liu K., Cohen D., Jiao T., Li S., Gu H., Goldberg P., Weiner S. 2009. Radiocarbon dating of

- charcoal and bone collagen associated with early pottery at Yuchanyan Cave, Hunan Province, China// PNAS. – 2009. – Vol. 106. – № 24. – P. 9595-9600.
199. Bezrukova E. V. Vegetation and climate history in the Lake Baikal area since the Late Glacial// Материалы международной научной конференции «Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири». – Улан-Батор: Национального университета Монголии, 2012. – Т. II. – С. 488-492 (на англ. яз.).
200. Goebel T., Waters M. R., Buvit I., Konstantinov M. V., Konstantinov A. V. Studenoe-1 and the origins of the microblade technologies in Transbaikalia, Siberia// Antiquity 74, 2000. – Vol. 367-75. - Pp. 567-575.
201. Gibbard P. L. The Quaternary Systems/Period and its major subdivisions// Russian Geology and Geophysics, 2015. – Pp. 686-688.
202. Идэрхангай Т., Мижиддорж Э., Оргилбаяр С., Галбадрах Б., Эрдэнэбаатар Д., Онорбаяр Б. Умард Монголоос шинээр илэрсэн шинэ чулуун зэвсгийн үеийн оршуулгын судалгаа// Материалы VII международ. науч. конф. «Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая». – Красноярск: Изд-во СФУ, 2016. – Т. I. – С. 144-158 (на монг. яз.).
203. Идэрхангай Т., Мижиддорж Э., Оргилбаяр С. Умард Монголоос шинээр илэрсэн шинэ чулуун зэвсгийн үеийн оршуулгын судалгаа// Азийн судлал. – Улаанбаатар: Изд-во Улан-Баторского университета, 2017. – С. 144-158 (на монг. яз.).
204. Jordan P., Gibbs K., Hommel P., Piezonka H., Silva F., Steele J. Modeling the Diffusion of Pottery Technologies across Afro-Eurasia: Emerging Insights and Future Research Questions// Antiquity. – 2016. - Vol. 90, Issue 351. – Pp. 590-603.
205. Khenzykhenova F. I. Paleoenvironments of Paleolithic humans in the Baikal region// Quaternary International. – 2008. – Vol. 179. – Pp. 53-57.

206. Hommel P. The Emergence of Ceramics among Hunter-gatherers in Northern Eurasia. The Neolithic Ceramic of the Upper Vitim Basin, Northern Transbaikalia, Siberia// Thesis for PhD. – Sheffield, 2012.
207. Хоммел П., Швенninger Ж.-Л., Инешин Е. М., Ветров В. М. Testing times: an evaluation of the radiocarbon chronology from early ceramic vessel production at Ust'-Karenga (Тестируемые времена: оценка радиоуглеродной хронологии раннего керамического производства на Усть-Каренге)// Известия лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2017. – Том 13, № 1. – С. 31-46 (на англ. яз.).
208. Kunikita D., Wang L., Onuki Sh., Sato H., Matsuzaki H. Radiocarbon dating and dietary reconstruction of the Early Neolithic Houtaomuga and Shuangta sites in the Song-Nen Plain, Northeast China// Quaternary International. – 2017. – Vol. 441, Part B. – P. 62-68.
209. Kuzmin Y. V., Orlova L. A. The Neolithisation of Siberia and the Russian Far East: radiocarbon evidence// Antiquity. – 2000. – Vol. 74. – P. 356-364.
210. Kuzmin Y. V., Keally C. T. Radiocarbon chronology of the earliest Neolithic sites in East Asia// Radiocarbon. – 2001. – Vol. 43. – P. 1121-1128.
211. Kuzmin Y. V. Chronology of the earliest pottery in East Asia: progress and pitfalls// Antiquity. – 2006. – Vol. 80. – P. 362-371.
212. Kuzmin Y.V., Vetrov, V. M. The earliest Neolithic complex in Siberia: the Ust' Karenga 12 site and its significance for the Neolithization process in Eurasia// Documenta Praehistorica XXXIV. – 2007. – P. 9-20.
213. Lee G., Jang S., Go J., Bang M. Distinctive local tradition of plant-tempered Gosan-ri-type pottery on Jeju Island in the Neolithic Korean Peninsula// Quaternary International. – 2019. – Vol. 519. – P. 92-100.
214. Nomokonova T., Losey R.J., Goryunova O. I., Weber A. W. A freshwater old carbon offset in Lake Baikal, Siberia and problems with the radiocarbon dating of archaeological sediments: Evidence from the Sagan-Zaba II site. In: Quaternary International. – 2013. – Vol. 290-291. – P. 110-125.

215. Одсурэн Д., Бухчулуун Д., Яанс Л. Зун Монголын нутагт хийсэн шинэ чулуун зэвсгийн судалгааны зарим ур дун// Археологийн судлал. – Улан-Батор: Изд-во АН Монголии, 2015. – С. 65-88 (на монг. яз.).
216. Sato H., Tsutsumi T. Japanese Microblade Industries: Technology, Raw materials Procurement and Adaptations// Origin and spread of microblade technology in Northern Asia and North America. – Barnaby, Canada, 2007. – Chapter 4. – P. 53-78.
217. Sato H., Izuho M., Morisaki K. Human cultures and environmental changes in the Pleistocene – Holocene transition in the Japanese Archipelago// Quaternary International. – 2011. – P. 93-102.
218. Sato H., Natsuki D. Human behavioral responses to environmental condition and the emergence of the world's oldest pottery in East and Northeast Asia: An overview// Quaternary International. – 2017. – Vol. 441, Part B. – P. 12-28.
219. Seferiades M. L. An aspect of Neolithisation in Mongolia: the Mesolithic-Neolithic site of Tamsagbulag (Dornod district)// Documenta praehistorica XXXI. – 2004. – P. 139-149.
220. Shepard A. O. Ceramic for the archaeologist. – Washington: Carnegie Institution of Washington, 1985. – 414 p.
221. Tsydenova N., Piezonka H. The transition from the Late Paleolithic to the Initial Neolithic in the Baikal region: Technological aspects of the stone industries// Quaternary International. – 2015. – Vol. 355. – P. 101-113.
222. Tsydenova N., Morozov M.V., Rampilova M. V., Vasil'ev Ye. A., Matveeva O. P., Konovalov P. B. Chemical and spectroscopic study of nephrite artifacts from Transbaikalia, Russia: geological sources and possible transportation routes// Quaternary International. – 2015. – Vol. 355. – P. 114-125.
223. Tsydenova N., Andreeva D., Zech W. Early pottery in Transbaikalia Siberia: new data from Krasnaya Gorka// Quaternary International. – 2017. – Vol. 441, Part B. – P. 81-90.
224. Tsydenova N. V. Early pastoralism in the Transbaikalia region// Materials of the international conf. “Ancient cultures of Mongolia, Baikal Siberia and

- Northern China”. – Chanchun: Research center for Chinese frontier archaeology of Jilin University, 2017. – P. 88-92.
225. Tsydenova N., Kunikita D., Sato H., Onuki Sh., Natsuki D., Bazarova V., Lyashevskaya M. Environmental conditions and the emergence of ceramics in the Late Pleistocene-Early Holocene at the Krasnaya Gorka site in the Transbaikal region, Southern Siberia // *Quaternary International*. – 2021 (в печати).
226. Goryunova O. I., Novikov A. G., Weber A. W. Middle Holocene hunter-gatherer mortuary practices in the Little Sea microregion on Lake Baikal, part II: Late Neolithic// *Archaeological research in Asia*. – 2020. – Vol. 24. – P. 1-22.
227. Wu Xiaohong, Zhang Chi, Goldberg Paul, Cohen David, Pan Yan, Arpin Trina and Bar-Yosef Ofer. Early pottery at 20000 years ago in Xianrendong Cave, China// *Science*. – 2012. – Vol. 336. – P. 1696-1700.
228. Yanshina O. V. The earliest pottery of the eastern part of Asia: Similarities and differences// *Quaternary International*. – 2017. – Vol. 441, Part B. – P. 69-80.
229. Yue J.-P., Yang Sh.-X., Hou Y.-M., Potter B.A., Li Y.-Q., Chang Y. Late Pleistocene lithic technology and human adaptation in Northeast China: A case study from Taoshan site// *Quaternary International*. – 2020. – Vol. 535. – P. 48-57.

Литература на кит. и япон. языках (иероглифика):

230. Hag site: Report of the archaeological excavations in 2003 – 2008 (with an English Abstract). – Beijing: Cultural Relics Press, 2010. – 232 p. + ill. (на кит. яз. с аннотацией на англ. яз.).
231. Kanomata Y., Murata H., Umekawa T., Hong H., Yanagida T., Akoshima K., Sizuki M., Inoe I., Hayase R., Ohara K. 九州地方における洞穴遺跡の研究 倶利伽羅第三次発掘報告書 (Study of Cave Sites in Kyushu Region: Report of the Third Term Excavation at the Fukui Cave)// *Bulletin of Tohoku University Museum* №14. – Sendai: Tohoku University, 2015. – 190 p. (на япон. яз.).

232. Odai Yamamoto I Site Excavation Team (Eds Taniguchi). 1999. Odai Yamamoto I Iseki no kokugaku teki chosa (Archaeological research at the Odai Yamamoto I site). Department of Archaeology, Faculty of Letters, Kokugakuin University, Tokyo. – Tokyo: Kokugakuin University, 1999. – 144 p. (на япон. яз.)
233. 大貫静未. ハク文化について—牧民出現以前の内陸アジアの一様相—//ユーラシアの考古学 (Онуки С. О культуре Хаг – Внутренняя Азия до появления кочевников// Археология Евразии). – Токио: Изд-во «Rokuichi Shobo Co. Ltd», 2014. – С. 17-32 (на япон. яз.).
234. 企画展示 ”縄文はうつから!? 1年5千前になんにがおこつたのか” (Special Exhibition “Beginning of the Jomon Culture. What took place in 15000 years ago?”) (Каталог выставки Национального музея истории Японии «Начало Дземон!? Что было 15 тыс. лет назад?»). – Tokyo: National museum of Japanese history, 2009. – 187 p. (на япон. яз.).
235. The Araya site. Report of the second and third term excavations (荒屋遺跡 -第2・3次発掘調査概報 – Araya iseki - dai 2-3-ji hakkutsu chōsa gai-hō). – Sendai: Tohoku University, 1990 (на япон. яз.).
236. The Araya site. Report of the second and third term excavations 1988-1989 (荒屋遺跡 -第2・3次発掘調査概報 – Araya iseki - dai 2-3-ji hakkutsu chōsa gai-hō). – Sendai: Tohoku University, 2003 (на япон. яз.).
237. Xianrendong Cave and Diatong huan/ Peking University Archaeological and Cultural Institute, Jiangxi Provincial Institute of Cultural Relics and Archaeology (仙人洞与吊桶环/北京大学考古文博学院,江西省文物考古研究所编著. – 北京: 文物出版社 – Xiānréndòng yǔ diàotǒng huán/ Běijīng dàxué kǎogǔ wénbó xuéyuàn, Jiāngxī shěng wénwù kǎogǔ yánjiū suǒ biānzhù). – Beijing: Cultural Relics Press, 2014. – 268 p. + ill. (на кит. яз.).
238. Yamada S. A Study of Microblade Assemblages in Hokkaido, Japan (北海道における細石刃石器群の研究 Hokkaidō ni okeru saisekijin sekki-gun no kenkyū). – Tokyo: Rokuichi Shobo Co. Ltd, 2006. – 245 p. (на япон. яз.).

239. Yamahara T. The techno-morphological characteristics of the left-edge gravers with shape trimming at the Late stage of the Late Paleolithic period in Tokachi area, Hokkaido. Offprint, 2004 (на япон.яз.).

Архивные материалы:

240. Архив ЛОИА, фонд Г.П. Сосновского 42, № 164, С. 4.
241. Архив ЛОИА, фонд Г.П. Сосновского, 42, № 297, С. 13.
242. Асеев И. В. Разведочные работы в зоне строительства оросительных систем Курумканская, Верхнеичетуйская и Нижнеичетуйская в 1979 г. – Улан-Удэ, 1980. – Фонды ИМБТ СО РАН.
243. Боковенко Н. А. Отчет об археологических разведках в зоне проектирования Курумканской осушительно-оросительной системы. – Москва, 1978. – Архив ИА РАН, Р.1, №7281.
244. Веселов И. И. Археология на Байкале. – Рукопись, 1925. – Библиотека ИОКМ.
245. Коновалов П. Б. Отчет о раскопках неолитической стоянки Мухино. – Улан-Удэ, 1962. – Рукописный отдел БНЦ СО РАН, № 3303.
246. Коновалов П. Б., Свинин В. В., Хамзина Е. А., Хлобыстин Л. П. Отчет об археологических исследованиях на Байкале в 1963–1964 гг. (Копия хранится в Институте общественных наук БФ СО АН СССР – ныне ИМБТ СО РАН).
247. Коновалов П. Б. Отчет о проведении археологических раскопок на стоянке Ярцы Байкальские в 1964 г. – Улан-Удэ: 1965. – Фонды ИМБТ СО РАН.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН МНР - Академия наук Монгольской Народной Республики

АН СССР - Академия наук СССР

АРВМ КНР - Автономный район Внутренняя Монголия КНР

БГУ - Бурятский государственный университет

БГПИ – Бурятский государственный педагогический университет

БИОН БФ СО АН СССР - Бурятский Институт общественных наук Бурятского филиала Сибирского отделения АН СССР

БКНИИ - Бурятский комплексный научно-исследовательский институт

БМАССР - Бурят-Монгольская Автономная Советская Социалистическая Республика

БМАЭ - Бурят-Монгольская археологическая экспедиция

БМНИИИК - Бурят-Монгольский научно-исследовательский институт истории и культуры

БМНИИИКЭ - Бурят-Монгольский научно-исследовательский институт истории, культуры и экономики

БНЦ СО РАН - Бурятский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук

БФ СО АН СССР - Бурятский филиал Сибирского отделения Академии наук СССР

Буручком – Бурятский ученый комитет

ВСОИРГО - Восточно-Сибирский отдел Императорского Российского географического общества

Зап. БМГИЯЛИ - Записки Бурят-Монгольского государственного института языка, литературы, истории

Зап. ВСОИРГО - Записки Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества

ЗабГУ – Забайкальский государственный университет

ИАЭТ СО РАН - Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук

ИГПИ - Иркутский государственный педагогический институт
ИрГТУ - Иркутский государственный технический университет
ИГУ - Иркутский государственный университет
ИИМК РАН - Институт истории материальной культуры Российской академии
Наук
ИМБТ СО РАН - Институт монголоведения, будцологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук
ИОКМ – Иркутский областной краеведческий музей
КСИИМК - Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛГУ - Ленинградский государственный университет
ЛОИА - Ленинградское отделение Института археологии
МАЭ АН СССР - Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого
(Кунсткамера)
МИА СССР - Материалы и исследования по археологии СССР
НГУ - Новосибирский государственный университет
РАЭСК - Региональная археолого-этнографическая студенческая
конференция
РГО - Русское географическое общество
СА - Советская археология
СО РАН - Сибирское отделение Российской академии наук
СОИРГО – Сибирский отдел Императорского Русского географического
общества
ТКОПОИРГО - Троицкосавско-Кяхтинское отделение Приамурского отдела
Императорского Русского географического общества
ТОИПК ГЭ - Труды Отдела истории первобытной культуры
(Государственный Эрмитаж)
ТГУ – Томский государственный университет
ЧГПИ им. Н. Г. Чернышевского - Читинский государственный педагогический
институт им. Н. Г. Чернышевского

Приложения

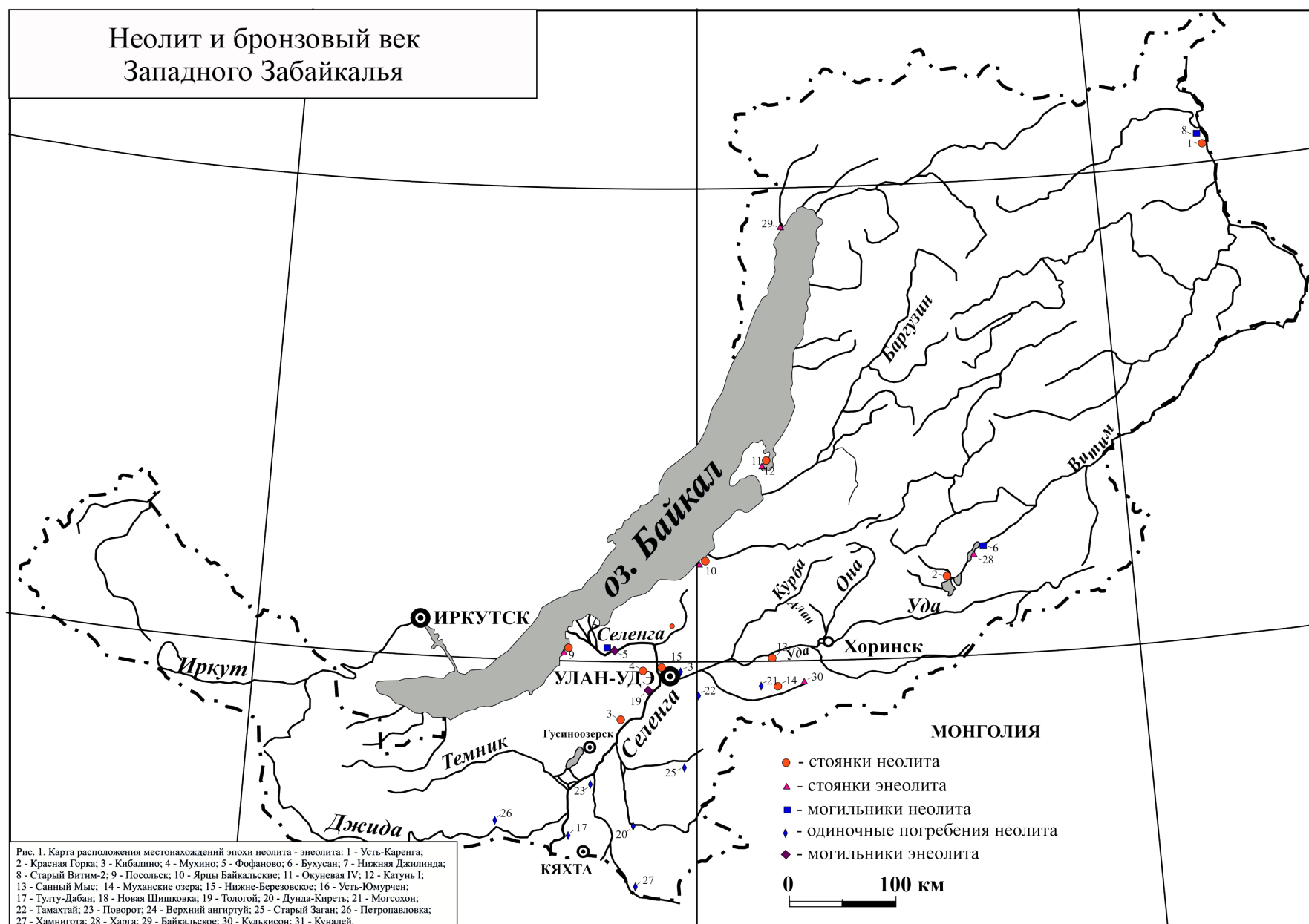

Рис. 1. Карта распространения археологических памятников неолита - бронзового века в Западном Забайкалье.

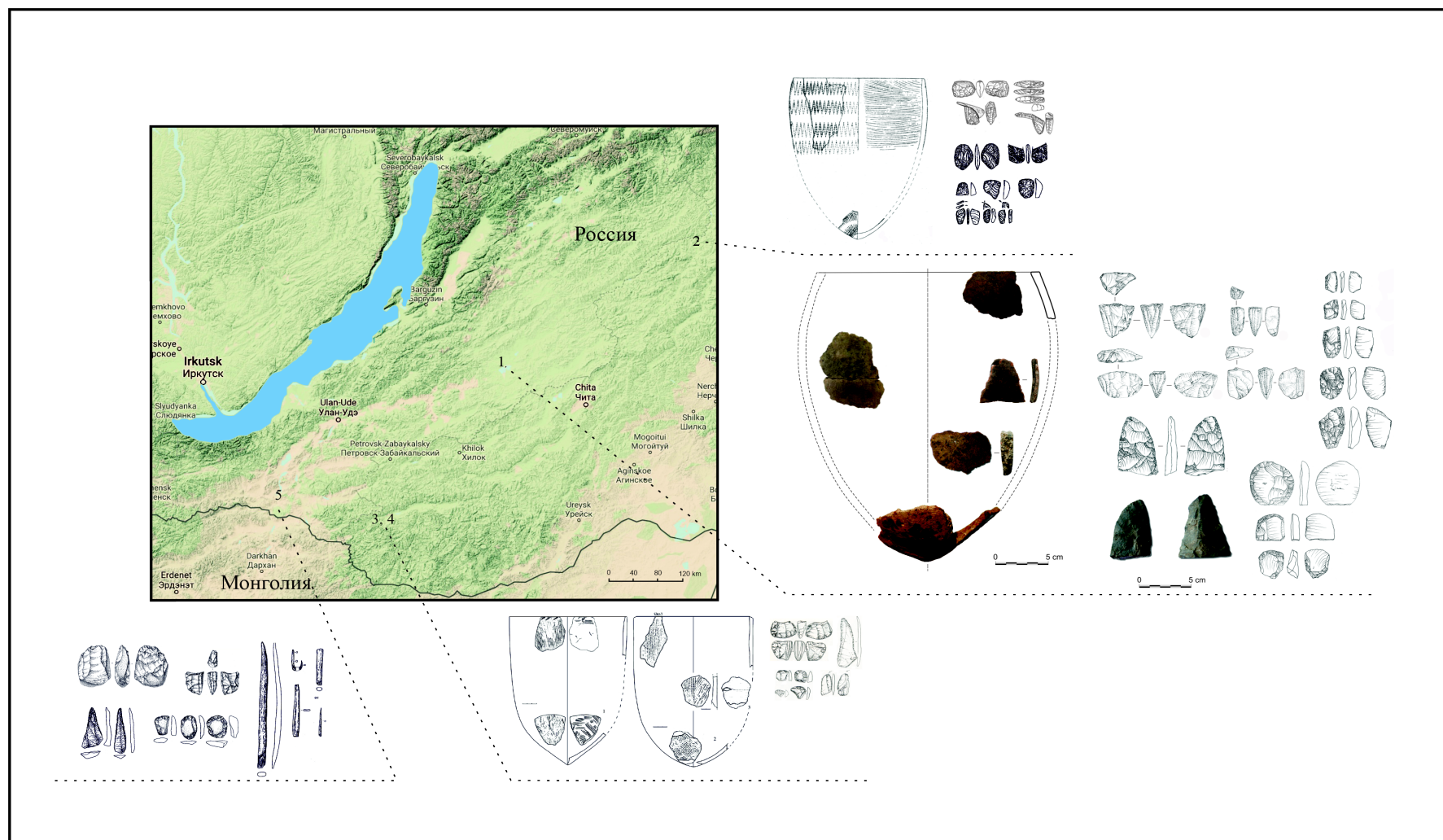

Рис. 2. Карта расположения памятников с ранней керамикой в Забайкалье:
 1 - Красная Горка; 2 - Усть-Каренга; 3, 4 - Студеное 1, Усть-Менза 1;
 5 - Усть-Кяхта 3.

Рис. 3. Красная Горка. Общий вид с восточной стороны.

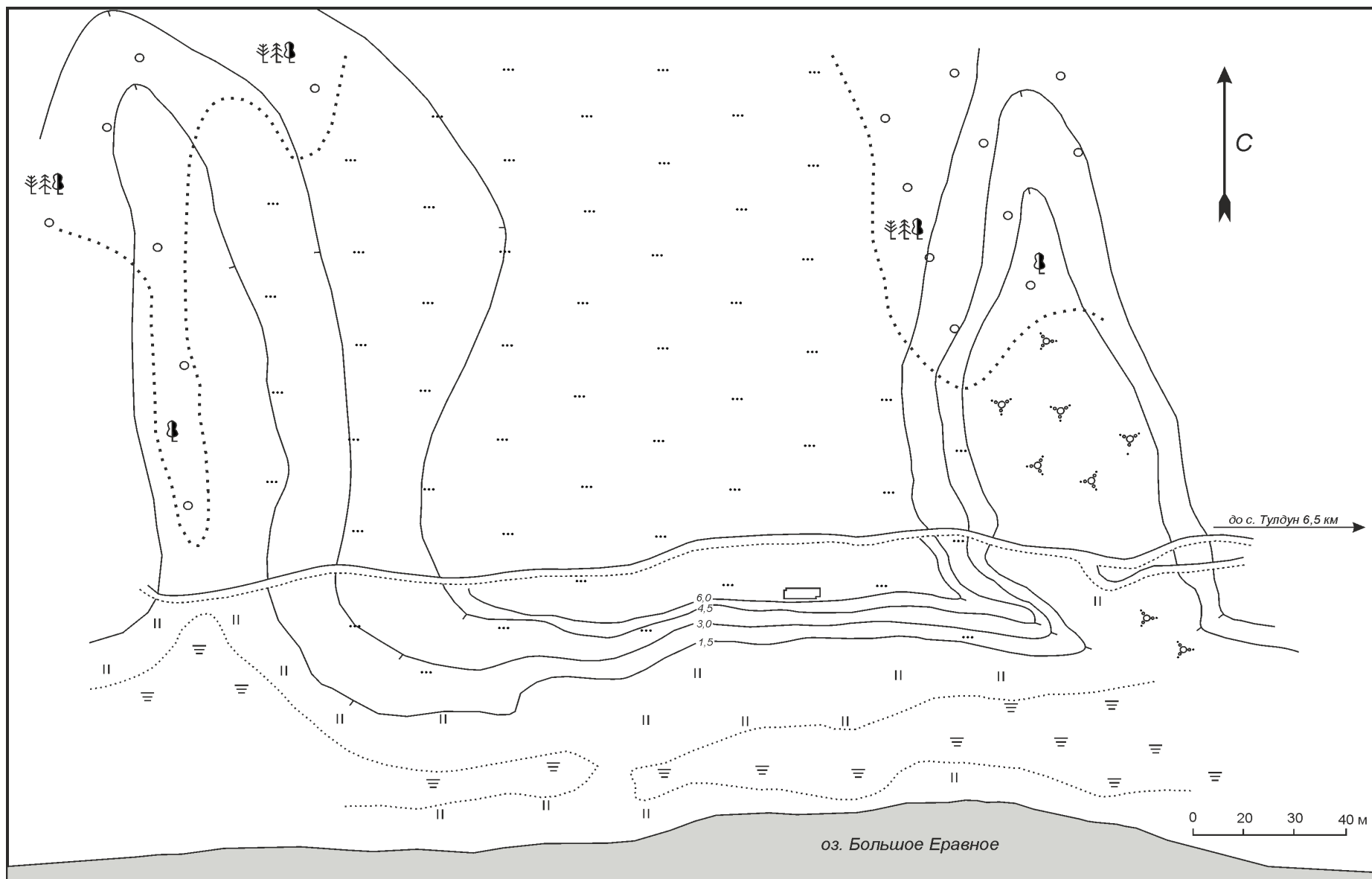

Рис. 4. Красная Горка, план стоянки.

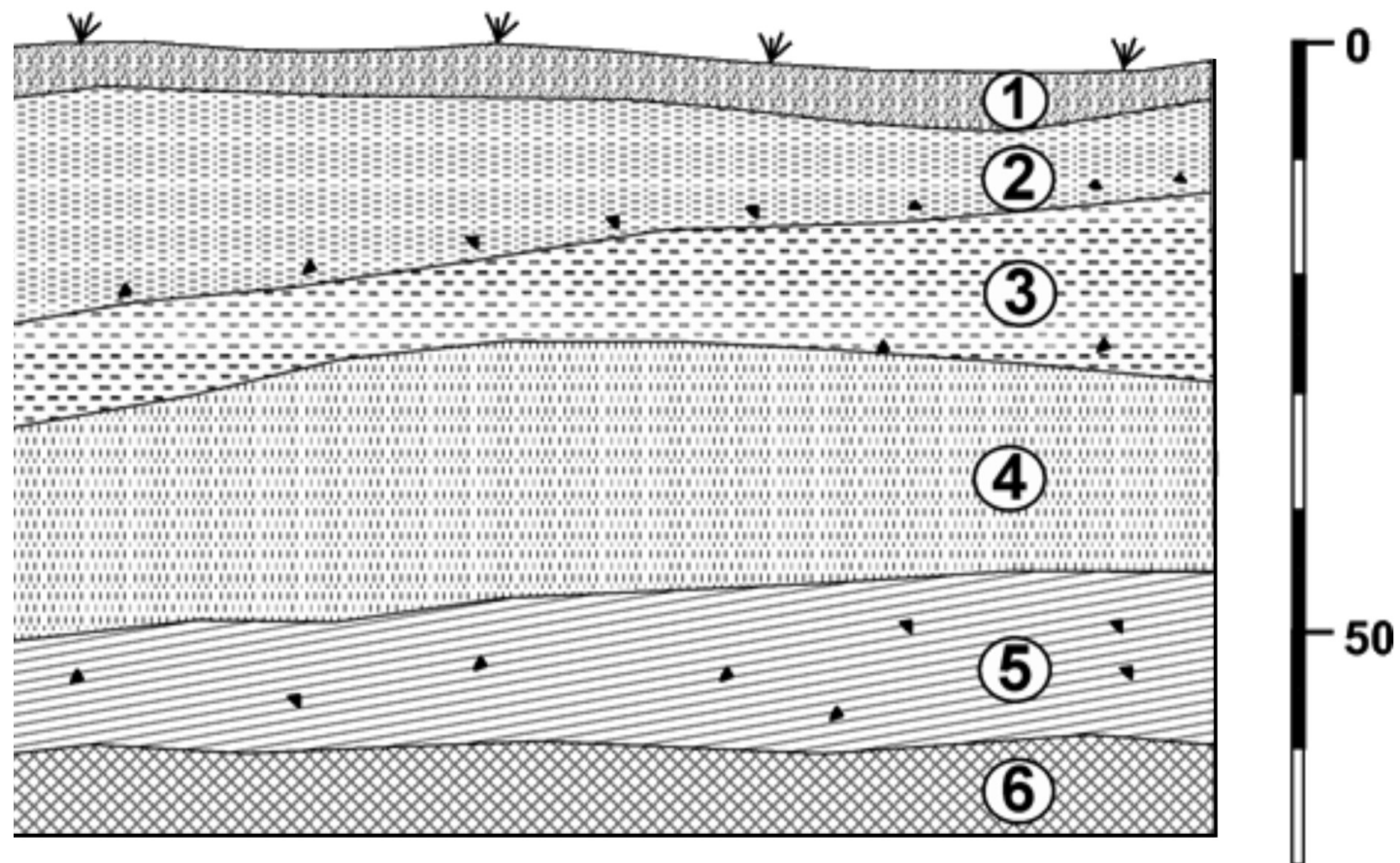

Рис. 5. Красная Горка, стратиграфия.

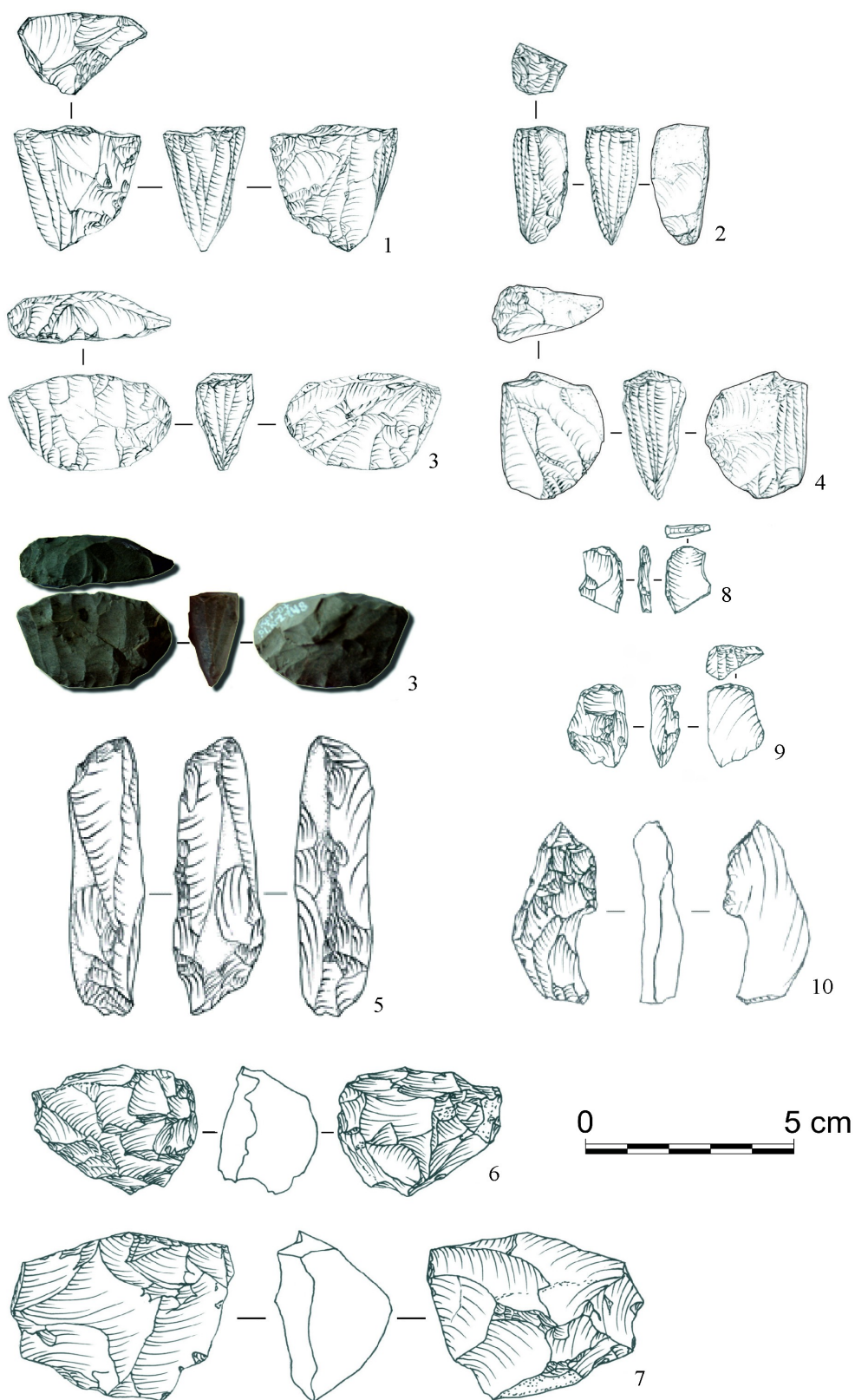

Рис. 6. Красная Горка, слой 2: 1-4 - торцовые клиновидные микронуклеусы; 5 - призматический нуклеус; 6-7 - преформы; 8-10 - сколы подживления ударной площадки.

Рис. 7. Красная Горка, слой 2: 1-7 - торцовые клиновидные микронуклеусы.

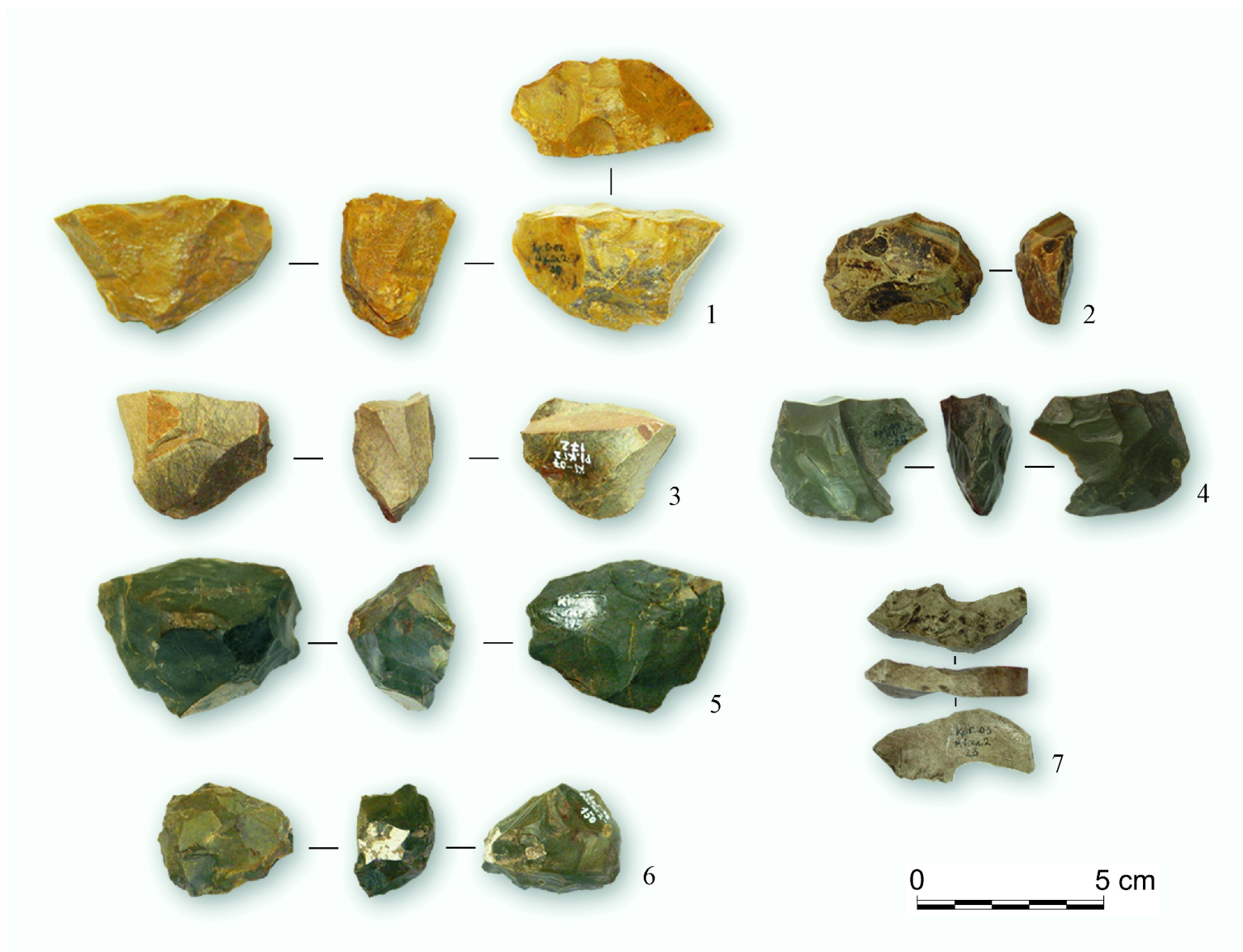

Рис. 8. Красная Горка, слой 2: 1-6 - преформы: 7 - скол подживления ударной площадки.

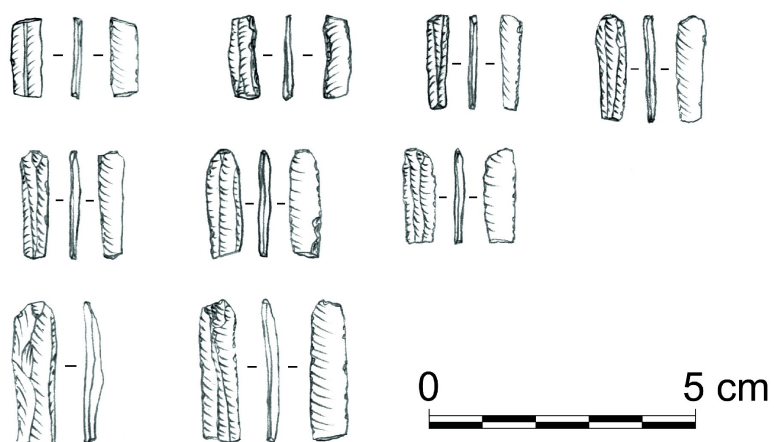

Рис. 9. Красная Горка, слой 2: микропластины.

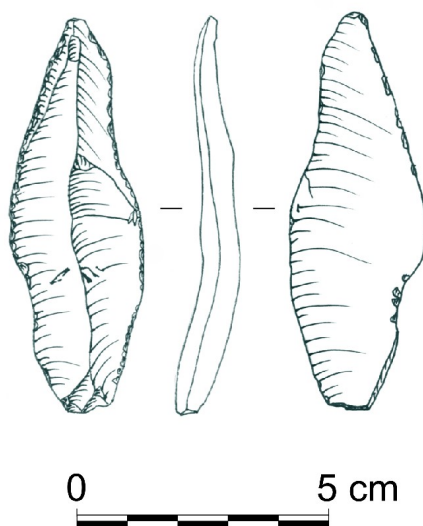

Рис. 10. Красная Горка, слой 2: пластина.

Рис. 11. Красная Горка, слой 2: 1-5 - трансверсальные резцы.

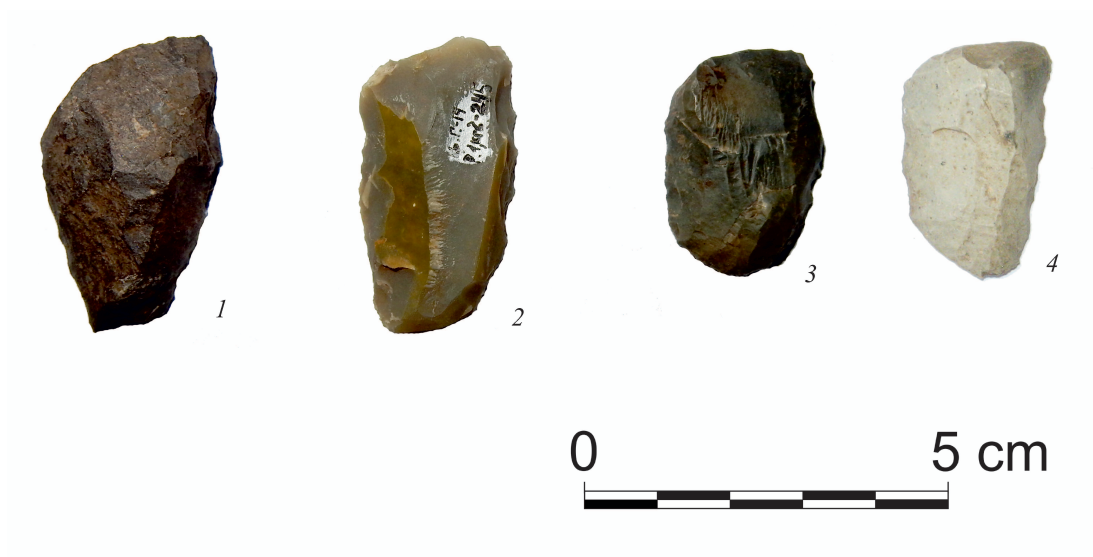

Рис. 12. Красная Горка, слой 2: 1-4 - трансверсальные резцы.

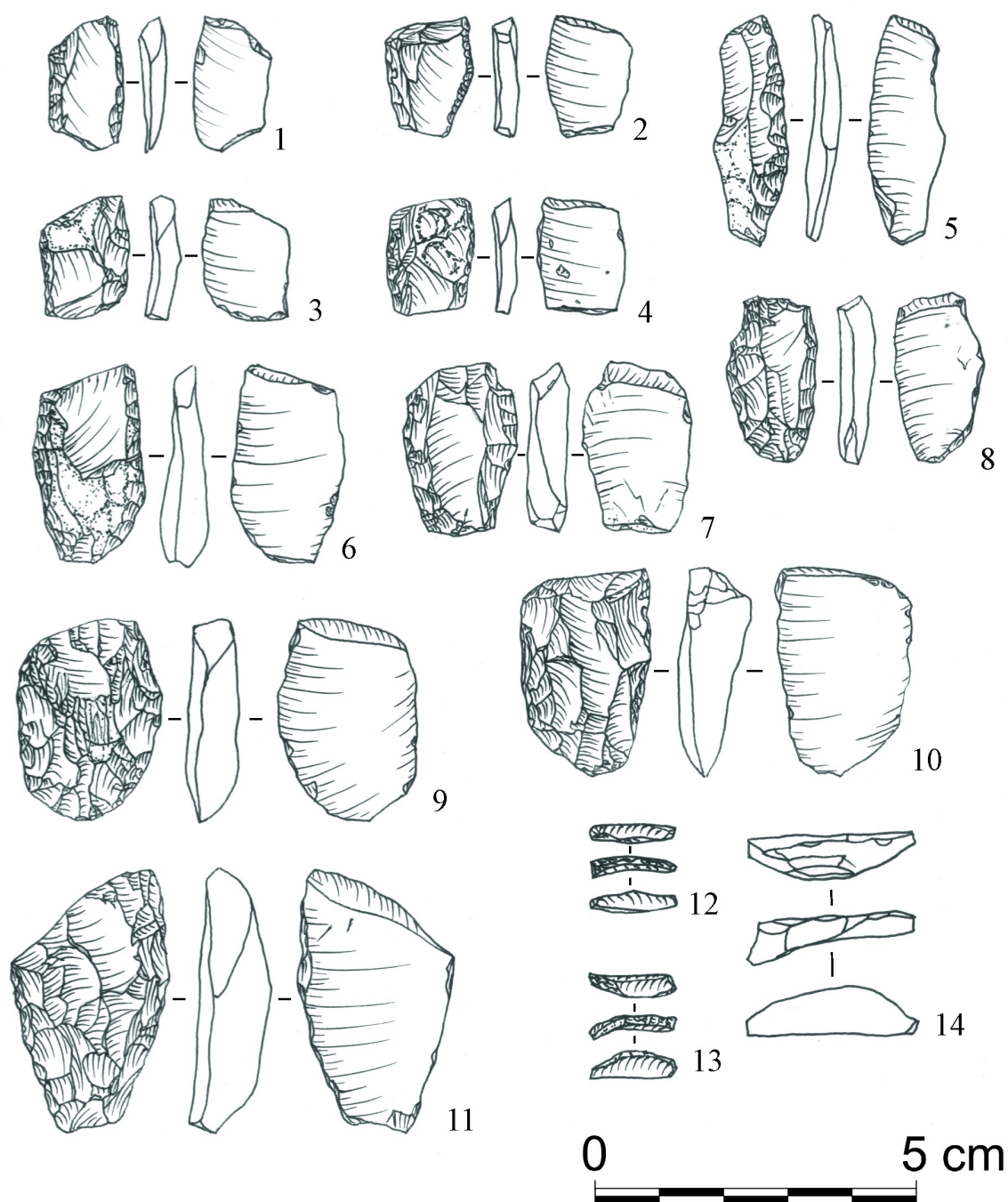

Рис. 13. Красная Горка, слой 2: 1-11 - трансверсальные резцы;
12-14 - резцовые сколы.

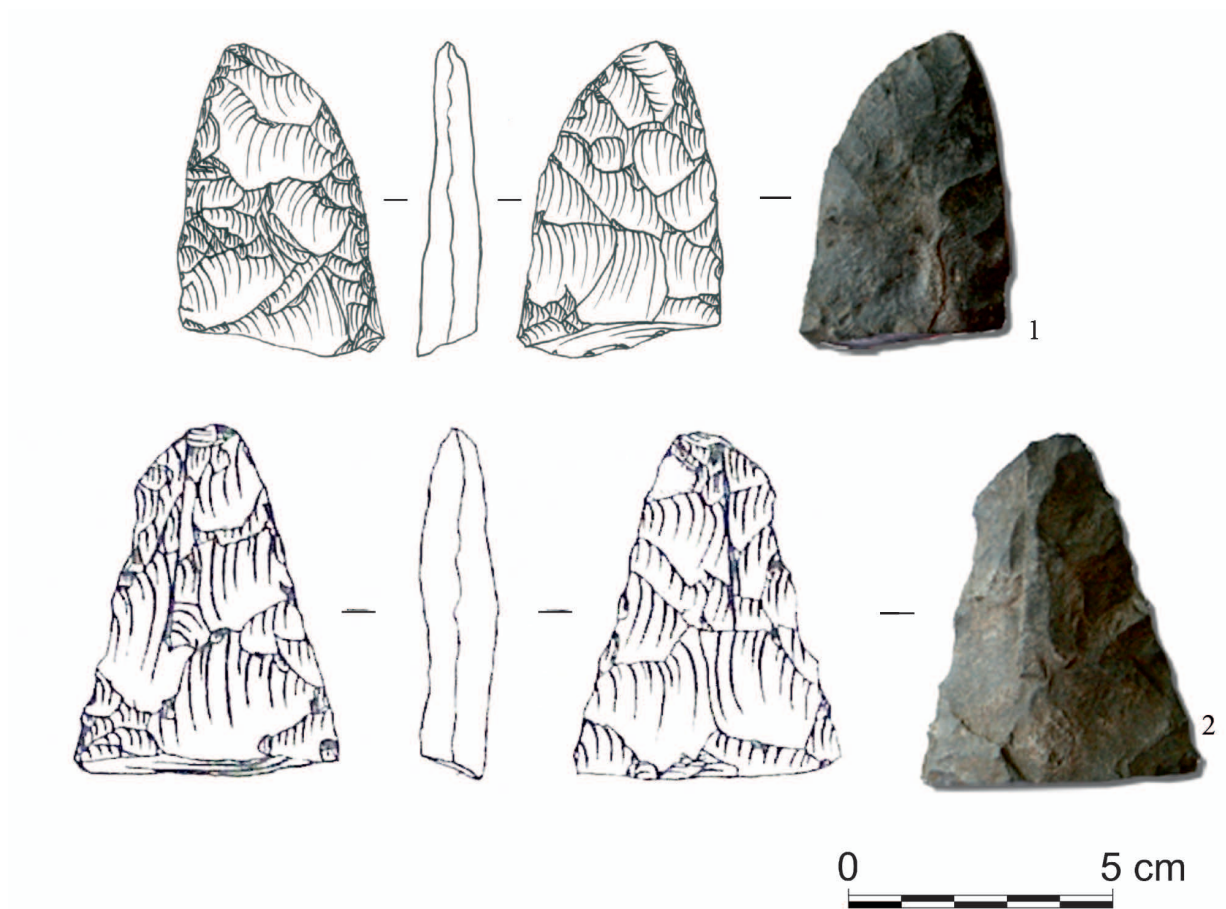

Рис.14. Красная Горка, слой 2: бифасы.

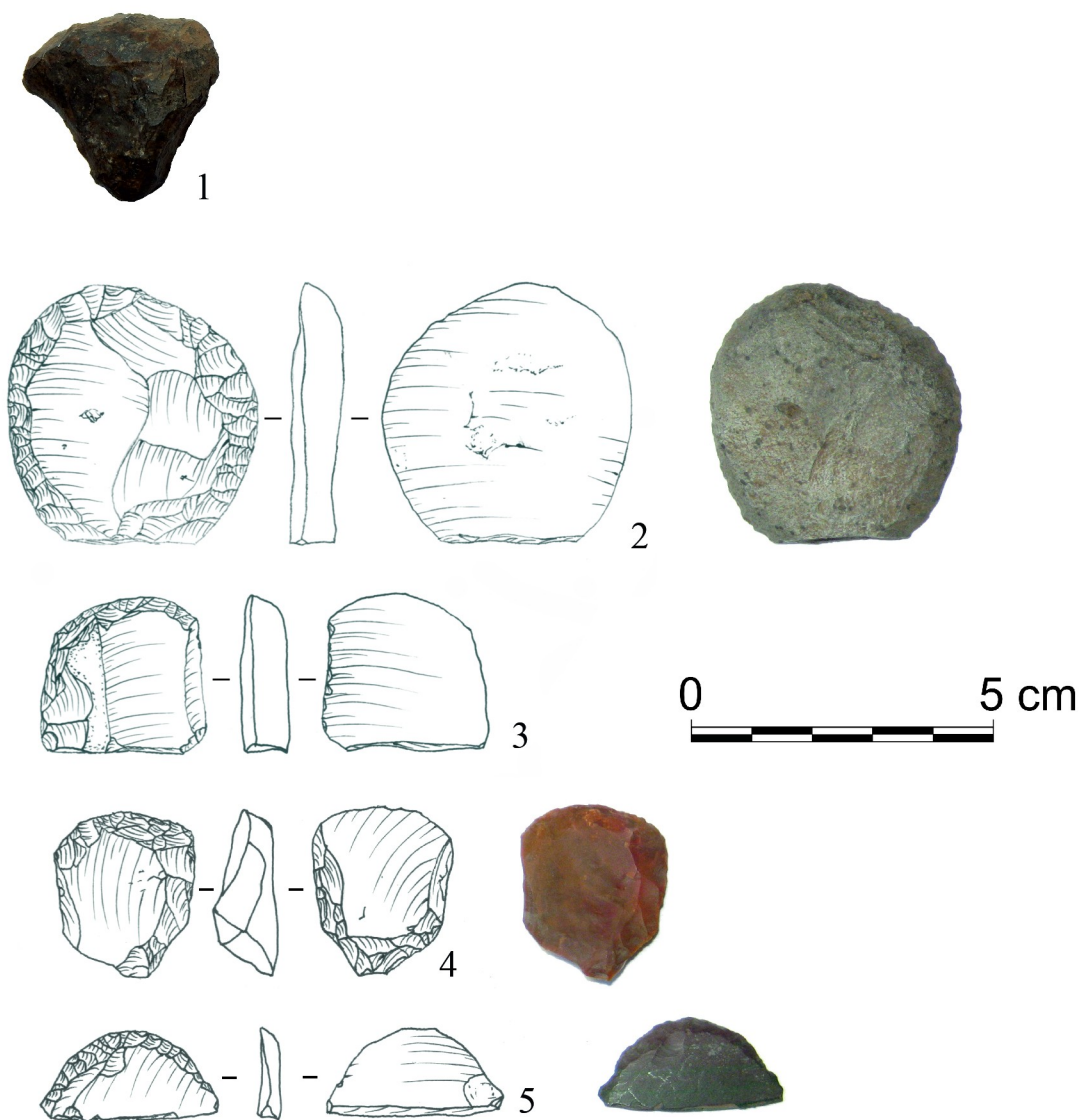

Рис. 15. Красная Горка, слой 2: 1-5 - скребки.

Рис. 16. Красная Горка, слой 2: 1-7 - фрагменты керамики.

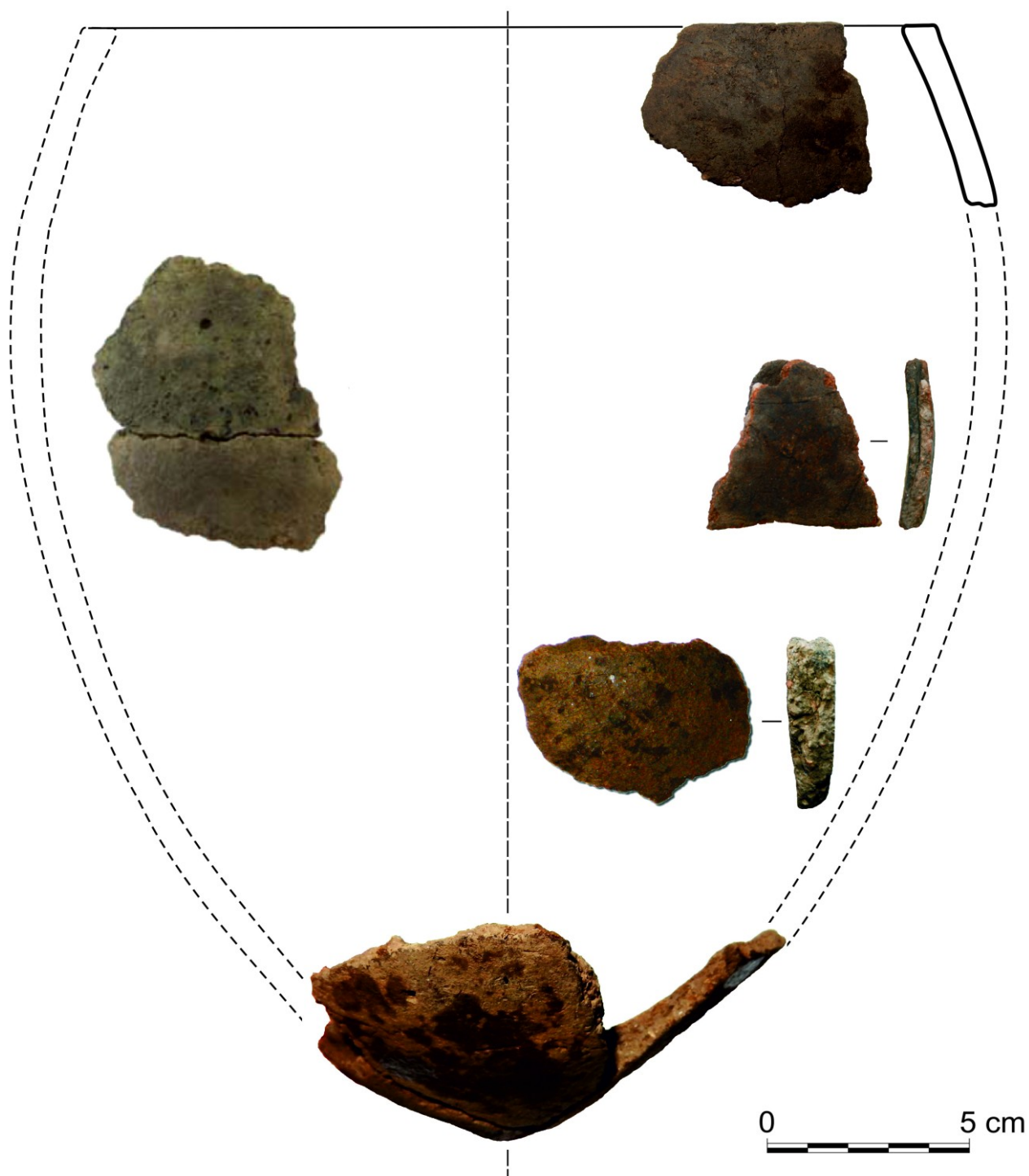

Рис. 17. Красная Горка, слой 2: реконструкция сосуда.

Рис. 18. Ярцы Байкальские. Общий вид с северо-запада.

Рис. 19. Ярцы Байкальские. План памятника.

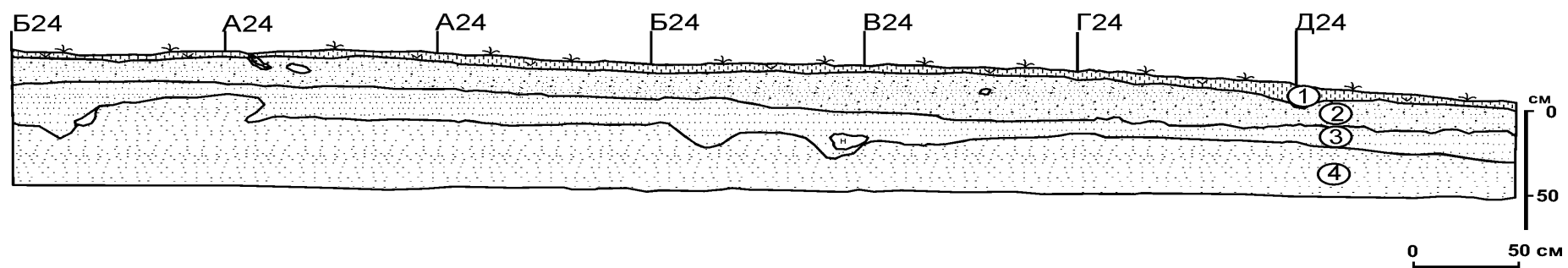

Рис. 20. Ярцы Байкальские, юго-восточный комплекс, стратиграфия.

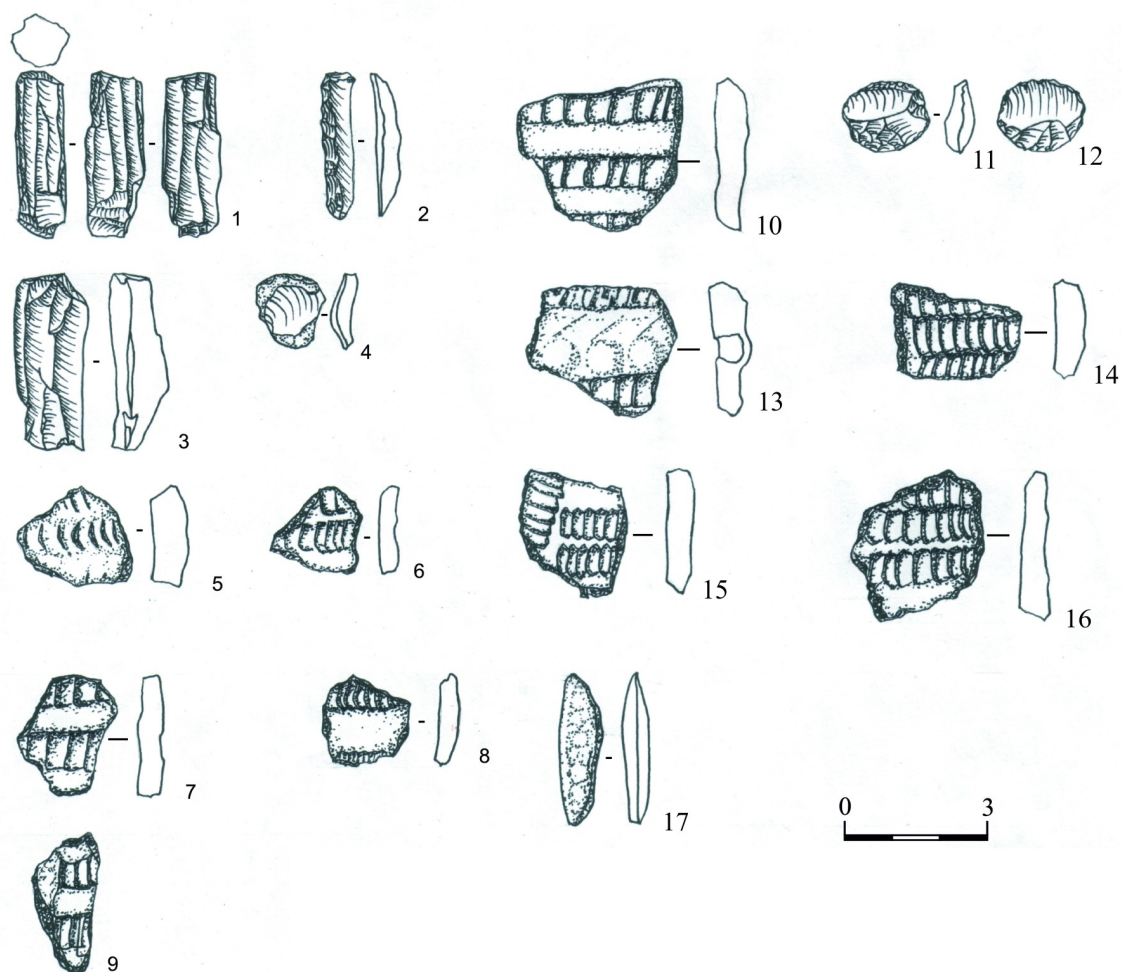

Рис. 21. Ярцы Байкальские, юго-восточный комплекс, слой 1:

1,3 - микропризматические нуклеусы; 2 - краевой скол;

4,11,12 - микроскребки; 5-10, 13-16 - фрагменты керамики;

17 - фрагмент бронзового изделия.

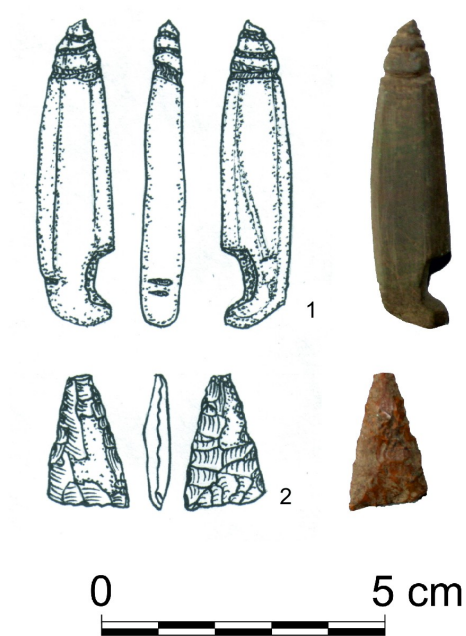

Рис. 22. Ярцы Байкальские, слой 1: 1 - каменный стерженек рыболовного крючка "байкальского" типа; 2 - наконечник стрелы.

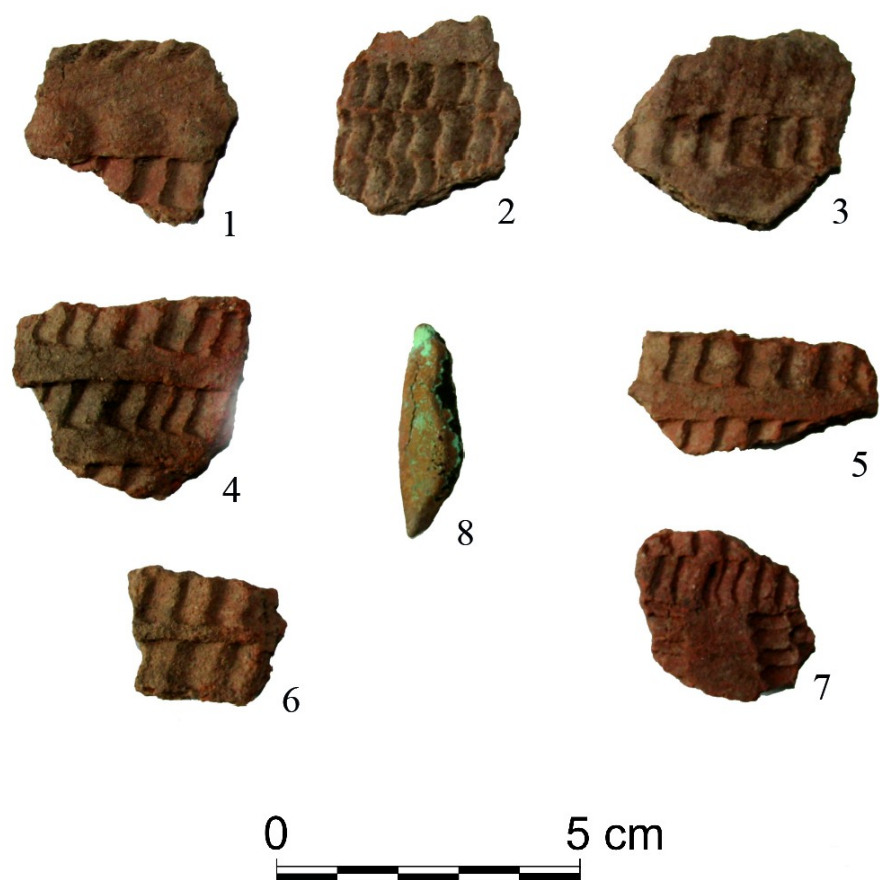

Рис. 23. Ярцы Байкальские, слой 1: 1-7 - фрагменты керамики;
8 - фрагмент бронзового изделия.

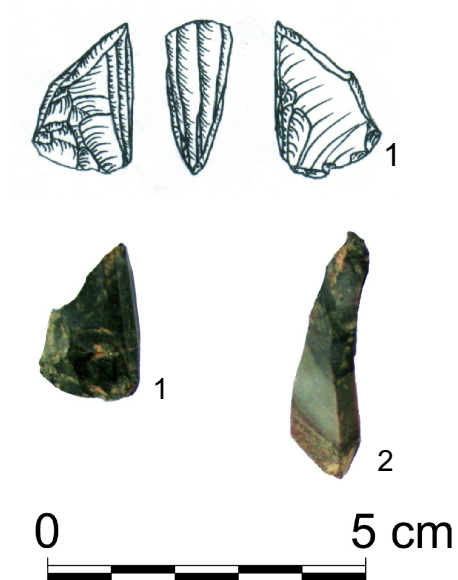

Рис. 24. Ярцы Байкальские, юго-восточный комплекс, слой 2:
1 - торцовый клиновидный нуклеус; 2 - краевой скол.

Рис. 25. Ярцы Байкальские, юго-восточный комплекс, слой 2:
1-4 - трансверсальные резцы.

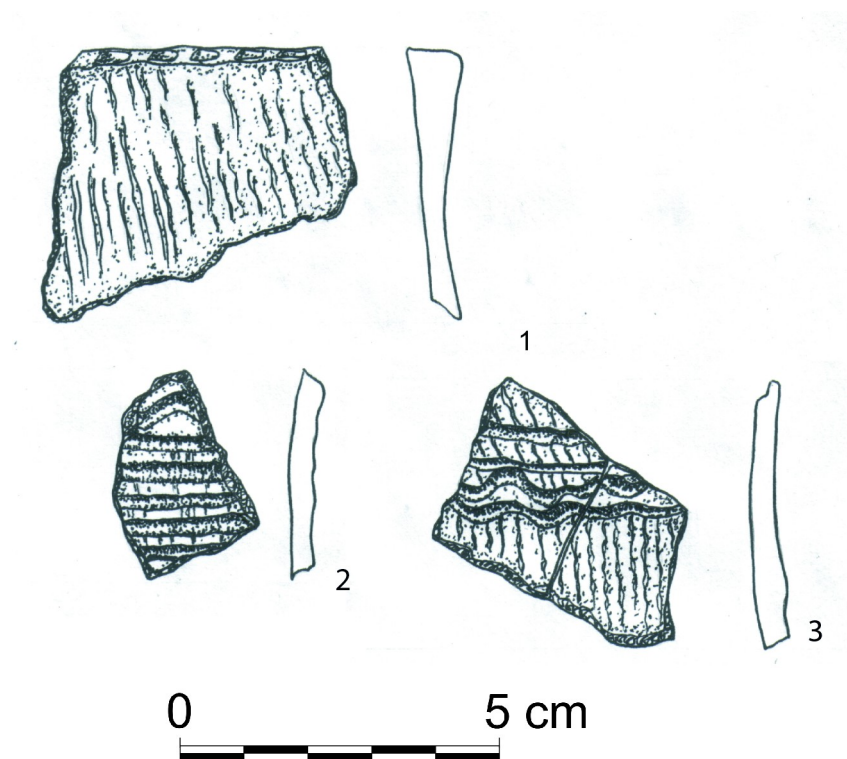

Рис. 26. Ярцы Байкальские, юго-восточный комплекс, слой 2:
1-3 - фрагменты сосуда.

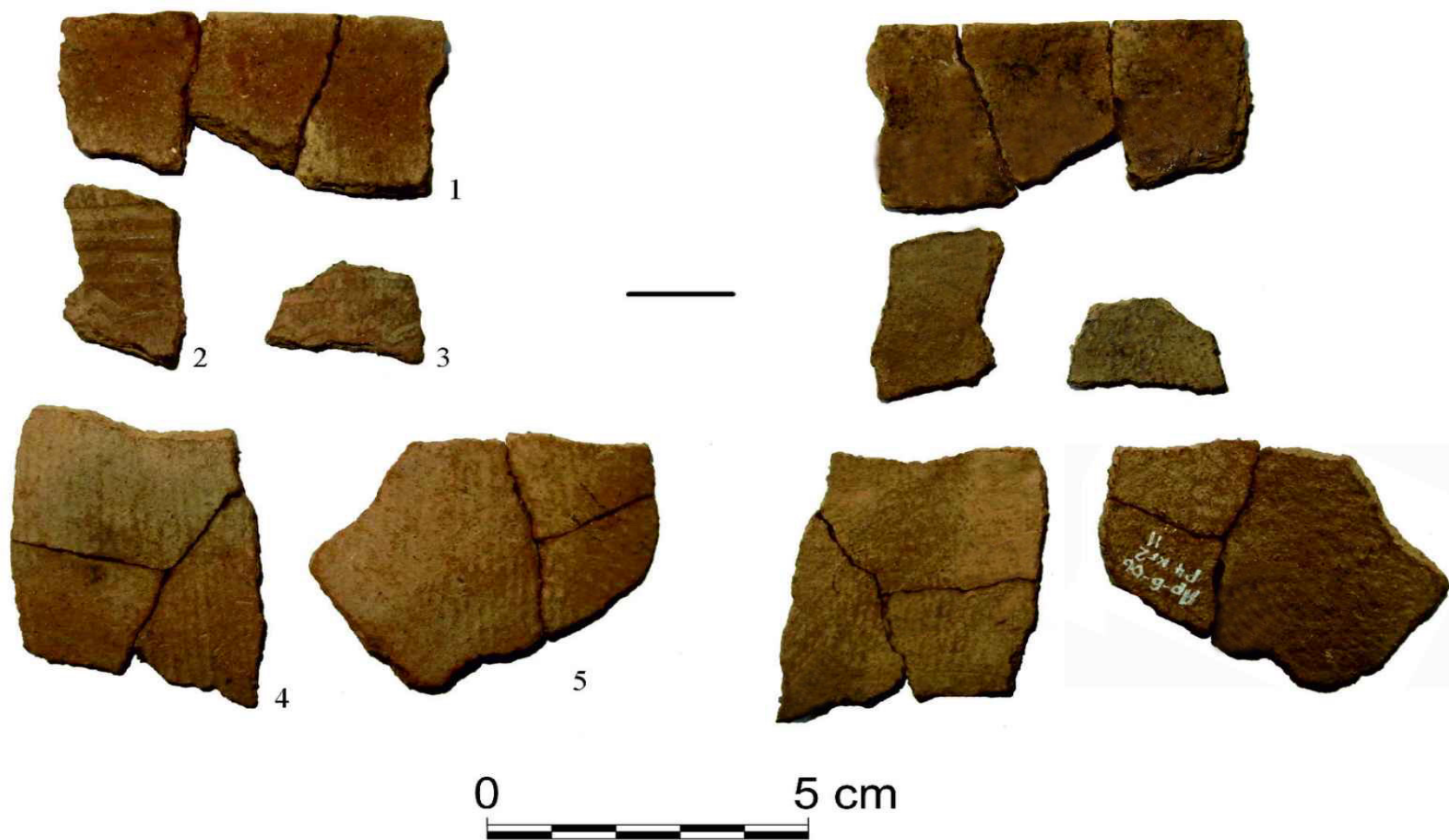

Рис. 27. Ярцы Байкальские, юго-восточный комплекс, слой 2: 1-5 - фрагменты сосуда, вид с внешней и внутренней стороны.

Рис. 28. Ярцы Байкальские, юго-восточный комплекс, слой 2:
фрагмент сосуда со следами спая.

Рис. 29. Ярцы Байкальские, юго-восточный комплекс, слой 2:
1-5 - фрагменты сосуда.

Рис. 30. Ярцы Байкальские, юго-восточный комплекс, слой 2:
фрагмент гладкостенного сосуда с растительной примесью
в тесте.

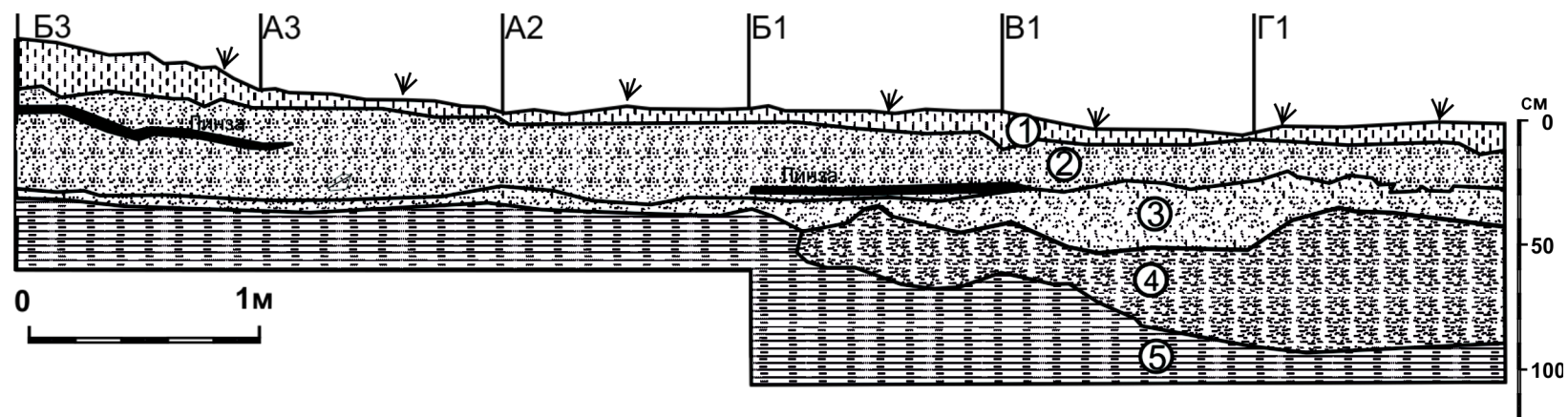

Рис. 31. Ярцы Байкальские, центральный комплекс, стратиграфия.

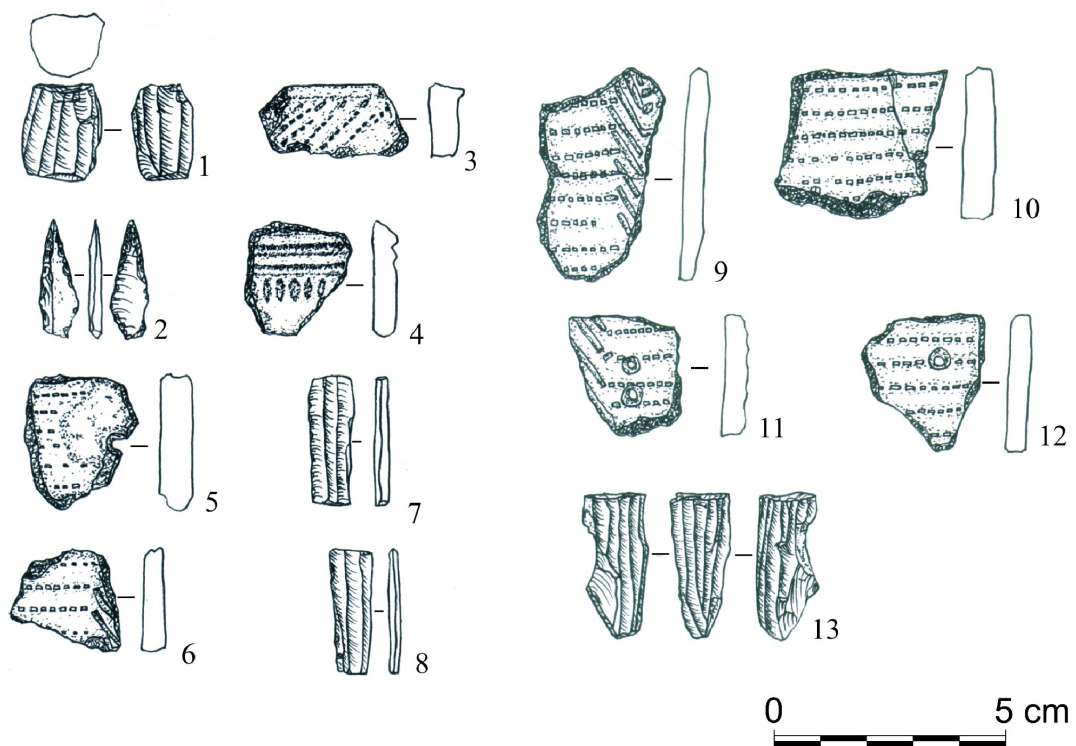

Рис. 32. Ярцы Байкальские, центральный комплекс, слой 1в: 1,13 - микропризматические нуклеусы; 2 - "даурское" острие; 3-6, 9-12 -фрагменты керамики; 7,8 - микропластины.

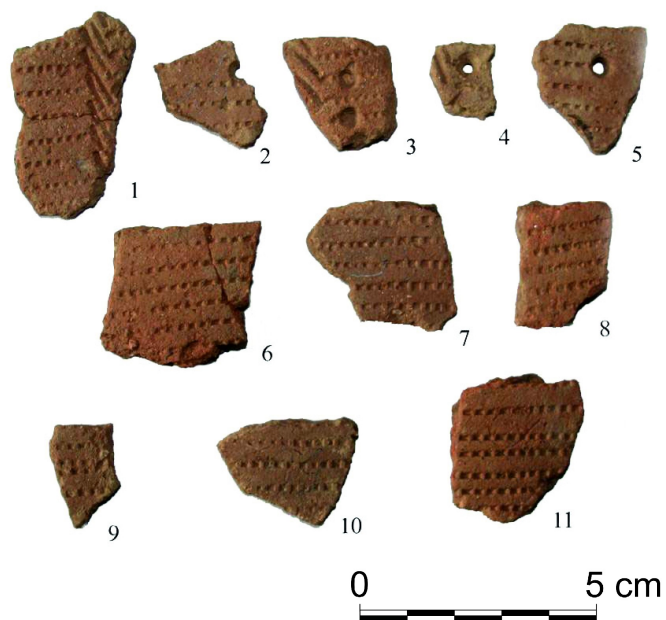

Рис. 33. Ярцы Байкальские, центральный комплекс, слой 1в: 1-11 -фрагменты керамики.

Рис. 34. Ярцы Байкальские, центральный комплекс, слой 2а:
фрагменты глазковского сосуда в слое.

Рис. 35. Ярцы Байкальские, центральный комплекс, слой 2а:
реконструкция керамического глазковского сосуда.

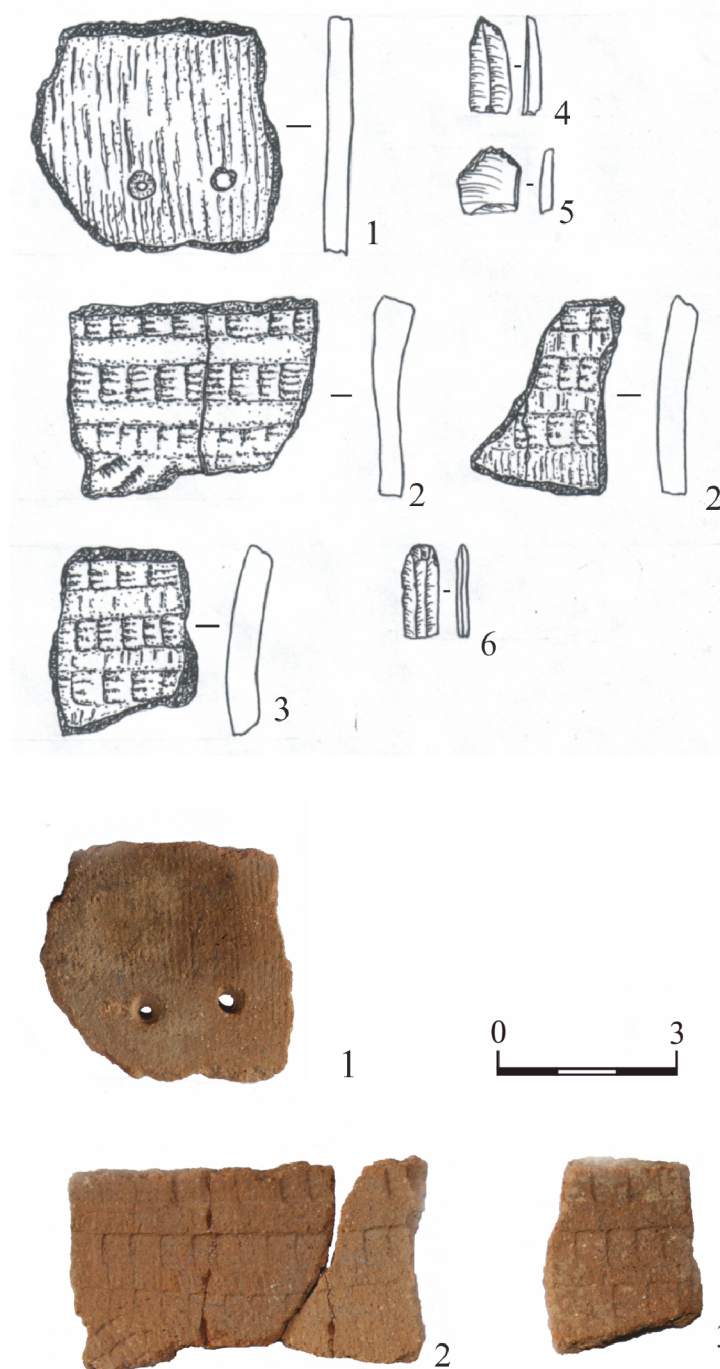

Рис. 36. Ярцы Байкальские, центральный комплекс, слой 26:
 1-3 - фрагменты керамики; 4 - острие на микропластине;
 5 - микроскребок; 6 - микропластина.

Рис. 37. Муханские Озера I. Общий вид с юго-востока.

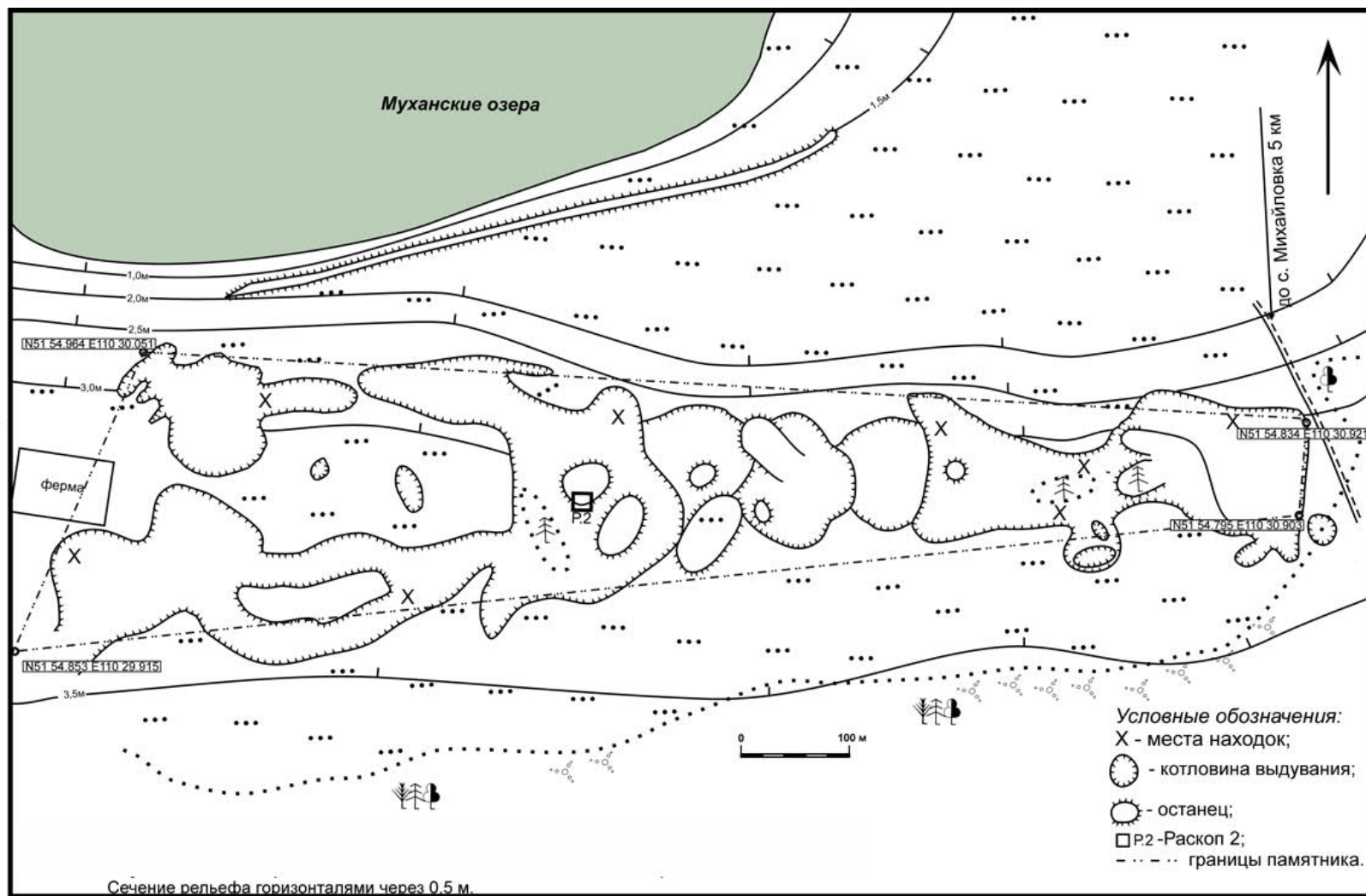

Рис. 38. Муханские Озера I. План памятника.

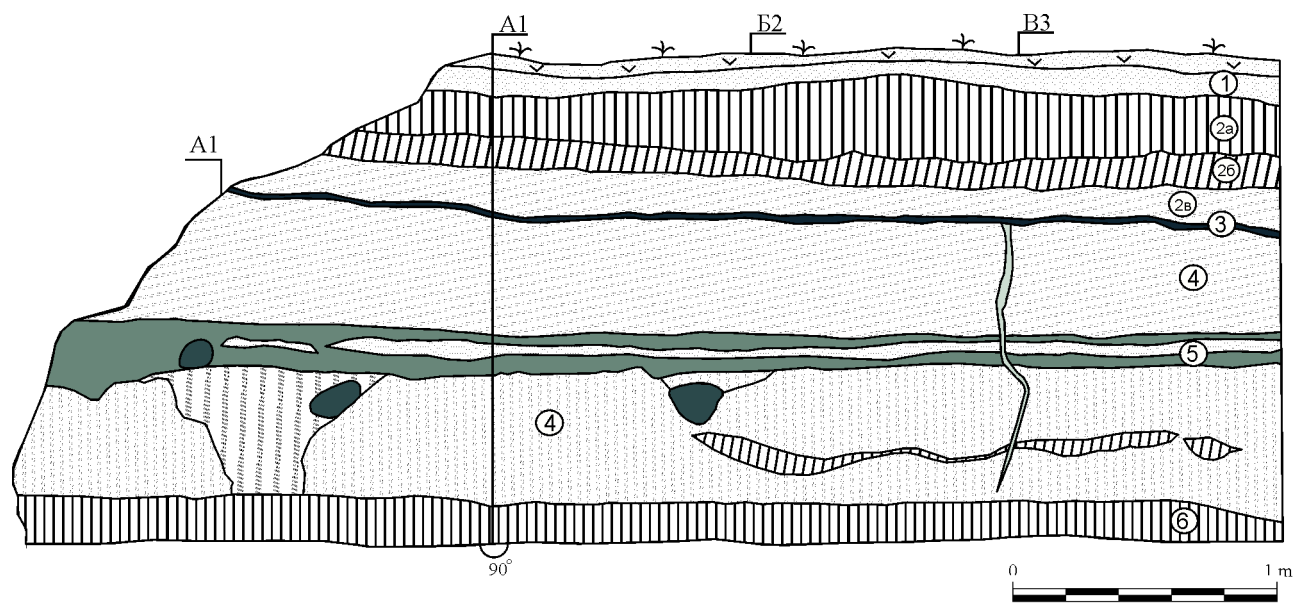

Рис. 39. Муханские Озера I, раскоп 1, стратиграфия.

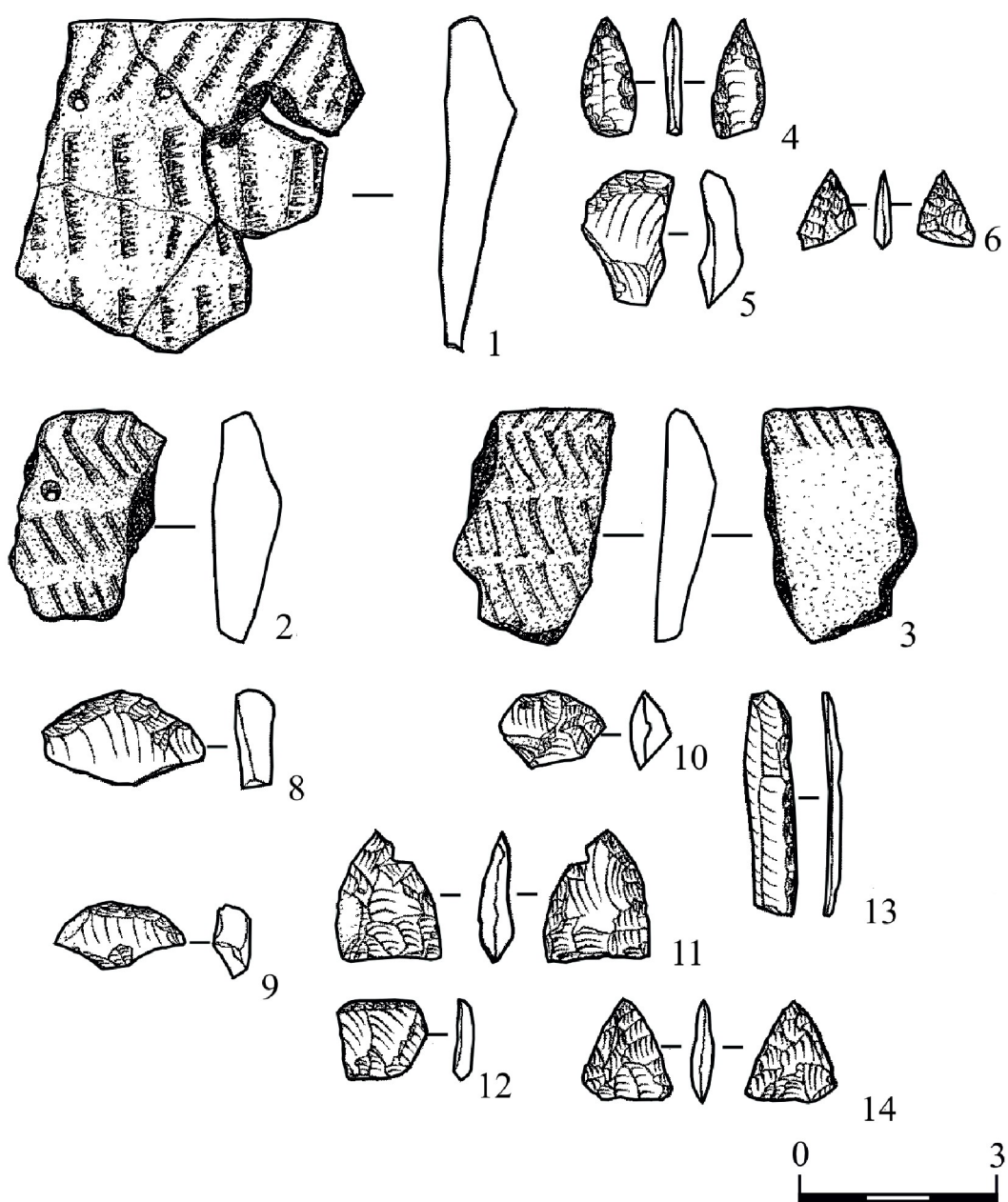

Рис. 40. Муханские Озера I, раскоп 1, слой 2:
 1-3 - фрагменты керамики; 4 - острие;
 5,8-10,12 - микроскребки; 11,14 - наконечники;
 13 - микропластина.

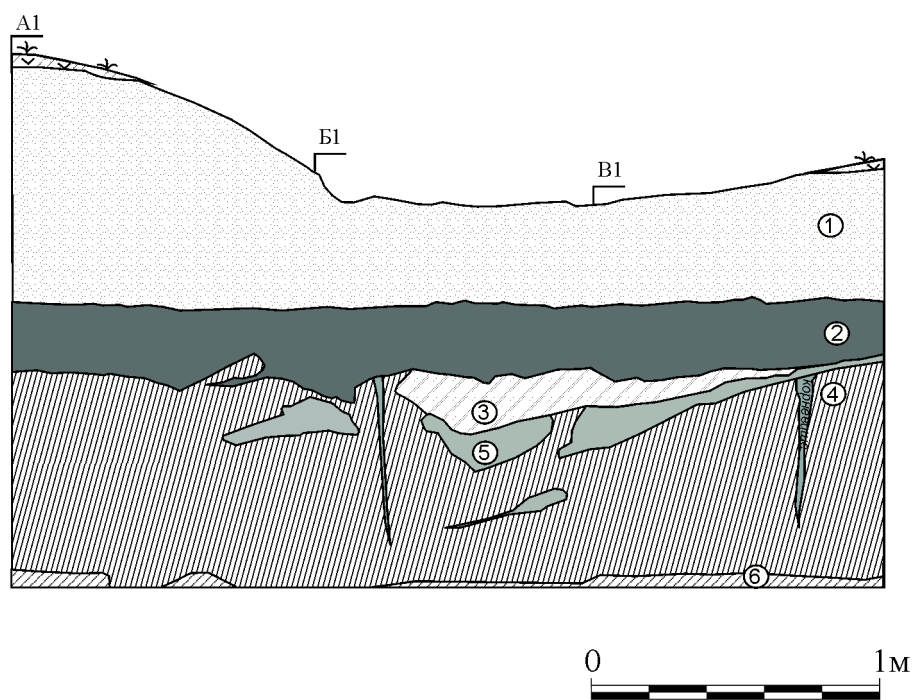

Рис. 41. Муханские Озера I, раскоп 3А, стратиграфия.

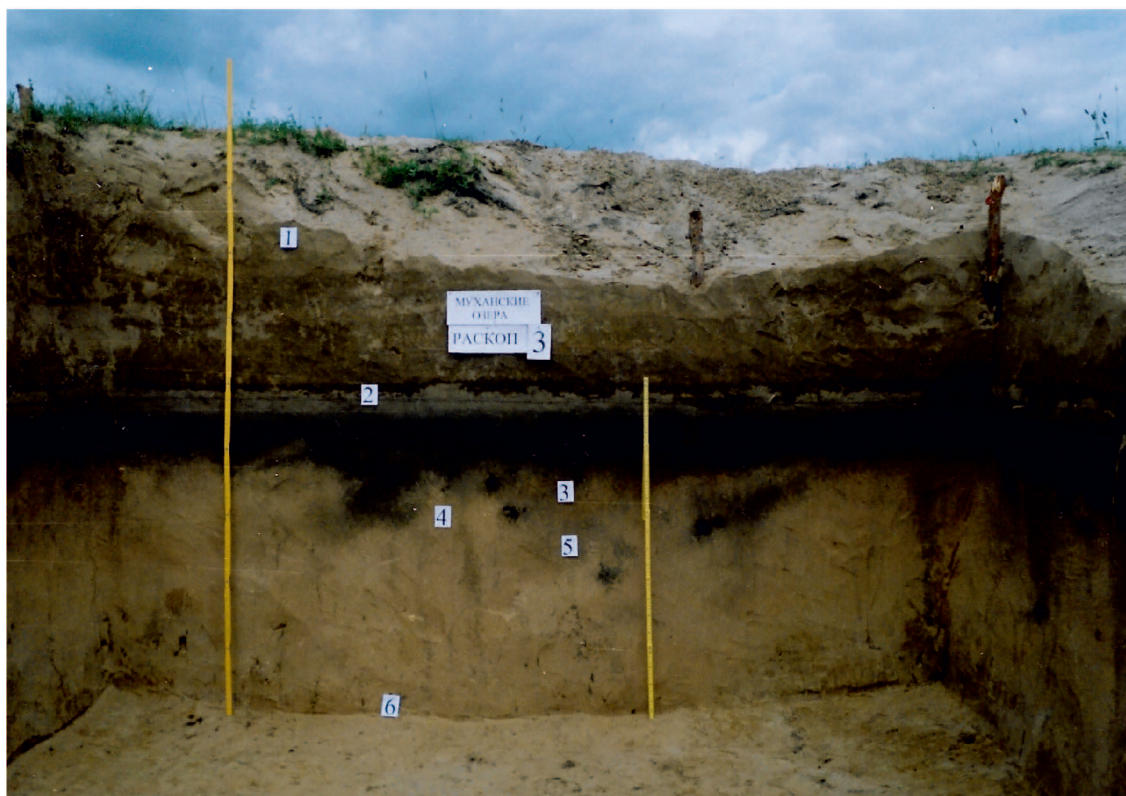

Рис. 42. Муханские Озера I, раскоп 3А, северная стенка.

Рис. 43. Муханские Озера I, раскоп 3А, слой 2:
 1-4, 7 - микропластины;
 5 - фрагмент наконечника;
 6 - пилка; 8 - фрагменты керамики.

Рис. 44. Муханские Озера I, раскоп 2, северная стенка.

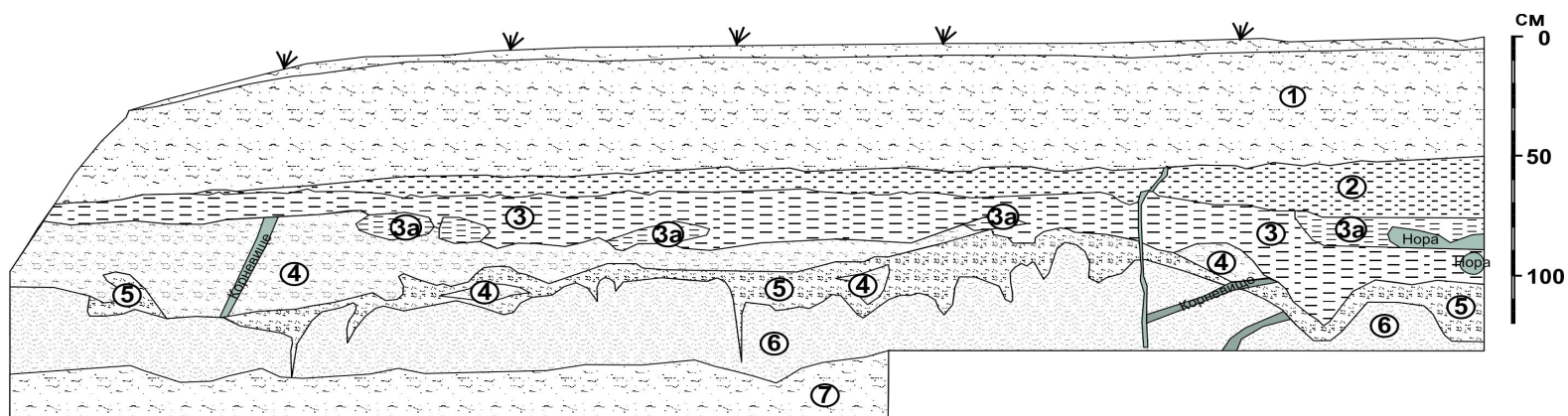

Рис. 45. Муханские Озера I, раскоп 2, стратиграфия.

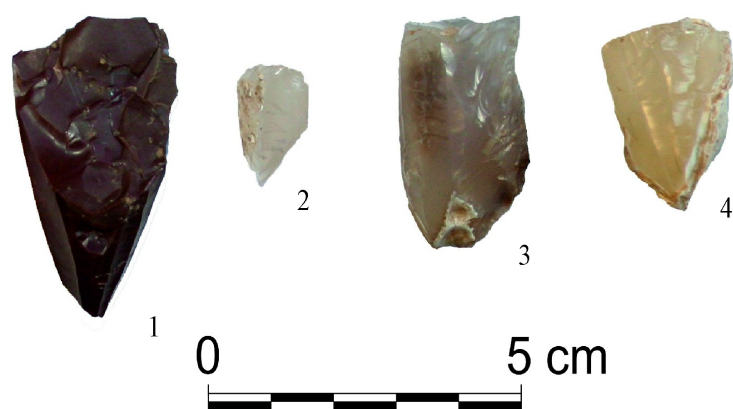

Рис. 46. Муханские Озера I, раскоп 2, слой 2:
1-4 - микропризматические нуклеусы.

Рис. 47. Муханские Озера I, раскоп 2, слой 2:
1- краевой скол; 2-6- микропластины;
7 - острие.

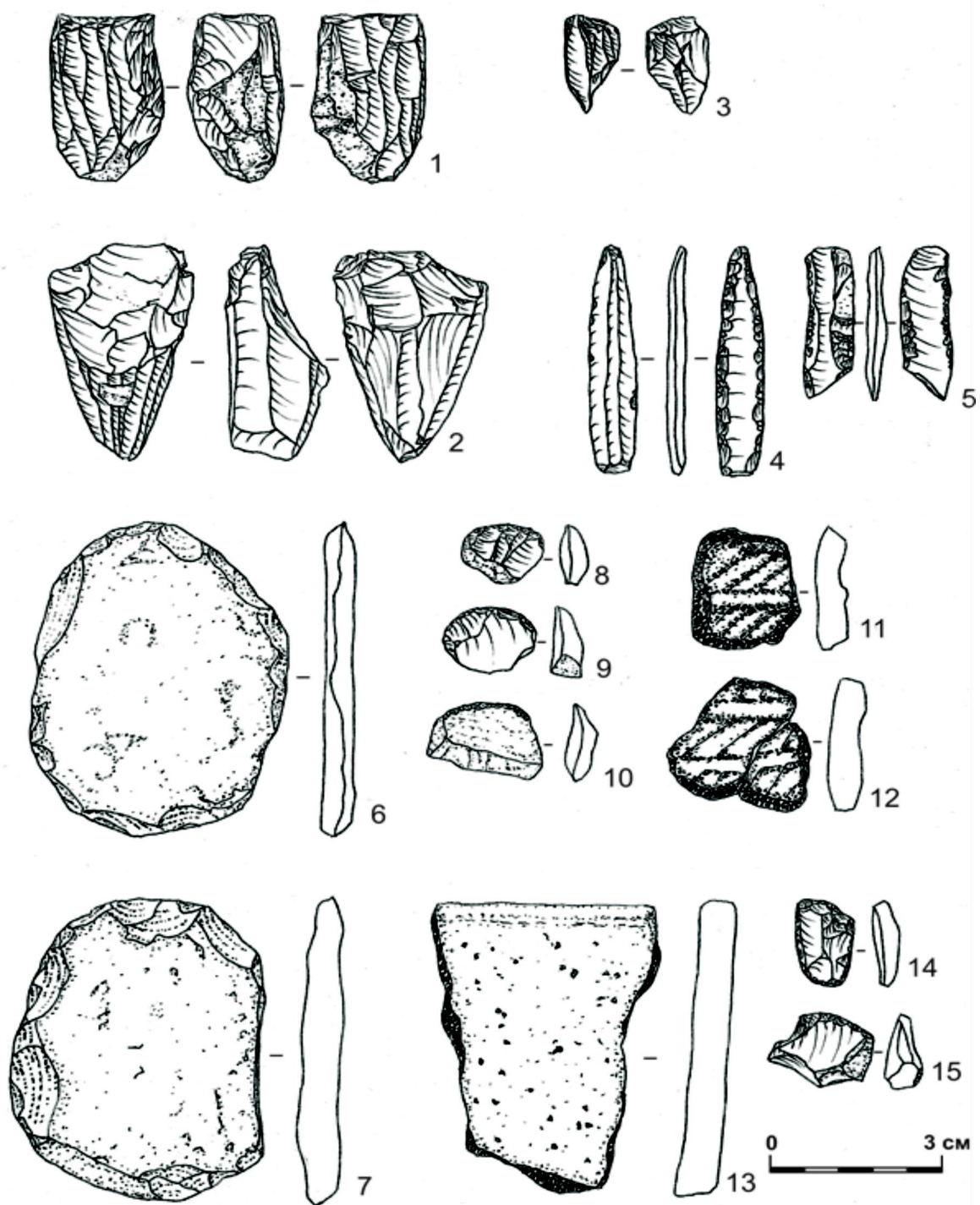

Рис. 48. Муханские Озера I, раскоп 2, слой 2:

1-3 - микронуклеусы; 4, 5 - микропластины; 6, 7 - ножи;
 8-10, 14, 15 - микроскребки; 11, 12 - фрагменты керамики;
 13 - фрагмент керамической плитки.

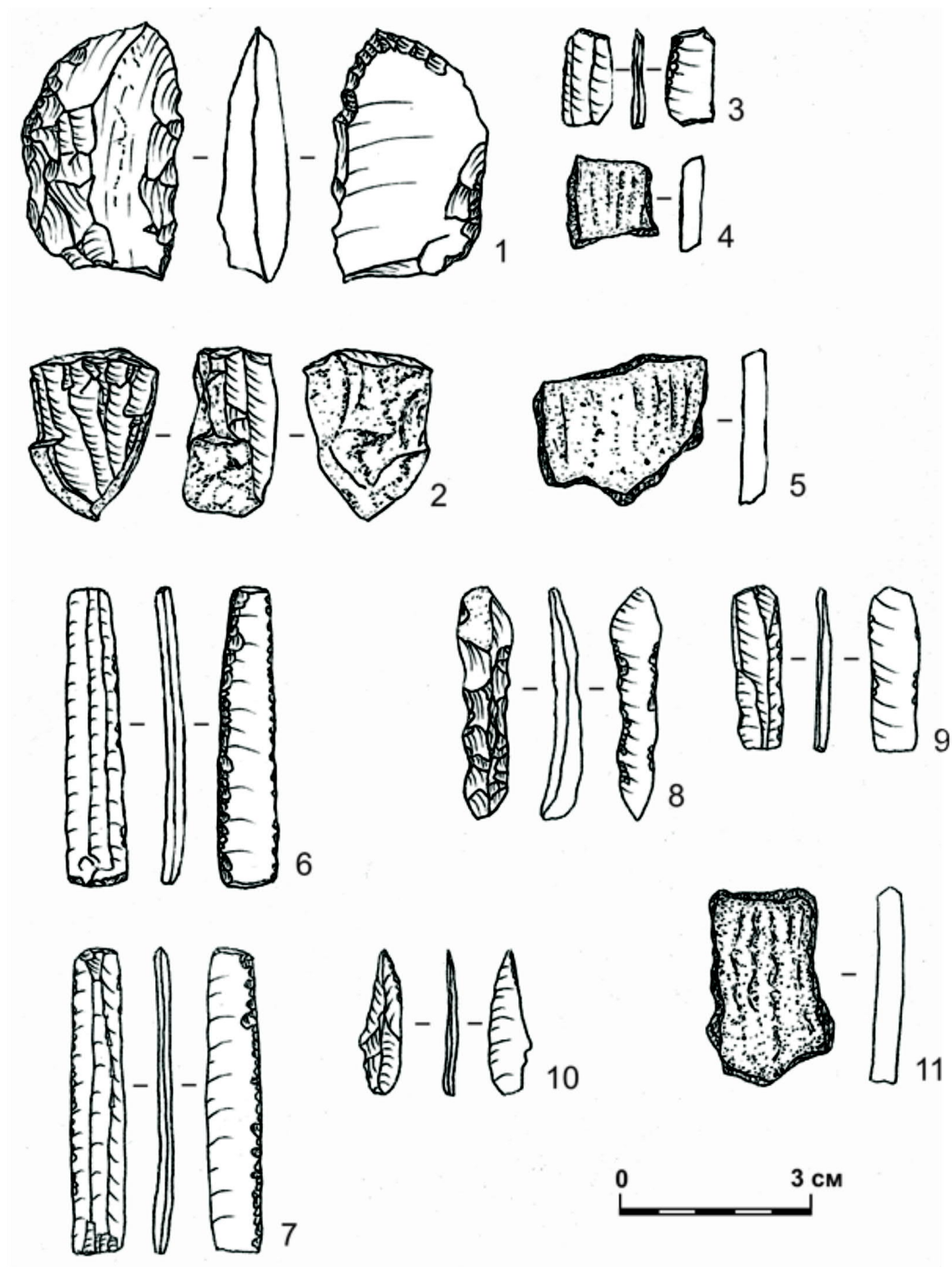

Рис. 49. Муханские Озера I, раскоп 2, слой 2:

- 1 - наконечник; 2 - микронуклеус; 3, 6, 7, 9 - микропластины;
 4, 5, 11 - фрагменты керамики; 8 - реберчатый скол;
 10 - проколка.

Рис. 50. Муханские Озера I, раскоп 2, слой 2:
1-5 - микроскребки.

Рис. 51. Муханские Озера I, раскоп 2, слой 2:
1-2 - ножи на сланцевых плитках.

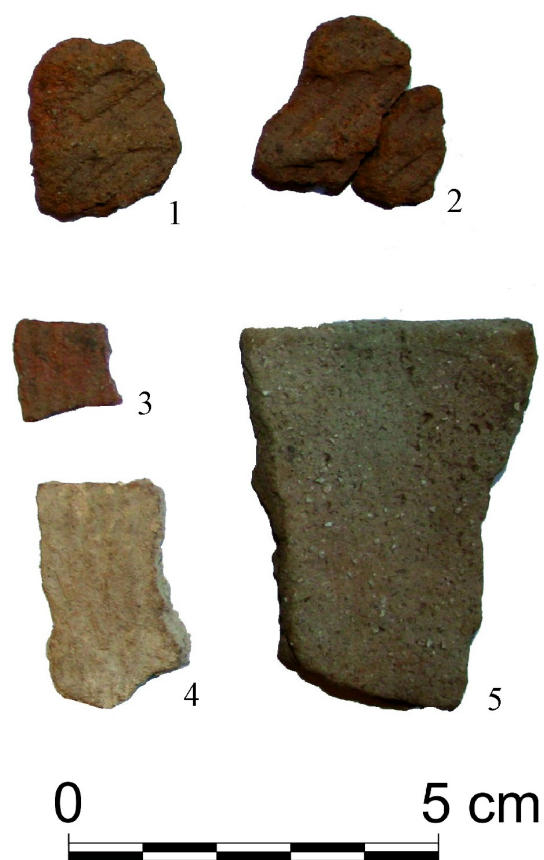

Рис. 52. Муханские Озера I, раскоп 2, слой 2:
1-4 - фрагменты керамики;
5 - фрагмент керамической плитки.

Рис. 53. Муханские Озера I, раскоп 2, слой 2: 1-3 - фрагменты керамики, вид с внешней стороны и изнутри.

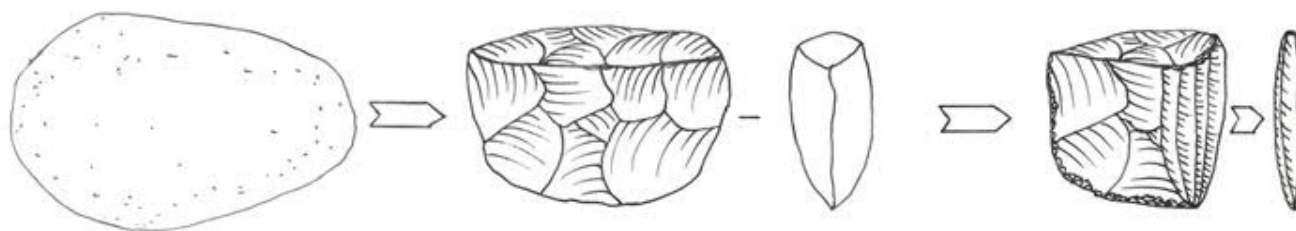

Рис. 54. Красная Горка, схема реконструкции первичного расщепления.

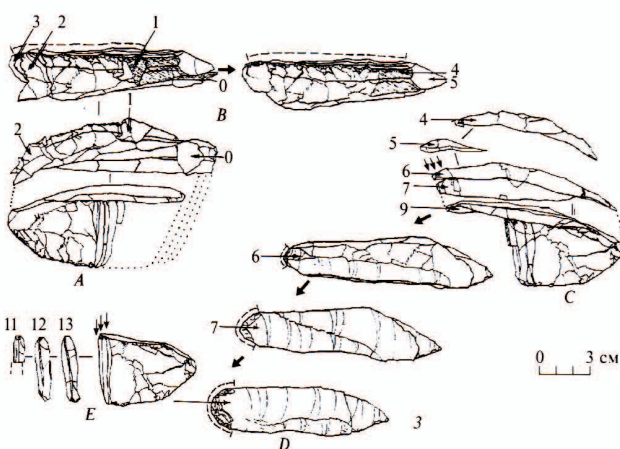
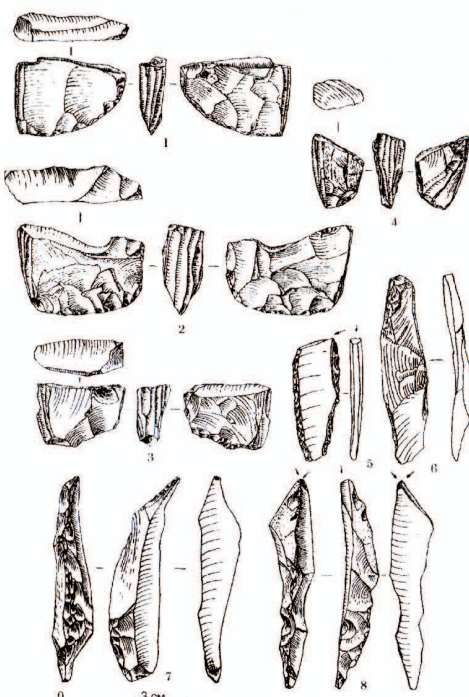
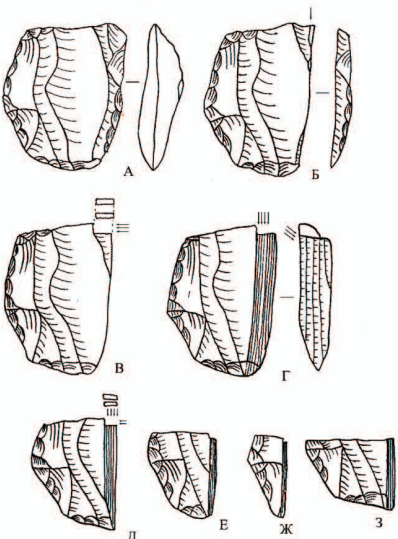
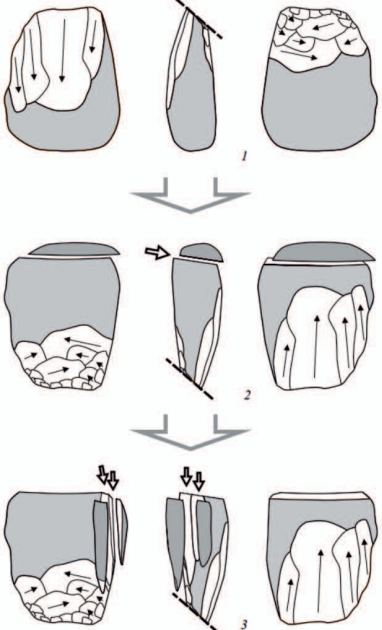
Бифасиальная традиция	Унифасиальная традиция
 Большой Якорь I, к.г. ЗВ: реконструкция первичного расщепления (сходное с юбецу) (по Инешин, Тетенькин, 2010) Аршан-Хундуй и чикойская традиция: торцовые клиновидные микронуклеусы, лыжевидные и реберчатые сколы (по Ташак, 2000)	 Реконструкция первичного расщепления в селенгинской традиции (по Ташак, 2000) Реконструкция первичного расщепления в селенгинской традиции (по Павленок, 2015)

Рис. 55. Схемы первичного расщепления в финальном палеолите Забайкалья.

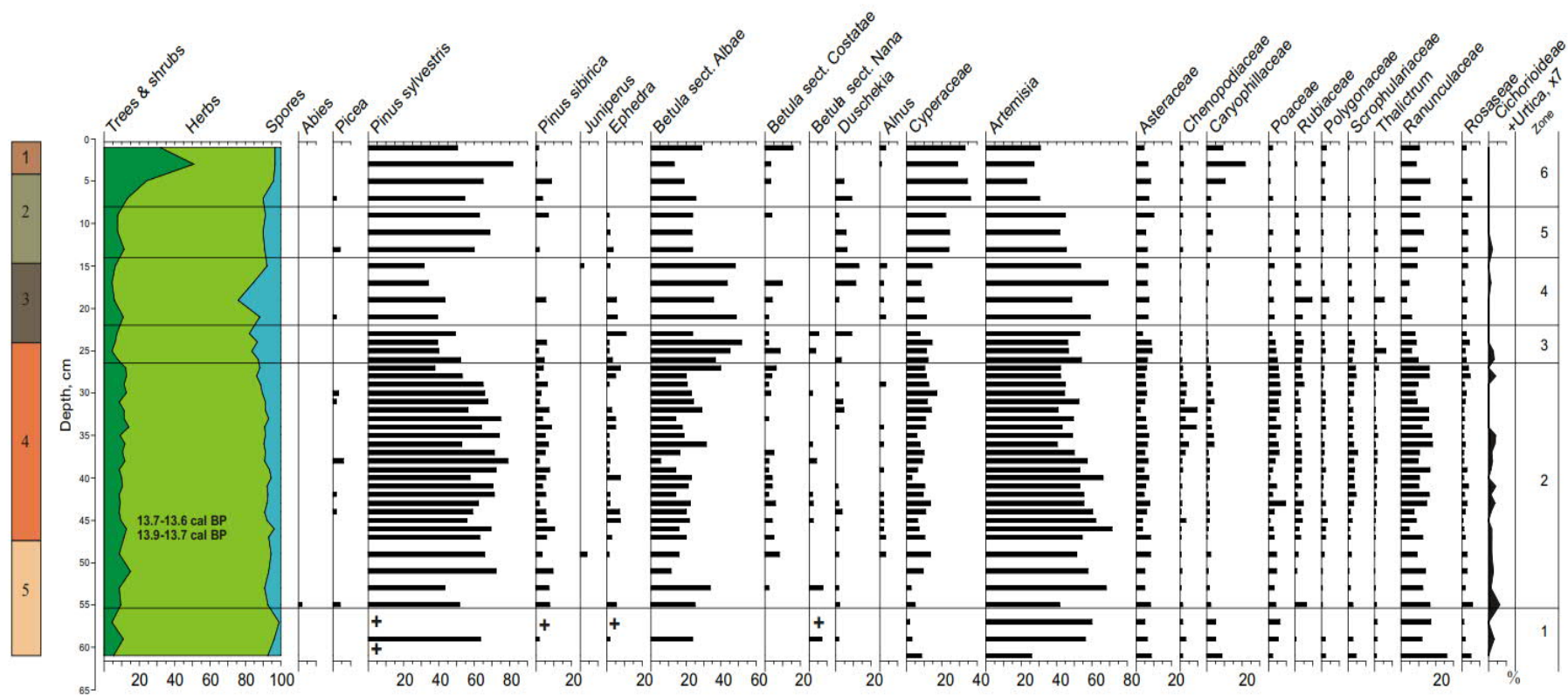

Рис. 56. Красная Горка, диаграмма содержания споро-пыльцы растений в рыхлых отложениях.

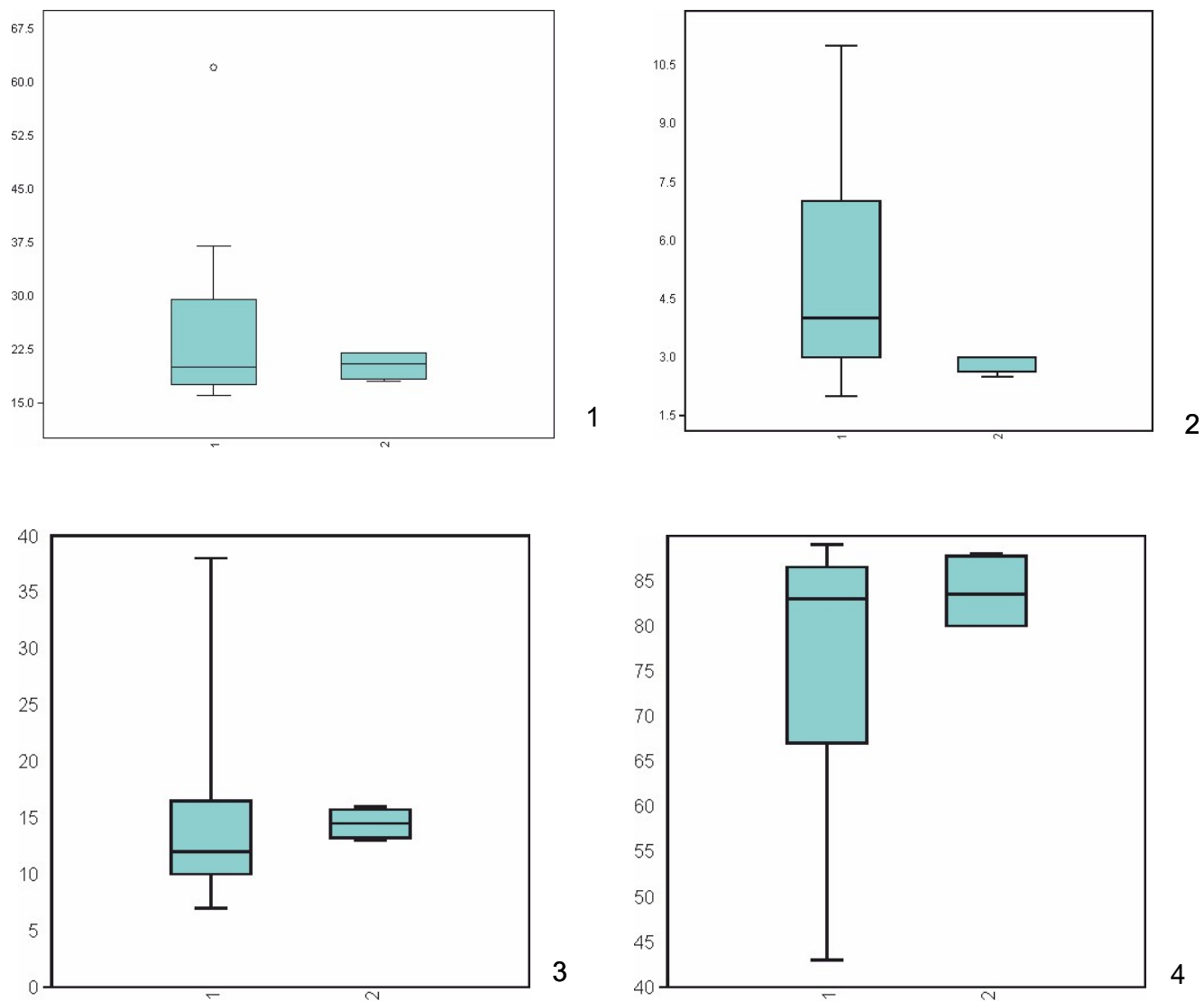

Рис. 57. Красная Горка, слой 2 (слева) и Ярцы Байкальские, юго-восточный комплекс, слой 2 (справа), сравнительные диаграммы по резцам:
 1 - по длине; 2 - по ширине; 3 - по толщине; 4 - по углу рабочего края.

Рис. 58. Посольск, 1964 г.: 1-3 - фрагменты керамики посольского типа.

Рис. 59. Харга I: 1-3 - фрагменты керамики.

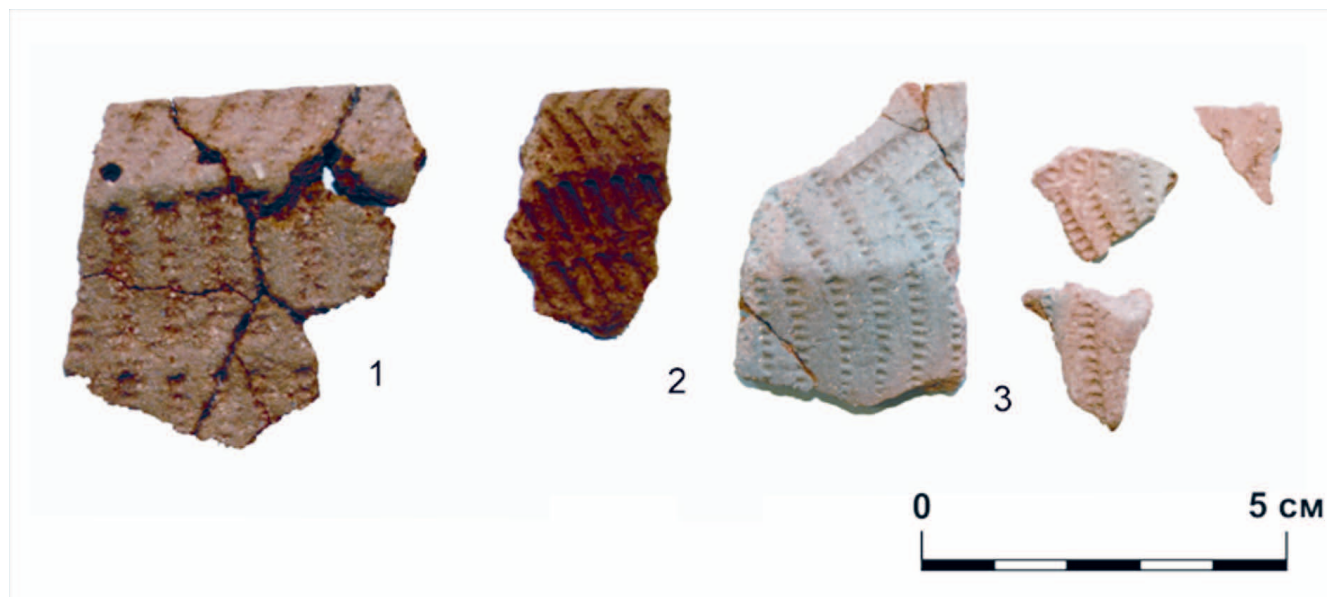

Рис. 60. Керамика посольского типа: 1, 2 - Муханские Озера I (Западное Забайкалье); 3 - Барга Элс (Восточная Монголия).

Рис. 61. Нижняя Березовка: 1, 2 - фрагменты керамики усть-бельского типа;
3 - фрагмент посольского типа.

Рис. 62. Посольск, 1964 г.: 1-3 - фрагменты керамики
усть-бельского типа.

Рис. 63. Кулькисон: 1, 2 - фрагменты керамики с орнаментом, выполненным прокатом орнамента; 3-5 - фрагменты керамики с пунктирным орнаментом; 6 - фрагмент керамики с оттисками отступающей лопатки.

Рис. 64. Харга I: 1-4 - фрагменты керамики с рассеченными валиками.

Рис. 65. Посольск: 1-2 - фрагменты керамики северо-байкальского типа.

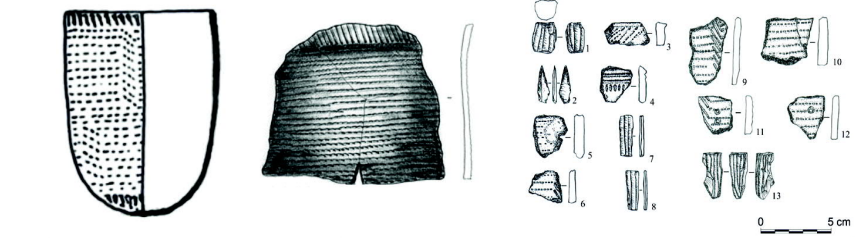
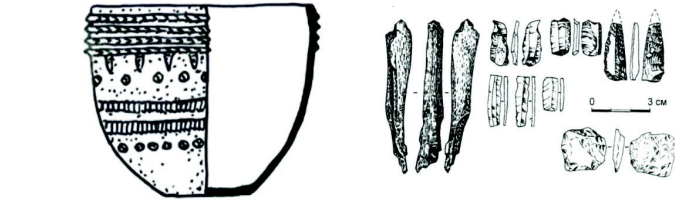
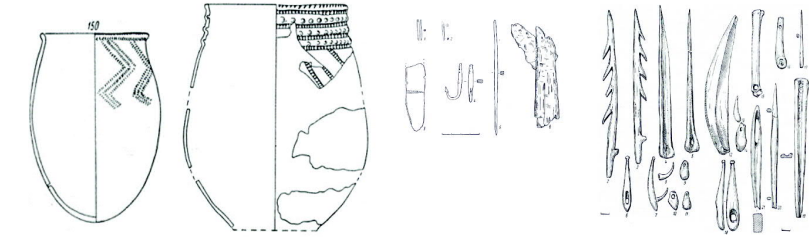
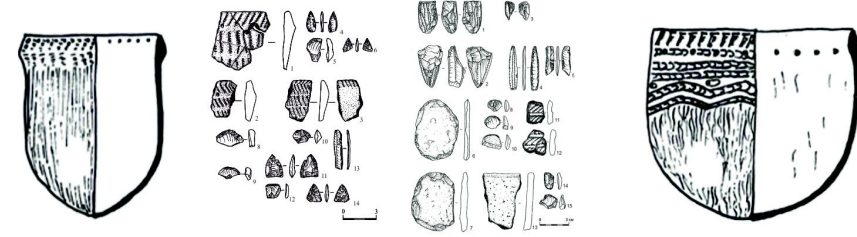
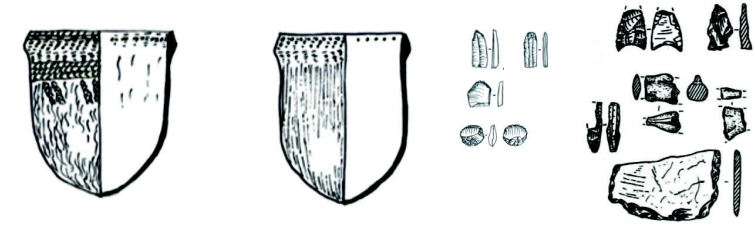
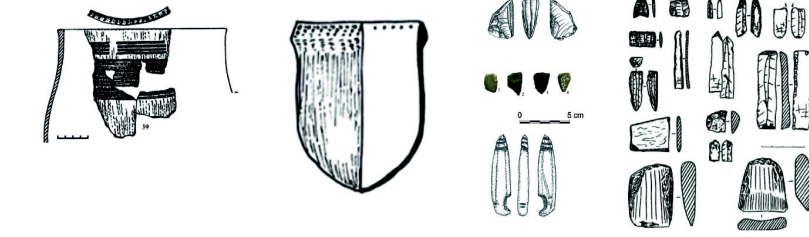
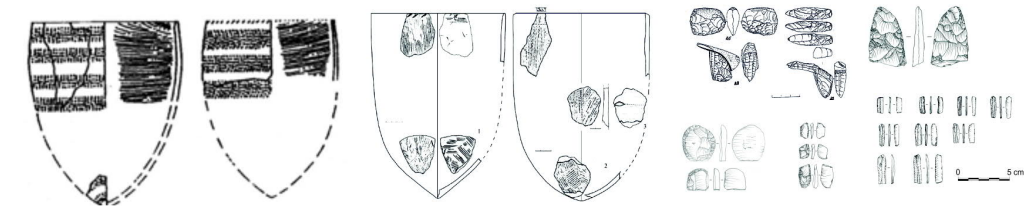
Бронзовый век	Хэнтэйская культура	
	Северо-байкальская культура	
	Глазковская культура	
Неолит	Поздний	
	Развитый	
	Ранний	
	Начальный	

Рис. 66. Общая культурно-хронологическая схема.

Таблица 1. Красная Горка, раскоп 1, слой 2

Типы изделий		кол-во	%
Нуклеусы		29	1,9 %
клиновидные нуклеусы		19	1,25
микропризматические (конические) нуклеусы		9	0,6
призматические нуклеусы		1	0,07
Преформы		15	0,9 %
Технические сколы		28	1,8 %
сколы подработки ударной площадки	«таблетки»	6	0,4
	снятия с латерали	9	0,6
реберчатые сколы подготовки фронта		4	0,26
резцовые сколы		9	0,6
Формальные орудия		91	6,0 %
микропластины с ретушью		12	0,8
ножевидные изделия с ретушью	на пластинах	1	0,07
	на отщепах и сколах	10	0,6
мелкие острия		1	0,07
проколки		3	0,2
резцы	трансверсальные	13	0,86
	комбинированные – боковые и трансверсальные	3	0,2
	срединный	1	0,07
бифасы		6	0,4
скребки	концевые	11	0,7
скобели	боковые	19	1,25
	округлых форм	3	0,2
		7	0,5
струги		1	0,07
Неформальные орудия		162	10,7 %
микропластины с ретушью утилизации		104	6,8
ножевидные изделия с ретушью утилизации на отщепах и сколах		36	2,4
скребки с ретушью утилизации		22	1,5
Сколы без ретуши		1178	78,00 %
микропластины		96	6,3
пластинки		16	1,06
пластины		1	0,07
пластинчатые отщепы		207	13,6
пластинчатые сколы		39	2,6
отщепы		678	44,8
сколы		141	9,3
Гальки и желваки, в т.ч. с обивкой		9	0,6 %
Итого		1512	100 %

Таблица 2. Ярцы Байкальские, юго-восточный комплекс, слой 1

Типы изделий		кол-во	%
Нуклеусы		7	1,82 %
микропризматические (конические) нуклеусы		6	0,56
микропризматические (карандашевидные) нуклеусы		1	0,26
Преформы		1	0,26 %
микропризматического нуклеуса		1	
Технические сколы		7	1,82
сколы подработки ударной площадки	«таблетки»	3	0,78
	снятия с латерали	1	0,26
реберчатые сколы подготовки фронта		3	0,78
Формальные орудия		40	10,3 %
микропластины с ретушью		14	3,6
ножевидные изделия на пластинах с ретушью		1	0,26
нож на сланцевой плитке		1	0,26
проколки		6	1,56
резцы	трансверсальные	5	1,3
наконечники стрел с 2х сторонней обработкой		2	0,51
микроскребки	концевые	2	0,51
	боковые	7	1,82
скобели		1	0,26
стерженек		1	0,26
Неформальные орудия		12	3,1 %
микропластины с ретушью утилизации		12	
Сколы без ретуши		318	83 %
микропластины		41	10,0
из них:	закрученные	4	1,03
	изогнутый профиль	2	0,51
	неровная огранка	2	0,51
пластинки		3	0,78
пластинчатые отщепы		19	4,0
пластинчатые сколы		4	1,03
отщепы		171	44,0
сколы		70	18,0
гальки, в т.ч. с обивкой		5	1,3
изделия металлические		5	1,3
Итого		385 экз.	100 %

Таблица 3. Ярцы Байкальские, юго-восточный комплекс, слой 2

Типы изделий		кол-во	%
Нуклеусы		1	0,45 %
торцовые клиновидные		1	0,45
Технические сколы		3	1,35 %
сколы подработки ударной площадки	«таблетки»	1	0,45
реберчатые сколы подготовки фронта		1	0,45
пластинчатый скол подготовки фронта		1	0,45
Формальные орудия		16	7,2 %
микропластины с ретушью		3	1,35
ножевидные изделия на пластинах с ретушью		2	0,9
проколки		1	0,45
резцы	трансверсальные на пластинчатых отщепах	2	0,9
	на сегментах отщепов	2	0,9
микроскребки округлых форм		4	1,8
скобели		1	0,45
тесловидное изделие, заготовка		1	0,45
Неформальные орудия		3	1,35 %
микропластины с ретушью утилизации		2	0,9
пластинчатый скол с ретушью утилизации		1	0,45
Сколы без ретуши		199	90 %
микропластины	медиальные фрагменты	8	3,6
пластинки		1	0,45
пластинчатые отщепы		9	4,5
отщепы		154	69,3
сколы		26	11,7
гальки		1	0,45
Итого		222 экз.	100 %

Таблица 4. Ярцы Байкальские, центральный комплекс, слой 1в

Типы изделий		кол-во	%
Нуклеусы		2	6,2 %
микропризматические (конические) нуклеусы		1	3,1
микропризматические (бочонковидные) нуклеусы		1	3,1
Технические сколы		2	6,2 %
реберчатые сколы подготовки фронта		2	6,2
Формальные орудия		7	21,8 %
микропластины с ретушью		4	12,5
пластинка с ретушью		1	3,1
«даурское» острие		1	3,1
микроскребки	боковые	1	3,1
Неформальные орудия		3	9,3 %
микропластины с ретушью утилизации		2	6,2
пластинчатый отщеп с ретушью утилизации		1	3,1
Сколы без ретуши		18	56,5 %
микропластины		9	28,4
в том числе:	закрученные	4	12,5
	неровная огранка	2	6,25
пластинчатые отщепы		3	9,4
отщепы		4	12,5
сколы		2	6,2
Итого		32 экз.	100 %

Таблица 5. Ярцы Байкальские, центральный комплекс, слой 2а

Типы изделий		кол-во	%
Неформальные орудия		1	33,3 %
микропластины с ретушью утилизации		1	33,3
Сколы без ретуши		2	66,6 %
сколы		1	33,3
гальки		1	33,3
Итого		3 экз.	100 %

Таблица 6. Ярцы Байкальские, центральный комплекс, слой 2б

Типы изделий		кол-во	%
Формальные орудия		2	40 %
проколка		1	20
микроскребки	округлые	1	20
Сколы без ретуши		3	60 %
микропластины		3	60
Итого		5 экз.	100 %

Таблица 7. Муханские Озера I, раскоп 1, слой 2

Типы изделий		кол-во	%
Формальные орудия		22	33 %
микропластины с ретушью		1	1,5
в том числе:	с двухсторонней обработкой	1	1,5
пластинки с ретушью		8	12
проколки		1	1,5
наконечники стрел с 2х сторонней обработкой		4	6
микроскребки	концевые	1	1,5
	боковые	2	3,0
	на отщепе с рабочим краем на дистале	2	3,0
скобели		1	1,5
рубящее орудие		1	1,5
Неформальные орудия		1	1,5 %
микропластины с ретушью утилизации		1	1,5
Сколы без ретуши		44	65,5 %
микропластины		5	7,5
в том числе:	немного изогнутый профиль	1	1,5
пластинки		1	1,5
пластинчатые отщепы		2	3,0
пластинчатые сколы		2	3,0
отщепы		26	38,5
сколы		7	10,5
гальки		1	1,5
Итого		67 экз.	100 %

Таблица 8. Муханские Озера I, раскоп 3А, слой 2а

Типы изделий	кол-во	%
Технические сколы	3	6,4 %
сколы подработки ударной площадки «таблетки»	2	4,3
реберчатые сколы подготовки фронта	1	2,1
Формальные орудия	5	10,6 %
микропластины с ретушью	4	8,5
проколки	1	2,1
Неформальные орудия	3	6,4 %
микропластины с ретушью утилизации	3	6,4
Сколы без ретуши	36	76,6 %
микропластины	8	17
пластинчатые отщепы	4	8,5
пластинчатые сколы	2	4,3
отщепы	16	34
сколы	6	12,8
Итого	47 экз.	100 %

Таблица 9. Муханские Озера I, раскоп 3А, слой 2б

Типы изделий		кол-во	%
Формальные орудия		8	13,0 %
микропластины с ретушью		3	5,0
проколки		1	1,6
наконечники стрел с 2х сторонней обработкой		1	1,6
микроскребки	концевые	1	1,6
скобели		1	1,6
пилка		1	1,6
Неформальные орудия		2	3,2 %
микропластины с ретушью утилизации		2	3,2
Сколы без ретуши		52	83,8 %
микропластины		12	19,3
в том числе:	неровная огранка	4	6,5
	закрученная	1	1,6
пластинчатые отщепы		8	12,9
пластинчатые сколы		2	3,2
отщепы		26	41,9
сколы		4	6,5
Итого		62 экз.	100 %

Таблица 10. Муханские Озера I, раскоп 2, слой 2

Типы изделий		кол-во	%
Нуклеусы		12	0,8 %
микропризматические (конические) нуклеусы		12	0,8
Преформы		5	0,3 %
призматической формы		1	0,06
клиновидной формы		4	0,25
Технические сколы		19	1,2
сколы подработки ударной площадки	«таблетки»	8	0,5
реберчатые сколы подготовки фронта		11	0,7
Формальные орудия		77	5 %
микропластины с ретушью		21	1,3
проколки		2	0,1
острие мелкое		1	0,06
комбинированное орудие: проколка и резец		1	0,06
наконечники стрел	подтреугольной формы	3	0,19
	подромбовидной формы	1	0,06
микроскребки:	концевые	3	0,19
	боковые	15	0,9
	комбинированные: концевой и боковой	13	0,8
	с рабочим краем на дистале	6	0,3
струги		1	0,06
долотовидные		2	0,1
пилки		4	0,25
ножи на сланцевых плитках		2	0,1
костяные изделия		2	0,1
Неформальные орудия		24	1,5 %
микропластины с ретушью утилизации		14	0,9
пластинчатые отщепы с ретушью утилизации		5	0,3
пластинчатые сколы с ретушью утилизации		3	0,2
сколы с ретушью утилизации		2	0,1
Сколы без ретуши		1419	91,2 %
микропластины		119	7,6
в том числе:	закрученные	20	1,3
	изогнутый профиль	3	0,2
	неровная огранка	30	1,9
пластинчатые отщепы		166	10,7
пластинчатые сколы		50	3,2
отщепы		852	54,8
сколы		225	14,5
желваки оббитые		5	0,3
куски гранита		2	0,1
Итого		1556 экз.	100 %

Таблица 11. Радиоуглеродные и ОСЛ даты комплексов Начального неолита Забайкалья (калибровка проведена с использованием OxCal 4.3)

	Местонахождение	Контекст	Материал	Лаб. №	¹⁴ C возраст л.н.	Калиброванный возраст л.н. (68.2%)	δ13C (‰)	δ15N (‰)	C/N	Ссылки
<i>Бассейн р. Витим</i>										
1	Усть-Каренга XII	слой 7	уголь	AA-60210	12180±60	14155-13983	-	-	-	Kuzmin, Vetrov, 2007
2	Усть-Каренга XII	слой 7	уголь	AA-60202	12170±70	14162-13953	-	-	-	Kuzmin, Vetrov, 2007
3	Усть-Каренга XII	слой 7	уголь	GIN-8066	11240±180	13285-12911	-	-	-	Кузьмин и др., 2000
4	Усть-Каренга XII	слой 7	органическая примесь в тесте	AA-38101	11070±70	13025-12844	-	-	-	Kuzmin, Keally, 2001
5	Усть-Каренга XII	слой 7	органическая примесь в тесте	AA-38101	11065±70	13020-12837	-	-	-	Ветров, 2008
6	Усть-Каренга XII	слой 7	органическая примесь в тесте	AA-60667	10870±70	12797-12703	-	-	-	Kuzmin, Vetrov, 2007
7	Усть-Каренга XII	слой 7	уголь	GIN-8067	10750±60	12725-12653	-	-	-	Кузьмин и др., 2000
8	Усть-Каренга XII	слой 7	органическая примесь в тесте	AA-21378	10600±110	12688-12425	-	-	-	Kuzmin, Vetrov, 2007
9	Усть-Каренга XII	слой 7	OSL, фрагмент керамики	X6347	-	15960 ± 2540 BC	-	-	-	Hommel et al., 2017
10	Усть-Каренга XII	слой 6	OSL, фрагмент керамики	X6343	-	13820 ± 1320 BC	-	-	-	Hommel et al., 2017
11	Усть-Каренга XII	слой 4	OSL, фрагмент керамики	X6345	-	10560 ± 2260 BC	-	-	-	Hommel et al., 2017
12	Усть-Каренга XII	слой 4	уголь	LE-1960	7230±80	8157-7973	-	-	-	Ветров, 2008
13	Усть-Каренга XII	слой 4	уголь/кора	LE-1961	6890±80	7826-7660	-	-	-	Ветров, 2008
<i>Бассейн р. Селенга</i>										
14	Усть-Кяхта 3	слой 1	кость	AA-12185, NSK-00831	12151±58	14130-13950	-	-	-	Павленок, 2015
15	Усть-Кяхта 3	слой 1	кость	AA-12176, NSK-00830	12136±54	14115-13930	-	-	-	Павленок, 2015
16	Усть-Кяхта 3	слой 1(?)	кость	SOAN-1552	11505±100	13450-13260	-	-	-	Kuzmin, Orlova, 2000
<i>Бассейн р. Чикой</i>										
17	Студеное 1	слой 6	уголь	GIN-4577	10780±150	12832-12551	-	-	-	Константинов, 1994
18	Студеное 1	слой 7	гумус	GIN-5492	9690±250	11396-10600	-	-	-	Константинов, 1994
19	Студеное 1	слой 7 б	гумус	GIN-5493	10450±300	12694-11828	-	-	-	Константинов, 1994
20	Студеное 1	слой 8	нагар (внешняя сторона)	MTC-16734	11570±60	13457-13337	-30.4	-	-	Разгильдеева и др., 2013
21	Студеное 1	слой 8	нагар (венчик)	MTC-16735	11600±60	13483-13351	-22.6	-	-	Разгильдеева и др., 2013

22	Студеное 1	слой 8	нагар (внутр.)	MTC-16736	11730±60	13597-13462	-24.6	-	-	Разгильдеева и др., 2013
23	Студеное 1	слой 9	уголь	GIN-5494	17700±400	21902-20888	-	-	-	Константинов, 1994
24	Студеное 1	слой 9 г	нагар (внутр.)	MTC-16737	11600±60	13483-13351	-27.9	-	-	Разгильдеева и др., 2013
25	Студеное 1	слой 9 г	нагар (внутр.)	TKa-15554	11960±80	13959-13722	-25.1	7.5	6.4	Разгильдеева и др., 2013
26	Усть-Менза 1	слой 5	органика	SOAN-3080	8715±60	9760-9555				Kuzmin, Orlova, 2000
27	Усть-Менза 1	слой 8	нагар (внутр.)	MTC-16738	11550±50	13439-13331	-21.3	-	-	Разгильдеева и др., 2013
<i>Еравнинские озера</i>										
28	Красная Горка	раскоп 1, слой 2	уголь	Poz-68609	12020±60	13949-13775	-	-	-	Tsydenova et al., 2017
29	Красная Горка	раскоп 1, слой 2	кость	Poz-68608	12010±60	13940-13770	-	-	-	Tsydenova et al., 2017
30	Красная Горка	раскоп 1, слой 2	нагар (внеш.)	AAR-21437	11155±50	13087-12990	-26.11	-25.68	-	Tsydenova et al., 2017
31	Красная Горка	раскоп 1, слой 2	уголь	TKA-19742	11845±40	13721-13606	-24,1			Tsydenova et al., 2021
32	Красная Горка	раскоп 1, слой 2	нагар (внеш.)	TKA-19739	11125±35	13070-12979	-25.5	12.3	36.5	Tsydenova et al., 2021
34	Красная Горка	раскоп 1, слой 2	нагар (внеш.)	TKA-19738	11265±35	13145-13079	-26.0	9.3	43.3	Tsydenova et al., 2021
35	Красная Горка	раскоп 1, слой 2	нагар (внутр.)	TKA-19737	10685±35	12698-12626	-25,4			Tsydenova et al., 2021
36	Красная Горка	раскоп 1, слой 2	нагар (внутр.)	TKA-19740	10625±35	12650-12571	-22.2	8.7	7.7	Tsydenova et al., 2021
37	Красная Горка Красная Горка	раскоп 1, слой 2, тот же образец, что KIA 42073	нагар (внеш.)	TKA-19741	9285±35	10555-10424	-23,8			Tsydenova et al., 2021
38	Красная Горка	раскоп 1, слой 2	нагар (внеш.)	KIA 42073	8345±66	9456-9293	-25,08	-	-	Tsydenova et al., 2017
39	Красная Горка	раскоп 1, слой 2	нагар (внутр.)	Poz-68594	6180±50	7162-7008	-	-	-	Tsydenova et al., 2017

Таблица 12. Радиоуглеродные даты комплексов раннего неолит – раннего бронзового века Западного Забайкалья и Монголии (калибровка проведена с использованием OxCal 4.3)

	Местонахождение	Контекст	Материал	Лаб. №	¹⁴ C возраст л.н.	Калиброванный возраст л.н. (68.2%)	δ13C (‰)	δ15N (‰)	C/N	Ссылки
	<i>Долина р. Селенга</i>									
1	Фофаново	погребение № 4 I группа	кость человека	ГИН-4128	6350±50	7412-7180	-	-	-	Мамонова, Сулержицкий, 1989
2	Фофаново	погребение № 5 I группа	кость человека	ГИН-4470	6640±140	7655-7424	-	-	-	Мамонова, Сулержицкий, 1989
3	Фофаново	погребение № 6 I группа	кость человека	ГИН-4472	6670±100	7615-7460	-	-	-	Мамонова, Сулержицкий, 1989
5	Фофаново	погребение № 2 I группа	кость человека	ГИН-4127	6720±70	7656-7515	-	-	-	Мамонова, Сулержицкий, 1989
6	Фофаново	погребение № 7-7 (образец 1) I группа	кость человека	ГИН-4131	6450±50	7423-7325	-	-	-	Мамонова, Сулержицкий, 1989
7	Фофаново	погребение № 7-7 (образец 2) I группа	кость человека	ГИН-4478	6780±110	7733-7515	-	-	-	Мамонова, Сулержицкий, 1989
8	Фофаново	погребение № 7-3 I группа	кость человека	ГИН-4471	6780±120	7744-7512	-	-	-	Мамонова, Сулержицкий, 1989
9	Фофаново	погребение № 7-1 I группа	кость человека	ГИН-4476	6830±60	7707-7596	-	-	-	Мамонова, Сулержицкий, 1989
10	Фофаново	погребение № 7-6 I группа	кость человека	ГИН-4130	7000±60	7930-7762	-	-	-	Мамонова, Сулержицкий, 1989
11	Фофаново	погребение № 7-5 I группа	кость человека	ГИН-4129	7040±100	7964-7760	-	-	-	Мамонова, Сулержицкий, 1989
12	Фофаново	погребение 7-4 I группа	кость человека	ГИН-4477	7610±210	8639-8175	-	-	-	Мамонова, Сулержицкий, 1989
13	Фофаново	погребение № 27 II группа	кость человека	ГИН-4473	3670±40	4083-3928	-	-	-	Мамонова, Сулержицкий, 1989
14	Фофаново	погребение № 36 II группа	кость человека	ГИН-4474	3740±50	4215-3988	-	-	-	Мамонова, Сулержицкий, 1989

15	Фофаново	погребение № 25		кость человека	ГИН-4485	3890±50	4412-4255	-	-	-	Мамонова, Сулержицкий, 1989
16	Фофаново	II группа погребения № 10	№	кость человека	ГИН-4803	4100±100	4815-4449	-	-	-	Мамонова, Сулержицкий, 1989
17	оз. Байкал Посольское	слой 2		гумус	ГИН-5792	5750±110	6665-6415	-	-	-	Константинов и др., 1995
18	Посольское	?		?	ГИН-6294	4630±150	5581-5062	-	-	-	Номоконова, Горюнова, 2000
19	Прибайкальский р-он, р. Селенга Клочнево	погребение		кость человека	ГИН-4046	7490±120	8484-8037	-	-	-	Мамонова, Сулержицкий, 1989
20	Прибайкальский р-он, оз. Байкал Ярцы Байкальские	юго-восточный комплекс, кг 2		уголь	NskA-(s724)	5225±258	6281-5735	-	-	-	неопубликованные данные
21	Ярцы Байкальские	центральный комплекс, кг 2а		уголь	NskA-(s725)	3024±231	3454-2890	-	-	-	неопубликованные данные
22	Ярцы Байкальские	центральный комплекс, кг 2а		нагар (внутренняя сторона сосуда)	ТКА-19736	3625±25	3973-3900	-25,6	-	-	неопубликованные данные
23	Долина р. Кодун										
24	Муханские Озера I	P2, кг 2		кость	СОАН-6605	4620±110	5576-5067	-	-	-	Цыденова, 2009
25	Еравнинский р-он Харга I	хоз. яма		кость косули	UBA-28385	5948±41	6849-6726	-	-	-	неопубликованные данные
26	Харга I	хоз. яма		кость рыбы	UBA-28384	6198±40	7166-7019	-	-	-	неопубликованные данные
27	Бухусан	погребение №20		кость человека	ГИН-4410	6430±100	7430-7265	-	-	-	Мамонова, Сулержицкий, 1989
28	Бухусан	погребение №21		кость человека	ГИН-4411	6650±90	7588-7444	-	-	-	Мамонова, Сулержицкий, 1989
29	Бухусан	погребение №6		кость человека	ГИН-4405	4520±50	5300-5057	-	-	-	Мамонова, Сулержицкий, 1989
30	Бухусан	погребение 13.1		кость человека	4409	4780±80	5596-5333	-	-	-	Мамонова, Сулержицкий, 1989
31	Бухусан	погребение 13.2		кость человека	4408	4670±90	5577-5310	-	-	-	Мамонова, Сулержицкий, 1989

Бассейн р. Витим

33	Старый Витим-II (Усть-Муя)	погребение 2	кость человека		7280±65	8162-8030	-	-	-	Ветров, 2003
34	Старый Витим-II (Усть-Муя)	погребение 3	кость человека		6500±60	7510-7287	-	-	-	Ветров, 2001
35	Старый Витим-II (Усть-Муя)	погребение 4	кость человека		6415±79	7419-7279	-	-	-	Ветров, 2003
<i>Северный. Байкал</i>										
36	Байкальское III	жилище № 3	?	СОАН-4101	3875±50	4406-4244	-	-	-	Харинский и др., 2009
37	Байкальское III	святилище, основание вала	уголь	СОАН-3894	3815±35	4282-4104	-	-	-	Харинский и др., 2009
38	Байкальское III	святилище, ров	кость	ЛЕ-3612	3674±332	4508-3589	-	-	-	Харинский и др., 2009
39	Байкальское III	жилище № 3	?	ГИН-7062	3020±40	3327-3160	-	-	-	Харинский и др., 2009
<i>Юг Западного Забайкалья</i>										
40	Заган, Мельничное	погребение	кость человека	ГИН-4413	5410±80	6323-5991	-	-	-	Мамонова, Сулержицкий 1989
41	В. Мангиртуй	погребение	кость человека	СОРАН 5494	7590±150	8727-8034	-	-	-	Лбова и др., 2008
42	В. Мангиртуй	погребение	кость человека	АА 60265	6760±70	7734-7488	-	-	-	Лбова и др., 2008
	Петропавловка	погребение	кость человека	СОРАН 5701	6090±100	7183-6735	-	-	-	Лбова и др., 2008
<i>Юго-Западное Забайкалье</i>										
43	Токуй	погребение 2	кость человека		7414±34	8331-8176	-	-	-	Васильев и др., 2018
44	Жиндо	погребение 1	кость человека	УА44176	6813±42	7716-7580	-	-	-	Васильев и др., 2018
45	Жиндо	погребение 2/1	кость человека	?	6995±39	7934-7729	-	-	-	Васильев и др., 2018
46	Жиндо	погребение 2/2	кость человека	?	7050±35	7808-7797	-	-	-	Васильев и др., 2018
47	Усть-Менза 5	погребение	кость человека	ГИН-5000	6940±160	8052-7500	-	-	-	Константинов, 1994
48	Мельничное	погребение	кость человека	ГИН-4997	7480±180	8649-7934	-	-	-	Константинов, 1994
49	Студеное 1	слой 16	?							
50	Алтан	слой 4	?	ЛЕ-2401	2770±40	2958-2777	-	-	-	Константинов и др., 2016
<i>Монголия</i>										
51	Толбор-15	поселение, слой 1	органическая примесь в керамике	PLD-18654	7685±30	8540-8415	-	-	-	Гладышев, Табарев, 2012
52	Толбор-15	поселение, слой 1	органическая примесь в керамике	PLD-18655	6725±30	7535-7519	-	-	-	Гладышев, Табарев, 2012
53	Харуулын гозгор	погребение	кость человека	COL3897.1.1	6571±47	7524-7423	-	-	-	Идэрхангай и др., 2016
54	Харуулын гозгор	погребение	кость человека	АА107617	6739±40	7536-7518	-	-	-	Идэрхангай и др., 2016
55	Норовлийн уул	погребение	кость человека	AAR-22184	6150±32	7160-6955	-18.08	-16.76	14.1	неопубликованные данные

56	Тамцак-Булак	жилище	гумус	Gif-10949	5590±120	6673-6177	Seferiades, 2004
57	Тамцак-Булак	?	?	PLD-20348	6646±29	7579-7474	Одсүрэн и др., 2015
58	Тамцак-Булак	?	?	PLD-23212	6760±25	7661-7579	Одсүрэн и др., 2015
59	Тогоотын гол V	поселение, слой 3	кость	AAR-22181	5087±30	5831-5748	Bazarova et al., 2019
